ИНСТИТУТ ДЕНИВА
БИБЛИОТЕКА
ВВ271
Л983

ВВ271
П983

ЖАН ДЕ ПЬЕРФЭ
JEAN DE PIERREFEU

ПЛУТАРХ СОЛГАЛ

ОЧЕРКИ ИЗ ИСТОРИИ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК
МОСКВА 1926

ЖАН ДЕ ПЬЕРФЭ
JEAN DE PIERREFEU

RNUAENRATHSEHN
800$

ПЛУТАРХ СОЛГАЛ

ОЧЕРКИ ИЗ ИСТОРИИ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО
Л. А. ТУМЕРМАНА

ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК
МОСКВА 1926

2т эиз-

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2006

ВВ271
П 983 р

ТИПОГРАФИЯ
РАБОЧЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
„ПРИБОЙ"
имени
ЕВГ. СОКОЛОВОЙ
пр. КРАСН. КОМАНДИРОВ 11
ЛЕНИНГРАД

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б.)

1110
26
223675

Ленинградский Гублит № 4431. Печ. 3.070 — 17 л. Зак. № 282

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАЧАЛО КАМПАНИИ

I

О том, как мало доверия нужно питать к военным историкам

Мы должны какой угодно ценой добиваться обнаружения истины, мы должны вооружиться безжалостным духом недоверия и критики, ибо история сейчас творится при помощи легенды. Война, разрушившая столько иллюзий, дала доказательство также и того, что историческую науку всегда творили подделыватели документов и наивные писаки в интересах тех, кому это выгодно. Вольтер говорил, что человечество делится на две группы: обманщиков и обманутых; он понимал, что ложь является могучим орудием порабощения в руках господствующих каст. Я лично отказываюсь от обобщения этой системы. Сознательные лжецы являются не наиболее опасной категорией. Гораздо опаснее, когда ложь, вначале, быть может, и сознательная, принятая как тезис, который нужно защищать и развивать, впоследствии поддерживается и развивается уже в добросовестном заблуждении. Ко лжи примешивается при этом столько искренности, что становится почти невозможным обвинять наиболее активных творцов этого неприглядного дела.

Итак, мы нападаем на передовые позиции историков блестящего исторического периода, чтобы попытаться расстроить игру сознательных творцов легенды. Задача эта тем более трудна, что они

сумели привлечь в помощь себе людей, которые заслужили своими прежними работами уважение и доверие и которые служат им с усердием, обостренным чувством патриотизма и национальной гордости. Очевидцы великой войны, пусть ваши воспоминания встанут, как Эльсинорская тень, чтобы восстановить истину, которую грозят исподтишка задушить! Участвует ли в этом заговоре корпус историков в целом? В большей части—нет, нужно отбросить мысль о преднамеренной злой воле с их стороны. Ибо для того, чтобы сознательно извращать факты, нужно знать о них всю правду, а этого-то им больше всего и не хватает. Вот почему Габриель Ганото, Луи Маделен, Анри Биду и все прочие, великие и незначительные, знаменитые и мало известные, кто с трогательной добросовестностью и поспешностью изучает документы Генерального Штаба, — все они виновны лишь в угодничестве.

Историкам этого периода, — по подготовке людям штатским, — пришлось изучать исторические события с исключительно военной точки зрения. Не полагаясь на свое собственное суждение, они, из уважения, не решились подвергнуть критическому исследованию факты, достоверность которых была заверена специалистами военного дела. Идолопоклонническое обожание всего, связанного с армией, низвело на них благодать: дар иметь глаза, чтобы ничего не видеть, и память, чтобы забыть даже о собственном своем опыте. Они были только чернорабочими официальной истории; свое искусство литераторов они приложили к тому, чтобы разукрасить орнаментами ткань, приготовленную другими. Подобно портному, который режет, кроит и шьет материю доставленную ему заказчиком, наши историки одели Генеральный Штаб в расшитый золотыми пальмами плащ, сотканный на его же фабриках. Их честолюбие заключалось только в том, чтобы добиться элегантного покроя, который получше обрисовывал бы фигуру заказчика.

*

Когда Людовик XIV назначал Расина и Буало историографами своих высоких деяний, давал ли он им какие-нибудь частные указания? Я не знаю этого, но если он и давал такие указания, то возможно, что со своей обычной величественностью он посоветовал им не стремиться льстить ему и превыше всего ставить истину, ибо Клио, муза истории, любит искренние повествования, могущие служить поучением людям. Наши два историографа, предки офицеров из информационного отдела штаба, несомненно, приняли бы этот совет с твердым намерением не исполнять его, нбо и тот и другой были достаточно умудрены житейским опытом и знали, что короли любят истину только тогда, когда она льстит им. Вольтер сказал по этому поводу:

Satirique flatteur, toi qui a pris tant de peine
Pour dire que Louis n'a point passé le Rhin! [1]

Это знаменитое двустишие характеризует метод, которого придерживались придворные историографы. Метод этот с тех пор, впрочем, не изменился, но только деятели великой войны и уже не требуют от своих агентов из службы пропаганды, которые играют роль этих историографов, чтобы они были честны и правдивы. От них требуются совершенно противоположные качества.

Нужно хорошо знать, что́ представляет собой этот отдел пропаганды, чтобы понять какие трудности придется преодолеть будущему историку великой войны. Я думаю, что никогда еще действительность не извращалась так явно, как в только что пережитый нами период. Чудовищная борьба между двумя группами народов заставила пустить в ход все средства нападения и защиты. При этом

нельзя было пренебречь и орудиями морального воздействия.

Каждая из союзных групп преследовала при этом различные цели: завоевать симпатии нейтральных народов, получить от них материальную помощь, уговорить их отказать в этой помощи противнику, наконец, побудить их, в свою очередь, напасть на противника данной коалиции.

Исходя из точки зрения права, довольно странной среди всеобщей разнузданности грубой силы, сначала пытались свалить на противника ответственность за возникновение войны, представить его как нападающую сторону. Но так как в решениях, принимаемых народами, материальные интересы господствуют над высокими чувствами, то каждой из воюющих сторон вскоре стало нужно убедить всех в том, что именно она является наиболее сильной. Отсюда и ведет начало та параллельная и противоречивая пропагандистская работа, которую энергично вели обе стороны и которая смутила и надолго сбила с толку все нейтральные страны.

Немцы, вначале подготовленные лучше нас и побуждаемые к национальной лжи темпераментом и воспитанием, указали нам путь. Их агенты во всем мире распространяли с редким бесстыдством самые тенденциозные слухи. Их официальные сообщения, подкрепляемые телеграммами, радиограммами, статьями в прессе, брошюрами, книгами, представляли военные операции в наиболее выгодном для них освещении. В свою очередь, и союзники создали постепенно обширную сеть пропаганды, подчиняясь той же необходимости подчеркнуть свои успехи и затушевать неудачи. Интеллектуальные силы каждой страны должны были доставлять аргументы в этой нового рода войне. Во всем мире, как в огромной Сорбонне, раздавался шум диспутов. опровержений, возражений и противопоставлений, За эти четыре года ум человеческий обогатил свой запас софизмов и логических хитростей в боль-

шей мере, чем за несколько веков блестящей цивилизации.

Франция показала в этой борьбе, что она является страной, исключительной по интеллектуальной одаренности. Однако, вскоре она поняла, что систематическая ложь может принести вред ее же интересам. Прежде всего важно было внушить доверие нейтральным странам, внедрить в них уверенность в том, что наша информация правдива. А для этого, в первую очередь, нужно было принять меры к тому, чтобы не вызвать по отношению к себе огульного отрицания фактов, против которого бессильно самое смелое хвастовство. Мы проявили в этом деле пропаганды тонкое искусство, результаты которого с горечью констатирует Людендорф. Врожденная вульгарность немцев, их отсутствие вкуса, цинизм и пренебрежение к нюансам заставили их перехватить через край. Мы обрели свое наиболее бесспорное преимущество с их же помощью, так как чаще всего наша задача сводилась лишь к подчеркиванию их неудачных выступлений. Здравый смысл народов довершал дело. Как бы почетно, однако, ни велась с французской стороны эта кампания пропаганды, труды, ею созданные, ни в какой мере не могут заменить истории. Это легко понять. Историк, влекомый бескорыстным интересом, стремится точно восстановить события. Он разматывает клубок причин и следствий. Стоя над борющимися сторонами, он стремится не угодить той или другой из них, но понять дух каждой. Так как его конечная цель в том чтобы понять урок, который нам дают факты, и постигнуть смысл событий, то он не боится ни воздать должное врагу, ни подчеркнуть ошибки, совершенные на его родине. Эту последнюю задачу он выполняет во имя отвлеченного интереса к истине, если он хочет до конца оставаться вне людской борьбы; с еще большей добросовестностью должен он выполнять ее, если для него на первом плане стоят интересы его родины. Это есть единственный

вид патриотизма, который можно простить историку. Такая позиция была невозможна во время войны, так как необходимость победить подавила все другие соображения.

К сожалению, мы привыкли продолжать это смешение понятий пропаганды и истории и за пределы того времени, когда оно было законно.

*

Методом внутренней пропаганды, предназначенной поддерживать дух нации, было внедрение в сознание граждан безудержного и неограниченного восхищения. Как внушить стране доверие, если не убеждать ее ежедневно в том, что все идет как нельзя лучше, что вожди безупречны, что все их мероприятия кончаются удачно. На помощь пропаганде пришла и цензура, умерявшая резвость пера критиков или совсем их подавлявшая. Отсюда ведет начало официальный усыпляющий оптимизм, привычка превозносить заслуги сверх их действительного значения, скрывать все безобразное и посредственное, покрывать ошибки, отсюда — всеобщий заговор снисходительности и ослепления, который притупляет чувство действительного понимания событий и атрофирует здравый смысл.

Понятно, что те, кто пользовался плодами этого чудовищного оптимизма, привыкли к нему и не хотят больше слышать правды. Во время войны говорить открыто, обнаружить свой критический дух, — от которого, к слову сказать, не отказывался Жорж Клемансо в те три года, когда он был только журналистом,—значило показать себя субъектом, опасным для родины. Бесполезно было бы, в свое оправдание, указывать на стремление к общественному благу, на страстное желание побудить страну стряхнуть рутину и гальванизировать свою энергию во имя победы. Такого человека генеральные штабы истребили бы, как изменника. Сколько раз „L'homme enchaîné“, орган таких людей, запрещался к распростра-

нению в армии, как газета, могущая деморализовать войска и служить планам врага, разрушая слепое доверие, которое во что бы то ни стало должен питать солдат по отношению к своим вождям. Разве это не значило провозгласить высокие достоинства лжи? Как будто зрелища совершенных ошибок и печальных злоупотреблений, которыми изобиловал ход этой кампании, не было бы достаточно, чтобы породить среди бойцов отчаяние, если бы такие чувства вообще могли найти почву среди них.

То, что Германия, в конце концов, пережила панику, есть, в первую очередь, следствие невозможности открыто проявить себя духу критики, задушенному железной рукой Людендорфа.

В день, когда заговорили факты, официальная и военная „набивка черепов“ (le bourrage de crânes) [2] уже не могла заставить немцев поверить, что все идет хорошо. Из этого ужасного разочарования, тем более тяжелого, чем глубже были иллюзии, и проистекает упадок духа у противника. Напротив, во Франции однажды сделанные ошибки впоследствии исправлялись, так как в ней мог по временам раздаваться голос истины. Бойцы заново проникались доверием, когда видели, что принимаются меры к исправлению тех или иных неправильностей, так как они первые указывали газетам и депутатам на допущенные ошибки. Страна же, которую эти критики держали более или менее в курсе тех трудностей, которые нужно преодолеть для достижения победы, приобретала, помимо своей воли, достаточно правильную оценку положения, чтобы не питать пагубных иллюзий.

Вспоминаете ли вы, среди какого хора проклятий звучал этот голос истины. „Благонамеренные люди“ кричали об осквернении святынь. Командование говорило, что его задачи становятся неразрешимыми, цензура метала свои громы. Члены парламента рисковали заслужить общественное презрение. Только Клемансо, в награду за свое мужественное поведе-

Библиотека Института Ленина при Ц.К. В.К.П. (б.) 223675

2 Плутарх солгал

ние в качестве главы правительства и за победу, получил полное прощение своей прежней недисциплинированности.

Этот дух угодливости, этот патриотический восторг, это стремление во что бы то ни стало восхищаться начальством еще не исчезли до сих пор. Еще теперь считаются непристойными попытки судить о людях и событиях великой войны. Теперь даже в большей мере, чем прежде! Ибо счастливый исход войны заставил забыть о черных днях, когда победа ускользала от нас и когда ясно видны были наши недостатки и слабости. В разгар триумфа казалось признаком дурного тона вспоминать о недостатках. И так как этих недостатков нельзя было скрыть, то путем искусной работы затушевывания их впечатление старались ослабить, свести на-нет, представить их, во всяком случае, как нечто несущественное. Почитайте труды наших официальных историков, и вы увидите, какое печальное влияние оказал дух пропаганды на историю. Эти писатели не скрывают фактов во что бы то ни стало, но как заботятся они о том, чтобы оправдать, смягчить, показать события с выгодной стороны! Долгий ряд опытов, нащупывания обстановки, несчастных случайностей, которые оканчивались хорошо, и сознательных шагов, которые кончались плохо, топтание на месте в поисках решения, глухая и кровавая драма, которой так часто вожди не в состоянии были овладеть, чтобы направить ее к развязке, все, что носит на себе в такой же мере печать нищеты и слабости людей, как и их величия, — все это превращается всемогуществом патриотического угодничества в стройное здание, созданное твердыми руками, продуманное великим умом, в шедевр логики и ясности, в котором каждая деталь находится как раз в предназначенном ей месте. Вот где яснее всего чувствуется разница между историей, вдохновленной одним только стремлением к истине, и историей, подчиненной духу пропаганды.

Никогда в действительности вожди не направляют событий так точно: роль случая огромна, всегда проявляют свое влияние неизвестные раньше благоприятные или неблагоприятные обстоятельства, которые создают новые положения; неожиданные результаты проистекают из мало выясненных причин; огромное сияние отраженных неясных воздействий окружает маленький огонек активной воли, которая пытается проявить себя сквозь него. Вычистить долю всех этих элементов, постараться понять в его целокупности тот чудовищный феномен, который проходил перед нами четыре года, — вот задача для научного ума, поглощенного только стремлением постичь действительность.

Но разве теперь речь идет об этом! Нужно только польстить национальной гордости, произвести благоприятное впечатленне на иностранцев, похвалить влиятельных людей, сохранить нетронутым существующий социальный строй! Есть достаточно оснований поощрять поставщиков иллюзий, миражей и химер. Полезные уроки, которые страна могла и должна была извлечь из этого тяжелого испытания, — что значат они в сравнении с той официальной картиной войны, шедевром лжи и условности, которая воздвигается в залах Института или Сорбонны с одобрения самых влиятельных лиц в стране.

*

Если вы хотите блестящих доказательств сказанного, откройте для примера книгу Луи Маделена „Путь победы“ („Le chemin de la victoire“). Как бы доверчивы, как бы мало предубеждены вы ни были, вы должны будете отметить господствующий в ней тон осторожной лести по отношению к вождям армии. Тон этот тем более удивителен, что у всех еще слишком живы в памяти события, происходившие чуть ли не вчера, что еще никто не мог забыть совершенных во время войны ошибок. Их много раз оплакивали, эти ошибки, выражая надежду избе-

жать их в будущем. Но едва лишь победа увенчала наши войска, как сейчас же ошибки вождей начали покрывать молчанием. Если историки, вроде Луи Маделена и Габриеля Ганото, и упоминают об этих ошибках, то только для того, чтобы усомниться в них. Они стремятся заставить нас всех видеть только казовую сторону вещей!

Говоря об общем наступлении, предпринятом нашими войсками в августе 1914 года, Луи Маделен пишет:

„Быть может, переход в наступление по всей линии, притом без достаточной осведомленности о распределении сил противника, и был неосторожностью, которую усугубили неспособность некоторых полководцев и доблестная безрассудность некоторых частей. Я говорю: быть может, потому что вопрос этот остается спорным, и, изучив его без всякой предвзятой идеи, такой историк, как Габриель Ганото, в конечном счете, одобрил это решение. Говоря об августовском наступлении, он пишет: „Его основной недостаток (который, впрочем, не зависел от воли вождей) заключался в том, что, будучи импровизированным, [3] оно было несколько недостаточно подготовлено.

Если бы оно удалось, то исход войны определился бы им, и Франция больше не терпела бы страданий. Но, даже не удавшись, по крайней мере отчасти, оно подготовило дальнейшие победы. Без наступления в двадцатых числах августа исход битвы на Марне был бы, несомненно, совершенно другим".

Луи Маделен настолько ясно сознает рискованный характер своего „быть может", что он стремится прикрыть себя авторитетом Габриеля Ганото, члена Французской Академии. Подобный отрывок нельзя читать без чувства меланхолии.

Ни одно положение из этих тенденциозных отрывков не выдерживает критики здравого смысла и простых рассуждений. Сведем на очную ставку

наших двух авторов. Луи Маделен признает, что переход в наступление был совершен „без достаточной осведомленности о распределении сил противника“. Эта неосторожность (sic!) прибавляется к тому, что Г. Ганото характеризует как „импровизированность“ наступления. Точно так же то, что Маделен называет „доблестным безрассудством некоторых частей“, объясняется „некоторой неподготовленностью“, о которой говорит Ганото. Кого же можно заставить при этом поверить, что отсутствие подготовки, недостаточное инструктирование войск, неосведомленность о силах противника являются обстоятельствами, лежащими „вне воли вождей“?

Наконец, обратите внимание на заключительный аргумент: „Без августовского наступления исход битвы на Марне был бы, несомненно, совершенно иным“. О, совершенно несомненно, что этой битвы вообще не было бы, и как жаль, действительно, было бы упустить такую блестящую победу, которая принесла стране столько чести!

Желание какой угодно ценой покрыть ошибки командования, — вот главное основание подобной позиции. Можно ли верить, что это чувство действительно тождественно с патриотизмом? Я утверждаю совершенно обратное. Почему от нас не скрывают неспособности такого генерала времен Людовика XIV, как, например, Вилльруа, или генерала Субиза из эпохи Людовика XV? Если бы чувства Габриеля Ганото были законными, то в равной мере следовало бы скрывать и их ошибки, и, стало быть, историки, которые об этих ошибках говорят, были бы плохими французами. Но и сам Габриель Ганото не боялся говорить правду об исторических событиях далекого прошлого. Почему же в таком случае он иначе обращается с событиями вчерашнего дня? Неужели из-за того, что они произошли только вчера, он считает себя обязанным прикрашивать их? Ведь его ответственность в этом случае гораздо больше, ибо он рискует направить

потомство по ложному пути. Действительная причина этого угодничества коренится в том, что, будучи историком, он становится на чисто политическую точку зрения. С точки зрения охранения устоев существующего социального строя считается предосудительным открыто признать, что те, кто вел последнюю войну, допускали известные ошибки. Это может, якобы, породить в войсках дух недоверия, то-есть вызвать неповиновение, анархию, благоприятствовать развитию антимилитаризма, сыграть на руку Германии и бог знает еще что! И, чтобы избежать этих предполагаемых ужасов, слабости вождей превращают в их заслуги. Нужно поддерживать весь их престиж для охраны существующего порядка. А, кроме того, под взорами иностранцев, которые смотрят на нас, мы не можем, ведь, признать, что какой-нибудь француз может ошибиться в чем бы то ни было, не рискуя умалить таким признанием славу Франции. Вы чувствуете, как жалки эти аргументы. Для этих людей неважно, что скрываемые ими ошибки повторятся вновь, что неспособные начальники останутся на своих постах. Удивительнее всего то, что люди, которые сознавали все ошибки августовского наступления и жестоко критиковали их в своих беседах — Луи Маделен и Ганото были в их числе — начинают утверждать нечто совершенно противоположное, когда берутся за перо! И, однако, именно так обстоит дело. Во Франции сейчас существует заговор молчания, в существование которого трудно поверить. Никто не решается писать правду, о ней говорят только шопотом, и когда кто-нибудь нарушает соглашение, от него отворачиваются, вместо того, чтобы признать его правоту.

Меня лично это зрелище приводит в негодование. И я снова задаю себе вопрос: к чему же столько жертв?

Всем теперь ясно, что никакие уроки из этой войны страной не извлекаются. Армия попрежнему чувствует на себе гнет военной рутины, и может ли

сохранить доверие к вождям солдат, который читает торжественное восхваление героя 16 апреля и который сам был участником драмы, за которую этот герой несет ответственность. Нет! Официальные историки являются вестниками грядущего разочарования и отчаяния.

Пусть так! Я не хочу итти по их пути. Для критического ума не должно быть закрытых дверей, запретных пространств.

Поскольку война перестала быть уделом воинственного меньшинства, поскольку, напротив, все граждане обязаны принимать в ней участие, постольку нормальным является свободное обсуждение способов подготовки к войне и ее ведения. Военное сословие может укрыться от критики, только указав на некомпетентность критикующих, с той, однако, оговоркой, что предметы специального военного искусства принадлежат к числу наиболее доступных для общего разумения. Я скажу даже, что долг всякого гражданина не полагаться исключительно на мнение тех, на ком лежит обязанность защищать страну: это слишком легкий способ отделаться от гнетущих забот, и за таким пассивным пониманием своего долга чаще всего скрывается безразличие, свидетельствующее о слишком ленивом патриотизме. Напротив, каждый должен отдать значительную часть своего времени и своей энергии изучению вопросов национальной обороны. Так нужно понимать свой долг в эпоху, когда при возникновении войны в нее вовлекается целиком весь народ.

Конечно, я вовсе не хочу из духа противоречия и в противовес официальному оптимизму свести к нулю роль наших великих вождей, видеть в них одни только недостатки, приписывать все их блестящие успехи случаю, а все менее удачные события их сознательной воле. Мне вовсе не по душе тот род патриотов, которые, чтобы вывести страну из состояния оцепенения здравого смысла, осыпают ее упреками

и присоединяют свой голос к голосу ее худших врагов. Во всем должно соблюдать меру, и истину следует искать спокойно. Не потому, конечно, чтобы была хоть какая-нибудь надежда, сохраняя мудрость, умеренность, лойяльность, успокоить возбуждение затронутых оптимистов, свирепых защитников казенной правды. Те, кто посягает на здание легендарной истории, на этот чудесный роман чистой славы и гения, который разворачивается без единого темного пятнышка по темам, завещанным Плутархом или другими изобретателями „Жизнеописаний великих людей", являвшимися на свой манер агентами пропаганды, — все те должны знать, что не будет никакой разницы в обращении с ними и в обращении с оскорбителями родины.

Эта печальная участь ждет их по одному тому, что в чисто военные вопросы они посмели внести дух критики и здравого смысла.

*

Материалы для той истории войны, которая пишется сейчас, доставляются из военных источников. Вот почему в ней можно найти лишь очень приукрашенное отображение действительности. Я говорил уже выше, что во время войны необходимо было поддерживать в населении бодрость духа и сохранять при всех обстоятельствах вид победителей; поэтому все документы, редактировавшиеся во время войны, несут на себе печать заботы об этом. Не то, чтобы в них вовсе не было правды, но только правда эта так искусно завуалирована, что она не бросается в глаза с первого взгляда. Я цитировал многократно в своей книге „Главная Квартира, Сектор I" („G. Q. G., Secteur I") официальный документ, в котором доказывается, что наступление немцев на Верден отнюдь не явилось неожиданностью для нашего командования и что все необходимые мероприятия для отражения этого наступления были предприняты своевременно. В другой своей книге „Наступление

16 апреля" („L'offensive du 16 avril") я приводил доклад правительству генерала Нивелля, который эту гибельную операцию восхваляет, как блестящий успех. Достаточно почитать мемуары Людендорфа и Гинденбурга, чтобы убедиться в том, что то же практиковалось и у нашего бывшего противника. Военная точка зрения на события существенно разнится от точки зрения историка. Документы, которые редактирует Генеральный Штаб, имеют целью покрыть его промахи, а вовсе не пролить свет истины на события. Если верить этим документам, то почти во всяком несчастном деле и полководцы и их подчиненные заслуживают поздравлений. Исследовать истинную ценность и своевременность тех или иных распоряжений—это детали, в которые Генеральный Штаб почти не входит. Я не боюсь сказать, что документы Генерального Штаба нельзя принимать без самой строгой критики, ибо простое их чтение неизменно оставляет впечатление, что все делалось к лучшему в этой лучшей из всех возможных войн. В длинном ряду официальных сообщений нет ни одного, которое не извещало бы об успехе и не выражало бы своим тоном некоторого удовлетворения, каковы бы ни были неприятности, отмечаемые в этом сообщении. Но официальные сообщения, тенденциозность которых все признают, отражают в большей мере, чем это обыкновенно думают, истинные мысли Генерального Штаба. Теоретически, целью войны является полный разгром противника, но, за редкими исключениями, эта конечная цель не достигается. Стало быть, так как победитель не осуществил полностью замыслов, которые ему охотно приписываются, то противник всегда имеет повод утверждать, что он разрушил эти замыслы, а это есть уже своего рода успех. С другой стороны, когда в силу ряда новых обстоятельств военное счастье переходит на другую сторону, и период неудач сменяется победой, то победитель обычно ставит себе свои прежние неудачи в особую заслугу, как будто они были вы-

званы его желанием и явились частью заранее обдуманного плана.

История, стоящая перед цепью фактов, соединяет их друг с другом уже после того, как они совершились, руководствуясь логической точкой зрения. Она является отвлеченной наукой, лишь очень отдаленным образом связанной с живой действительностью. Исторический рассказ дает лишь преображение реальных событий, и естественно, что эта работа абстрагирования, преображения событий становится еще более заметной, когда в ней заинтересованы сами действующие лица. История последней войны уже претерпела под этими влияниями изменения, которые еще легко подметить сейчас, но которые через десять лет не будут замечены никем.

Медленное преображение исторических событий идет в направлении их приукрашивания. Каждая нация составляет себе идеализированный образ себя самой, который впитывается в подсознание ее граждан и формируется мало-по-малу, в течение веков. Этот приукрашенный образ есть образ того, чем нация хотела бы быть, идеал, которого она хотела бы достигнуть. В патетические моменты своей истории нация делает иногда доблестные попытки приблизиться к этому идеалу.

Всякий рассказ, отбрасывающий на нацию отблеск этого сияния, считается правдивым, и всякий человек, воплощающий в себе более или менее близкий к этому идеалу тип, приобретает право на безоговорочное восхищение. Поэтому-то некоторые национальные недостатки и ценятся гораздо выше, чем наиболее серьезные национальные достоинства. Человек, воплощающий в себе блестящие недостатки своей расы, неизбежно приобретает большую популярность, нежели тот, в ком воплощены утилитарные стороны национального характера. Прекрасный пример этому дают генералы Манжен и Петэн. Последний, который на-ряду с Жоффром и Фошем является одним из величайших деятелей этой войны, пользуется

несравненно меньшим личным престижем, чем бесстрашный генерал, чье имя есть синоним наступления, знаменитой „furia francese“ („французское неистовство“).

Морис Баррес, стремившийся постичь все глубины французского национального духа, составил себе такого рода абстрактное представление о своей нации и подкреплял его рядом доказательств, по мере того, как война доставляла их ему. Его ежедневные статьи в „Echo de Paris“ представляют собой прекрасный образец того стремления приукрасить события, которое свойственно нации в героические эпохи ее существования. Эта воля к тому, чтобы возвыситься до уровня национального идеала, и отличает, быть может, периоды, не имеющие истории, от исторических эпох. Благородная поза принимается только под давлением какой-нибудь грозной опасности, исключительных обстоятельств, ибо в остальное время у отдельных индивидуумов превалирует реальная основа жизни. Но даже и в такие грозные моменты большинство людей подчиняется своей природе, глубокому инстинкту любви к жизни и страха перед смертью, заложенному в каждое человеческое существо. Среди военных бытописателей те, кто только облекал в литературную форму свои собственные наблюдения на поле битвы, часто различали в себе смешение своего индивидуального Я, подчиняющегося голосу природы, и Я коллективного, вдохновенного идеализированным образом нации. Морис Баррес в целях пропаганды и поднятия духа нации задался целью осветить только эту последнюю сторону. Вот почему он в гораздо большей мере является певцом французских доблестей, чем историком и психологом. Его труды о войне приводят на память день, когда Академия распределяет Монтионовские премии за добродетель.

Не приходится сомневаться в том, что она испытывает при этом высокие чувства утешения и умиления.

История отстала в своем развитии от психологии. Тогда как психология, чтобы приблизиться к действительности, занялась изучением области подсознательного, история все еще остается в стадии абстракции. Историк, которого отделяет от описываемых им событий значительный промежуток времени, работающий над материалами, которые сами уже являются плодом некоторого упрощения, фильтрования реальности, рисует свою картину событий и намечает свою историческую линию, опуская множество фактов, — часто очень существенных, — которые не укладываются в его схему. Таким образом, история долгое время ограничивалась отображением действительности с некоторых особых, упрощающих точек зрения.

Долгое время история была лишь историей войн между народами, именно потому, что в этой области можно больше всего упрощать события и не нужно заботиться о слишком большом их соответствии с действительностью. Имеет значение только конечный результат, который приписывается полностью и исключительно влиянию нескольких исключительных людей, „представительных фигур“, как говорит Эмерсон; их идеализированный образ историк рисует в гармонии с их поступками. Тот же прием применялся затем и в политической истории. Таким-то образом и создалась галлерея тех белых и черных статуй, героев и злодеев, которыми отмечена дорога прошлого.

Такая история, конечно, не охватывает всей истории народов; ее нужно осветить и пополнить воспоминаниями очевидцев, трудами современных писателей, всевозможными актами, заключенными между частными лицами и т. д., и т. д., — коротко говоря, нужно усиленно исследовать действительность. Казалось, что в последние пятьдесят лет эти идеи проложили себе дорогу в мире историков. Но те из них, кто взялся в наши дни писать официальную историю событий

последних лет, с новым жаром прибегли к старому приему упрощения и идеализации в пламенном желании охранить национальные интересы, щадить наше самолюбие и возвеличить родину!

Какой свет на сущность всякой истории проливают эти работы, возникшие с такой странной поспешностью! Как будто вся история пишется только для тех, о ком сказано „блаженны нищие духом", и имеет целью лишь удержать народы на проторенных путях, создав им полезных идолов? Этим набрасывается подозрение на все здание истории прошлых веков. Да, Плутарх солгал, солгал по приказу, по наивности или из страха! Великие люди, если судить о них по тем, кого я видел своими глазами, не являются тем, чем их сделали историки. Нужно, чтобы опыт свершился на наших глазах, для того чтобы мы поняли, какая бездна лежит между исторической действительностью и историческим рассказом. Пусть же, по крайней меры, мои труды вырвут из области легенды несколько истинных фактов, из которых мы сумеем извлечь полезные для будущего уроки.

II

Жоффр и К°

или

Генеральный штаб во власти идей Бергсона

Идеальный образ национального французского военного героя, созданный на основании рассказов историков, являет собой всегда некое слепящее глаза сверкание. Александр, Цезарь, Конде, Наполеон, — все эти гениальные полководцы представляются французу не иначе, как с горящим взором; они бросают орлиный взгляд на поле битвы и применяют с молниеносной быстротой решительный маневр. Отсюда только один шаг до того, чтобы считать, что все вообще военное искусство есть плод вдохновения. Один шаг также, — и притом очень короткий, — к тому, чтобы вообще приписывать всякому военному скорее специальный дар, нежели глубокие знания в области его специальной профессии. В особенности относится это к победителю: победитель непременно должен быть ясновидящим. Почитайте наших писателей, поэтов, журналистов; прислушайтесь к разговорам людей у себя дома, на улице, в общественных местах, наконец, обратитесь к сокровищнице языковых штампов, вошедших в обиход выражений, которые так хорошо вскрывают обычные взгляды народа, и вы увидите, что офицер — всегда „блестящий“ офицер, что маневр — всегда „молниеносный“ маневр и т. п. Это находится, очевидно, в связи с национальным темпера-

ментом. Француз презирает медленного и методичного труженика, уважение он питает лишь к тому, кто знает, не учась, и учися без усилия.

Когда народ дышет такой атмосферой, он глубоко проникается нравящимся ему предрассудком. Мы приняли с величайшей легкостью образ блестящего и свыше вдохновенного военачальника, мы объявили его не подлежащим контролю здравого смысла. Как же можно допустить, чтобы штатский человек обсуждал с таким офицером вопросы, касающиеся его специальности. Толстяк Жан может читать поучения своему кюре, но он никогда не решится на это по отношению к капитану в отставке, с которым он играет в карты в кафе. Тысячи наблюдений, подчас очень тонких, рассеянные в книгах наших писателей, проливают свет на этот предрассудок. Тартарен из Тараскона, в котором его сограждане видели почти универсальный гений, относится с почтением к коменданту Бравида, отставному интендантскому капитану, и, когда речь заходит о военных вопросах, не хочет иметь в них своего мнения, отличного от мнения специалиста-военного. Француз вообще склонен побунтовать, но склонность эта бесследно исчезает перед авторитетом военного.

В свою очередь, армия относится с ненавистью к духу критики. Оспаривать мнение начальника значит для подчиненного навсегда попасть в разряд „потрясателей основ“. Быть правым или неправым, — это зависит от места, занимаемого человеком в табели о рангах. Очевидно, это — потому, что чин сообщает своему носителю некое сверхъестественное могущество; здесь происходит бессознательное уподобление католическим церковным канонам. В армии критический ум не считается главным из достоинств человека; наоборот, высшая добродетель заключается в полном и беспрекословном подчинении воле начальника, то-есть в признании за ним своего рода непогрешимости. Больше того, долг подчиненного не только в том, чтобы не пытаться обсуждать идеи

начальника; подчиненный должен убедить себя, что начальник абсолютно прав именно в силу того, что он начальник. Без этого он будет исполнять приказания, не питая к ним достаточного доверия, что есть самое опасное состояние ума; без доверия бесполезно даже пытаться одержать успех.

Таким образом, с какой бы точки зрения мы ни рассматривали вопрос, мы видим, что во Франции все стремится внушить нам уверенность в том, что военачальник обладает некими откровениями, которые не могут быть доступны никому другому.

*

Атмосфера во Франции перед войной была тем более благоприятна для подобного настроения, что модная в ту пору философия проповедывала полное презрение к разуму. Идеи Бергсона были в расцвете своего влияния. Чтобы увидеть, какое настроение создавала эта философия в театре, в литературе и даже в обществе, нужно почитать книгу Жюльена Бенда —„Бельфегор".

Единственным способом познания признается интуиция, то-есть некоторого рода откровение, проистекающее из области подсознательного, которое при соприкосновении с реальностью заставляет нас внезапно воспринять истину. Отсюда вытекает предпочтение, отдаваемое инстинкту в определении жизненного поведения, и недоверие к логическому рассуждению. Любопытно отметить, что идеи Бергсона укрепляли предрассудок о военной непогрешимости, который и раньше был в почете как среди штатских, так и в самой армии.

К 1914 г. Франция обладала Генеральным Штабом, который можно назвать в полном смысле слова бергсонианским. Его доктрина отрицала роль разума и во главу угла ставила культ интуиции. Это кажется странным, невероятным, и, однако, легко убедиться в том, что это совершенная истина. В своих выводах Генеральный Штаб дошел до крайних пре-

делов, оставив далеко позади себя самого Бергсона, который никогда не решился бы приписать интуиции чудодейственную способность подготовить реванш за 1870 г., совершенно не прибегая к помощи разума в разрешении этой трудной задачи. Можно ли представить себе, что наш генерал Жоффр, физически так прочно опирающийся ногами о землю, так основательно связанный своим здоровьем, своим аппетитом с миром реальных вещей, который отодвигался теорией Бергсона на задний план, можно ли представить себе, что он примкнет к этому мировоззрению сомнамбул и медиумов. И, однако, он принял доктрину, которая, уповая на невесомое столько же, сколько на реальные полки, пыталась извлечь победу из того, что в битве остается неосознанным, использовав жизненный порыв войск, увлеченных глубоким инстинктом победы. Если можно так выразиться, то стол Генерального Штаба, на котором был выработан знаменитый план XVII, был вертящимся столиком спиритов.

Не думайте, что я хоть в какой-нибудь мере преувеличиваю: все знают сейчас, что военная доктрина в августе 1914 г. сводилась к идее наступления во что бы то ни стало. Мы покажем, что во всех своих частностях эта теория была бергсонианской и мистической. В книге, написанной генералом Ланрезак в свое оправдание, мы читаем: „Безумием было бы самому создавать себе иллюзии относительно того, что мы в праве ожидать от войск, и относительно тех трудностей, с какими придется встретиться. Наша новая школа придерживается другого мнения. Она считает, что начальник, принимающийся за обсуждение всего риска, которому он подвергается, уже не в состоянии развернуть всю ту решительность и натиск, без которых нельзя ожидать успеха в войне. Нужно с полным доверием отдаться наступлению во что бы то ни стало, беспрестанному наступлению, «которое сокрушает все до конца»". И Ланрезак, старый солдат, воспитанный, как и все

французы его поколения, в принципах картезианской логики, возмущается и кричит о парадоксе. Увы, генерал, это не парадокс, это — новая истина. Разве в аудитории Collège de France, при общих аплодисментах, не было объявлено, что разум иссушает все, к чему он прикасается своими ледяными руками. Подлинная реальность, живая действительность ускользает от него; разум может ее только заморозить, обеднить под предлогом анализа. Но если так, то к чему помощь этой старой дуэньи, когда достаточно интуиции, чтобы познать глубокие силы, ведущие нас и лучше нас самих знающие наши пути.

Переведите это на военный язык, и вот к чему вы придете. Вождь, обладающий волей к победе, должен отдаться полностью, телом и душой, этому высокому порыву, должен настолько проникнуться им, чтобы ощущать его в себе, как некоторый инстинкт, должен передать этот порыв войскам и устремиться вперед, не ослабляя своего натиска размышлениями, не взвешивая всех за и против. Разве оно не является совершенно бергсонианским, это состояние духа начальника, рекомендуемое доктриной. Иметь в себе „изюминку“ это значит повиноваться жизненному порыву, видеть мир глазами интуиции. Стремление ничем не ослаблять у начальника и войск волю к наступлению, которая заключает в себе, несомненно, некие сверхъестественные возможности, доходило до того, что некоторые доктринеры вообще отказывались от рассмотрения иных форм боевой тактики, кроме простого и ясного „вперед“: нет больше ни предохранительной защиты, ни демонстративного наступления, ни комбинирования защиты с наступлением, не признаются даже меры охранения и разведки. Ибо все эти формы сражений созданы анализирующим рассудком, для их изучения и применения необходим акт разума. Великим магом этой доктрины был в 1914 г. полковник Гранмезон. Его вера в мощь наступления доходила до того, что он подвергал жестокой критике Майяра,

Боналя, Фоша, Ланглуа, всех осторожных военачальников, которые считали, что армия в походе должна основательно закреплять за собой занятые территории, захватывать опорные пункты впереди себя и на флангах, чтобы отражать возможные атаки противника и обеспечить тактическую связь с соседними частями и т. п. „Ничто не может быть пагубнее этого“, — восклицает полковник Гранмезон. Весь этот ряд предосторожностей, диктуемых разумом и логическими рассуждениями, по существу, расшатывает дух наступления. Дойдя до почти религиозного экстаза, он восклицает: „Дух наступления неделим!“

Здесь мы уже совершенно в царстве оккультизма. Воля к наступлению у войск, некое импульсивное и неделимое целое, становится каким-то сверхъестественным существом, которое усиливает мощь полков и само по себе может сделать больше, чем все ученые диспозиции, если только мы сумеем сохранить его нетронутым. В реальной обстановке войны армия никогда не может заметить, что какие-то ее части отняты для разведочной службы, ибо каждая отдельная часть, изолированная в своем небольшом районе, ничего не видит, кроме себя. Но полковник Гранмезон боится — и в этом-то и сказывается весь мистический характер его воззрений — внутреннего расщепления наступающей массы, чего-то вроде потери флюида, которую сейчас же ощутит в себе каждый солдат, находящийся в состоянии интуиции или даже гипноза. Военный язык часто вводит в заблуждение своим материализмом, но основная идея этой доктрины именно такова. Любопытно отметить еще близость этого течения к немецкому идеализму; оно близко подходит к романтическому субъективизму Фихте и Шеллинга, для которых глубокая воля выражает подлинную реальность мира. Эта именно доктрина и укрепила в такой мере веру в непобедимость германской нации, ибо, чем более слепа, неудержима, бесконтрольна эта воля, тем

больше она смешивается с сущностью вещей: она создает и подчиняет себе реальность.

*

Таковы были к 1914 г. идеи, воодушевлявшие наших молодых „патентованных“ военачальников: следы этих идей мы видим во всем „полевом уставе“ 1913 г. Так же были настроены и все лица, окружавшие Жоффра, потому что ряды их пополнялись избранными офицерами из Военной Академии (l'Ecole de Guerre). В этой-то атмосфере и был создан план XVII, который, не учитывая ни планов противника, ни собственных сил и материальных средств, должен был бросить французскую армию в отчаянную, сокрушительную, решающую исход войны атаку или, по крайней мере, в атаку, которая должна была быть такой.

Но не кажется ли вам, что это пренебрежение к тонким маневрам, духовному наследию великих полководцев, этот отказ от способности предвидеть, различать, применять методы рассуждения и анализа, наконец, это полное упование единственно только на волю армии к победе, свидетельствует, кроме всего прочего, об известном пренебрежении к культуре. В армии, как и во всей Франции, можно было отметить к 1914 г. серьезное понижение интеллектуального уровня. Презрение к „гуманитарным“ наукам господствовало в равной мере в Военной Академии и в Сорбонне. Если для победы достаточно привести себя в состояние интуиции, то-есть воли к наступлению, то к чему корпеть над фолиантами, изучая секрет маневров, применявшихся великими полководцами. Увлечение рассуждениями, слишком глубокое изучение различных тактических положений ослабляет волю к наступлению, которой одной достаточно для победы. Лучшие диспозиции обращаются в прах перед упорным натиском полководца, умеющего увлечь за собою людей и героически бросить их в бой. Это — старая идея, свойственная

военными, питающаяся старинными предрассудками из варварских времен, когда солдат, непоколебимо веря в то, что его вождь — пророк, вдохновенный богом или диаволом, слепо следовал за ним.

*

У Анатоля Франса в „Жанне д'Арк" есть прелестный отрывок, где он говорит о том, что Дева могла играть роль святой в глазах солдат Карла VIII. До ее появления французские войска трепетали перед англичанами, которых народное суеверие считало чертями. Действительно, крестьяне в ту пору называли англичан „хвостатыми", веря, что у каждого из них есть сзади небольшой хвостик, вроде как у чорта. Англичане, в свою очередь, испытывали панический страх перед Девой, приписывая ей магический дар. Со времени ее появления к королевским солдатам вернулись все их военные доблести, ибо они поверили, что святость Девы может разрушить злые козни врага; в армию вернулось то, что теперь называется „хорошим моральным состоянием". В конечном счете дело сводилось к борьбе святой с демонами, которая происходила над головами армий. Это доверие уменьшилось в день, когда Жанна была ранена, ибо другое суеверие гласило, что сверхъестественные существа не могут получать ран. И разве нет остатков этого варварского фетишизма в том возбуждении, которое испытывали войска при одном виде Наполеона? Он сам считал, что его присутствие стоит подкрепления в 30.000 человек. Я склонен считать, что наши патентованные специалисты хотели ввести в свою игру часть этого наполеоновского магнетизма, когда они проповедывали свою мистическую теорию наступления, нечто вроде пламенной не рассуждающей веры, способной смести все материальные препоны на своем пути.

*

Еще раз повторяю, нельзя понять, почему наш великий Жоффр, живой образец здравого смысла

и крестьянской осторожности, дал увлечь себя этой смелой доктрине, опасных зародышей которой он не мог воспринять в Военной Академии в дни своей молодости, ибо только последние поколения были отравлены ими. Но, так или иначе, план кампании должен был быть выработан в соответствии со взглядами генералов, находившихся в этот момент в вершине своей карьеры. Кто же были люди, предназначенные своим опытом и возрастом к исполнению важных ролей в будущей войне. Мы знаем их, это — Кастельно, Ланрезак, Дюбайль, Рюффи и, далее, Фош, Саррайль, Монури. Но, ведь, несомненно, что эти военачальники, проведшие свою жизнь за изучением славных кампаний великих полководцев, не могли относиться с пренебрежением к военной культуре. Можно ли было надеяться, что они станут сторонниками наступления во что бы то ни стало по мистическим предначертаниям полковника Гранмезона. Конечно, нет, и мы, действительно, видим, что полковник Гранмезон находится в резкой оппозиции ко всем своим предшественникам. Только в 1910 году в военную молодежь проникает вихрь новых дней, и Военная Академия попадает во власть доктрины безоговорочного наступления, вопреки взглядам вчерашних ее руководителей. В статье, помещенной в „Revue de Paris“ от 15 февраля 1920 г. и озаглавленной „План XVII“, один из адептов этой доктрины, рассматривая различные точки зрения, имевшие влияние на планы кампании, предшествовавшие плану Жоффра, с пренебрежением упоминает о „том тонком искусстве, которое под именем «обороны — наступления» предопределяло, начиная с 1890 г., в течение 20 лет все дислокации концентрации войск“. Только в 1910 г. зажглась новая заря в головах наших юных патентованных спасителей. В ту пору они открыли, что „в войне мощный дух наступления должен владеть всеми исполнителями, с первого до последнего“. — „Когда решение вождя подчинено данным

разведки, то крепости, привлекающие внимание полевых войск, становятся грубыми западнями, которых следует избегать". — „Самый прогресс в военной технике гораздо больше благоприятствует наступлению, чем обороне". Таковы основные положения, выдвинутые без обиняков одним из защитников доктрины. Далее автор цитируемой статьи отмечает, что в ту же эпоху во Франции наблюдался подъем национальной гордости, вызванный беспрестанными оскорблениями со стороны Германии, и приходит к следующему заключению: „Национальный дух оказал свое влияние на техников и руководил их работами". При этих обстоятельствах разве не следовало стараться избегнуть всякого ослабления народного порыва, всякого падения доверия, которое могло быть вызвано робким, неуверенным поведением в начале кампании, которую все считали решительной? Заметим мимоходом, что вопреки всем этим прекрасным идеям Жоффр не поколебался в 1914 г. отступить на 10 километров от границ, уступая просьбам правительства, желавшего воочию продемонстрировать мирные намерения Франции. Бесспорно, это было робкое поведение, и, тем не менее, оно ничуть не поколебало общественного доверия; с другой стороны, однако, такое отступление плохо вяжется с духом плана концентрации, имеющего в виду развить оживленное наступление с первого же момента военных действий. Это есть формальное доказательство того, что Жоффр не был достаточно глубоко захвачен доктриной своего штаба, ибо в противном случае он побоялся бы предпринять это отступление, чтобы не нанести смертельный удар наступательному порыву армии. И нам кажется, что добряк Жоффр имел лишь очень смутное представление о принципах, положенных в основание того плана, который он сделал своим.

*

Здесь мы касаемся уже романтической стороны этого периода истории. Очень редко случается,

чтобы за официальным ликом событий не скрывались другие, более интимные факторы. Воодушевленная верой, которая двигает горами, небольшая кучка сторонников доктрины наступления во что бы то ни стало организует сообщничество для захвата власти. К счастью для них, 28 июля 1911 г. генерал Жоффр был назначен начальником Генерального Штаба. Несколько молодых, только что выпущенных из Академии офицеров его личного штаба были привержены к новым идеям. В канцеляриях Штаба армии нашлись другие офицеры, исповедывавшие ту же веру. Между ними создалось без ведома Жоффра своего рода сообщничество. Зная, каким влиянием на своего начальника они пользуются, они решили какой угодно ценой добиться применения их спасительной теории. Я хотел бы быть правильно понятым, здесь речь идет не о заговоре, не о клятве на кинжале в каком-нибудь мрачном подземелье. Каждой эпохе свойственны свои методы. Наши заговорщики прекрасно знали, как нужно вести себя. В первую голову нужно удалить более старых генералов, начальников, умудренных опытом, которые могут оказать живое противодействие новой доктрине и оказаться менее податливыми, чем их слишком доверчивый шеф. Между генералиссимусом и его сотрудниками не должно быть никаких посредствующих звеньев, нужно ослабить всякое влияние, способное уравновесить их влияние. И вот, под их давлением, Жоффр начинает добиваться всей полноты власти. Декрет от 28 июля 1911 г., изданный по его просьбе, передает в его руки одновременно руководство и Высшим Военным Советом (Conseil Supérieur de la Guerre) и Генеральным Штабом армии. (l'État Major de l'Armée) и упраздняет пост Заместителя Председателя (Vice-Président) Высшего Военного Совета. Кроме того, самые члены Совета впредь уже не будут нести этих обязанностей постоянно: они будут назначаться лишь на один год специальными приказами, каждый год возобновляе-

мыми. Этого, однако, недостаточно. Оставался еще один авторитет, стеснявший наших новоявленных спасителей—Начальник Генерального Штаба. Декрет Мильерана от 20 января 1912 г. упразднил эту должность. Странный, не правда ли, деспотизм со стороны республиканского генерала? Наверху в полном одиночестве Жоффр, а вокруг него только подчиненные. Планы кампании теперь уже будет создавать только генералиссимус с помощью своих приближенных и офицеров из 3 отделения Генерального Штаба. Генерал Ланрезак рассказывал, что, будучи назначен в мае 1914 г. командующим V армией, он познакомился с мобилизационными планами, центр тяжести которых заключался в приказе № 1. То, что он прочитал, весьма его обеспокоило. „Высший Военный Совет, — говорит он, — не был приглашен к обсуждению этих планов. Члены его, хотя они и должны были командовать армиями в случае войны, могли ознакомиться с планом только путем чтения приказа № 1, секретного документа, который им было запрещено обсуждать". Таким образом те, кого считали избранной частью командного состава, все генералы, умудренные опытом и практикой командования крупными войсковыми единицами, ни в малейшей мере не принимали участия в выработке плана кампании. Этот-то результат и имели в виду все изменения в структуре высшего командования, вносившиеся декретами 1911 и 1912 годов.

Можно было бы представить себе, что человек, охваченный всепожирающей активностью, считает излишним всякое сотрудничество со своими равными и хочет взвалить на свои плечи все тяжкое бремя подготовки к войне. Но активность генерала Жоффра, хотя она всегда плодотворна и всегда применяется обдуманно, отнюдь не является столь всепожирающей; его гигиенические привычки, его вкус к спокойствию, его всем известная осторожная медлительность заставляют нас отбросить такое предположение.

Я вспоминаю его кабинет в Шантильи, в котором не было карт, и его стол без бумаг, без заметок, я вспоминаю ту строго размеренную жизнь мирного рантье, которую он вел в разгар войны. Это отнюдь не манеры и не образ жизни вождя, который все хочет сделать сам, который проводит за работой ночи напролет, запершись в своем кабинете. Победитель на Марне сходится с Аристидом Брианом в том отношении, что оба они не являются мучениками своей работы. Жоффр никогда не пишет; крайне редко он сам изучает документы, большей же частью он предпочитает, чтобы кто-нибудь из сотрудников сделал ему краткое извлечение. Несомненно, что такая концентрация авторитета не могла быть неприятной вождю, темперамент которого приемлет самую тяжкую ответственность и который обладает очень ярко выраженным вкусом к власти. Но еще более несомненно, что это положение вещей было делом рук его приближенных. Я знавал их почти всех в Шантильи, этих членов камарильи; я знаю, какой бдительной стражей они окружили своего начальника, какую тонкую стратегию развернули они, чтобы достичь своих целей, к какой системе давления, к какой цепи доводов прибегали они, чтобы заставить подчас довольно непокорного генерала принять то или иное решение.

Чтобы сомневаться в огромной роли, которую может играть активный и интеллигентный штат людей, близких к высокоответственному деятелю, нужно совершенно не знать условий, в которых последний работает, не знать, какую необходимость испытывает он постоянно в том, чтобы положиться на близких к нему людей и быть в состоянии доверять им. Много раз случается, что начальник из совершенно естественного благодушия одобряет предположения своих подчиненных, не подвергая их углубленному исследованию; он неизбежно должен подпасть под их влияние и, живя постоянно в одной атмосфере, не слыша ни одного противоположного мнения, он

в конечном счете принимает их точку зрения, не взвешивая уже ее слабых и сильных сторон. И, действительно, все, что мы знаем о генерале Жоффре, показывает его нам всегда в роли величественного и неподвижного арбитра; он никогда не принимает на себя труда самому исследовать, строить различные предположения, он витает высоко над всеми деталями и весь свой ум устремляет лишь на то, чтобы принять то или иное решение по поводу предложений своих сотрудников. Эта склонность положиться на людей, которых он выбрал и которые близки к нему, ни в какой мере не уменьшает заслуг победителя на Марне. Впрочем, нужно заметить, что эти могущественные натуры, склонные к размышлению, часто питают неясную уверенность в том, что в необозримом хаосе войны все планы стоят друг друга и что победа приходит к тому, чья воля тверже, чья вера в успех глубже. Уже много раз указывалось, что Жоффр проникнут тем же фатализмом высшего порядка, который отметил Толстой в „Войне и Мире“ у генерала Кутузова. Кроме того, больше чем кто бы то ни было, Жоффр верил в свое счастье. Сын бондаря из Ривезальта, поднявшийся так высоко, он ни одной минуты не сомневался в своем высоком предназначении. Возможно, что если бы ему были представлены более подробные, более разработанные планы, планы, в большей мере учитывающие намерения противника, которые уже в ту пору были ясны для многих, то он не бросился бы в безумную атаку, оправдываемую только трансцендентальным мистицизмом и известной неопытностью в военном деле. Эту атаку ему навязали его сотрудники.

Как странно складываются судьбы народов? Достаточно было кучке честолюбцев, окружающей главнокомандующего с мирным характером, отстранить от подготовки кампании более старых и уравновешенных людей, в чьих глазах война не есть простая авантюра,[1] — и французская армия, опустив

голову, устремилась в ловушку, расставленную для нее немцами. Эта пагубная стратегия подготовлялась своего рода придворным заговором, — дворцовой революцией. Под влиянием устава 1913 г., который гальванизировал национальное французское „бешенство", войска приучались только к движению вперед, к отчаянному штыковому удару. Относясь с пренебрежением к разведке, ибо начальник должен был принять решение атаковать раньше, чем он получал какие бы то ни было сведения о противнике, мы совершенно не принимали во внимание планов противника, и даже общая численность его сил, двинутых против нас, была нам известна с точностью до двадцати армейских корпусов. Если бы в их активе не было все же великолепной организации сети железных дорог, приспособленной к нуждам мобилизации, которая была осуществлена 4-м отделением военного министерства, и тщательного комплектования всех штабов, если бы они не были так или иначе тесно связаны с победой на Марне, то, несомненно, эти скрытые персонажи понесли бы тяжкую ответственность.

*

Во всяком случае из того сообщничества, о котором я говорю, нужно извлечь полезный урок. Каждая историческая эпоха имеет свои характерные черты, свою форму, ей одной присущую. Та эпоха, которую мы пережили, является одной из наиболее своеобразных. За три года до войны, меньшинство армии, группа молодежи, воодушевленная глубоким патриотизмом и национальной гордостью и проникнутая идеями мистической военной доктрины, решила дать Франции такую стратегию, которая соответствовала бы ее национальным особенностям. Как и подобает их возрасту, они вели свою игру безрассудно, с блестящей верой в счастливый случай, ибо все они — „настоящие военные", то-есть игроки. Окружив своим влиянием военачальника, который

мог оказать им серьезную поддержку своим авторитетом и хладнокровием, они произвели в армии радикальные реформы. Сверху донизу они провели в армии всеобщее омоложение. На все важные посты были назначены сторонники доктрины, товарищи по течению, преданность и решимость которых проверены. Рядом с каждым армейским начальником оказался начальник штаба и сотрудники, выбранные специально для него; они должны были следить за ним и в нужный момент уравновесить своими доблестями его недостатки; ни один генерал не был в праве сам выбрать своего заместителя. Этим способом постоянно пользуется партия, захватившая власть, и так же поступало во французской армии, начиная с 1911 г., это тайное военное франк-масонство. В течение трех лет, предшествовавших войне, члены этого сообщества составляли костяк командного состава. Собравшись в Главной Квартире, они продолжали свою деятельность с неослабевающей энергией и в продолжение трех лет войны. Их агенты связи, настоящие эмиссары этой своеобразной Ложи Великого Востока, осуществляли активное наблюдение за всеми генералами. Всякий, кто навлекал на себя подозрение в критическом духе или недостаточной преданности религии „изюминки“, рано или поздно расплачивался за это. Сто пятьдесят генералов были посланы в Лимож, где они имели время поразмыслить об этой странной диктатуре анонимной группы. Мне даже нравится этот заговор. Не подозревая о том, армия, которая за долгие годы мира стала достоянием стариков, попала в руки молодых поколений. Несмотря на тяжкую опасность, которой подвергли родину их неопытность, гордость и недостаточная культурность, они дали все же армии ряд новых сил и людей с закаленной волей, влияние которых нужно учесть в общем балансе войны. Мы должны на будущее время изменить свое представление о гении, переделать свой словарь, не охватывающий

больше реальности. Или, если мы захотим остаться при привычном словоупотреблении, то мы должны вложить в эти слова новый смысл. Уважаемое имя Жоффра должно приобрести для нас некий общественный смысл, должно звучать как символ смелого коллектива: „Жоффр и К°".

III

План XVII в практическом приложении или Бергсон против Ланрезака

План XVII предусматривал сосредоточение французской армии между Мезьером (Mézières) и Бельфором (Belfort), фронтом к востоку, ибо, как думал Генеральный Штаб, немецкое наступление должно было последовать именно с этой стороны. Выбор этой диспозиции с первого взгляда свидетельствует об упорном нежелании французского верховного командования расставаться со своими иллюзиями. Сколько толков было в прессе о злокозненных планах Германии: бельгийцы, которые не могли не знать, что их ожидает, не скупились на мрачные предсказания. Можно сказать, что в месяцы, предшествовавшие войне, каждый день приносил разоблачение новых подробностей, давал новые убедительные доказательства того, что немцы собираются атаковать нас на нашей северной границе. Эту уверенность мог бы подтвердить и самый поверхностный взгляд на карту немецких железных дорог. Статьи об этом, появившиеся во французских журналах и газетах, могли бы составить большой том. Даже в среде самих военных существовала группа людей, убежденных в том, что немецкое наступление устремится главным образом по пути через Бельгию. Правда, большая часть из них не предполагала, что им удастся зайти дальше Мезы (Meuse).

Генеральный Штаб очень смутно отдавал себе отчет во всем этом. Нашествие на Бельгию было для него предположением, которое, строго говоря, входило в его расчеты, но в такой же мере, как возможное нарушение нейтралитета Швейцарии. Нужны ли доказательства этого? Местоположение IV армии, занимавшей вторую линию и игравшей роль резерва, было намечено в центре расположения первой линии войск для того, чтобы она могла оказать поддержку правому или левому крылу армии в зависимости от того, как сложатся обстоятельства. Это лучше, чем что бы то ни было, свидетельствует о том, как мало внимания уделял Генеральный Штаб реальной возможности нападения через Бельгию; он ставил эту возможность на одну доску с химерическим проектом нападения через Швейцарию. Это, конечно, прекрасный случай говорить об ослеплении Генерального Штаба, обвинять его в увлечении теорией, и этим случаем многие воспользовались. Я лично не считаю, однако, дело столь простым.

Прежде всего, позвольте спросить, какое значение имеет вопрос о том, где атакует нас неприятель — на восточной или на северной границе? Поскольку план XVII весь целиком основан на мистической идее наступления во что бы то ни стало, постольку разве недостаточно устремиться с сокрушающей быстротой прямо на противника, предупредить его и разгромить прежде, чем он вообще успеет предпринять какой-нибудь маневр?

Далее, кто знает, не считал ли Генеральный Штаб желательным, чтобы противник совершил ошибку, предприняв к нашим северным границам поход, который должен был отнять у него больше времени. Ибо, с его точки зрения, это было ошибкой. Действительно, когда размышляешь об этом, когда взвешиваешь все соображения, которые могли побудить французское командование игнорировать все предупреждения, то нужно прийти к заключению, что оно всей душой стремилось быть захваченным врасплох

или, по крайней мере, сделать вид, что оно захвачено врасплох. Нет, наш Генеральный Штаб не был ни так наивен, чтобы верить в уважение Германии к договорам, ни так плохо информирован, чтобы не знать планов противника (он был знаком с доктриной немецкого Штаба), ни так слеп, чтобы не видеть вместе со всеми, как развернутся события. Наоборот, он хотел схитрить, оставаясь с непоколебимым спокойствием при своем прежнем плане концентрации войск фронтом к востоку, при чем наша северная граница тем самым оставлялась без прикрытия. Целью его было побудить немцев решиться на обходное движение. Воодушевленная духом приключений, маленькая группка специалистов, вдохновлявших Жоффра, искала такой ситуации, которая открывала бы дверь случаю. Больше всего они боялись встретиться с стратегической диспозицией, совершенно похожей на их собственную, что привело бы к упорным сражениям между равными по численности армиями, к медленному и трудному продвижению вперед, к своего рода осадной войне, а это было бы неизбежно, если бы Германия устремила свое нападение на нашу восточную границу, которая была мощно укреплена и оставляла только два узких прохода: у Шарм (Charme) и у Стеней (Stenay). Вот почему им нужно было сделать вид, будто они попались в ловушку.

*

Приказ № 1 устанавливал следующую дислокацию наших армий. Справа налево группировались: группа резервных дивизий генерала Везуль; армия Дюбайля (I)—от Бельфора до Эпиналя (Epinal); армия Кастельно (II); армия Рюффи (III) — в окрестностях Вердена; армия Ланрезака (V) позади Мезы, между Верденом и Мезьером; армия Лангля (IV) во второй линии и 4-ая группа резервных дивизий генерала Валабрег — в области Гирсон-Вервен (Girson-Vervins).

Подчиняясь властной необходимости поднять в войсках дух наступления, план Жоффра предписывал сейчас же по окончании концентрации „устремиться, собрав все силы, в атаку на немцев". Намечались преимущественно две операции: одна на правом фланге, между Вогезами и Мозелем, другая — к северу от линии Верден-Метц.

Это означало бы, что мы берем в свои руки наступление одновременно на обоих флангах.

Наше левое крыло (III, IV и V армии) должно было перейти в наступление между Мезой, ниже Мезьера, и Тионвиллем (Thionville). Правое крыло, в свою очередь, должно было проникнуть с юга в Эльзас и направиться на Сарребург (Sarrebourg) и Моранж (Morhange). Заметьте к тому же, что операции на нашем правом фланге должны были развиваться вне зависимости от того, будет нарушен бельгийский нейтралитет или нет. Левое крыло, в случае соблюдения немцами уважения к нейтралитету Бельгии, должно было продвинуться между Верденом и бельгийской границей, чтобы перебросится в область Тионвилля и далее к северу, в противном случае оно должно было изменить свой маршрут и направиться прямо на северо-запад, поскольку не было бы больше оснований обходить Бельгию. Трудно понять, каким образом та перспектива, что наш левый фланг столкнется с обходящим флангом противника, т.-е. с его главными силами, могла не приостановить наступления нашего правого крыла. Здравая логика должна была заставить его занять оборонительное положение и перебросить часть сил на поддержку левого крыла, которому предстояло выдержать главный удар и на котором именно в силу того, что мы наступаем, лежала обязанность опрокинуть очень сильный правый фланг противника. Я знаю отлично, что в этом случае наше левое крыло должно было быть подкреплено силами IV армии, и это признавалось достаточным.

Фактически наш Генеральный Штаб льстил себя надеждой, что левый фланг противника окажется очень ослабленным, ибо, повидимому, основная масса немецкой армии подготовлялась к продвижению через Бельгию. Поэтому, он не хотел лишаться своих преимуществ на этом фланге, рассчитывая легко разбить в Эльзасе и в области Сарребурга и Моранжа противника, значительно уступающего ему в численности. Легко понять, в чем идея этого плана. Пока противник будет готовиться обойти нас своими главными силами с левого фланга, направляясь по наиболее длинному пути, мы вклинимся в его собственный левый фланг, им самим ослабленный, по пути кратчайшему. Победа на этом фланге сведет на-нет все его планы относительно возможного охвата нас правым флангом. Это, действительно, блестящая идея, смелая и дальнозоркая, но теоретичная до последних пределов, ибо весь блеск свой она имеет только на бумаге. Трудности, возникающие при переносе операции на местность, не принимаются в расчет. Ведь немцы заняли оборонительную позицию на своем левом фланге лишь после того, как они приняли серьезные предохранительные меры, и над этим нужно было слегка призадуматься. Кроме того, все сомнения могла бы разрешить простая географическая карта. Но разве доктрина не гласит, что победа всегда на стороне нападающего? Разве не установлено, что армия, переходящая к обороне, всегда оказывается разбитой? Из этой аксиомы явствовало, что именно такая печальная судьба ждет немцев.

*

Однако, случилось так, что мы сумели перейти в наступление в Эльзасе и Лотарингии лишь после того как правый немецкий фланг уже продвинулся очень далеко, — это было счастьем для нас [5].

15 августа стало очевидным, что противник не ограничится тем, что он дошел до правого берега

Мезы, но что он перейдет на ее левый берег и пойдет бог знает до каких пределов. Над нашим злосчастным левым крылом, остановившимся сперва у реки ниже Мезьера, повисла готовая обрушиться гигантская тень правого крыла противника, находившегося к западу от Мезы. Тогда генерал Ланрезак, — который, впрочем, давно уже сам добивался этого, — получил приказ перебросить свои главные силы к северо-западу, на нижнее течение Самбры. Это был первый мудрый шаг. Быть может, в этот момент нужно было отказаться от наступления на нашем правом фланге и готовиться к энергичному приему противника, пополнив наше левое крыло всеми корпусами, которые можно было бы снять из I и II армий, ограничив их задачу только видимостью наступления. Для этого в нашем распоряжении было достаточно времени, и, однако, это не было сделано. Напротив, момент показался более подходящим, чем когда бы то ни было, для захвата Эльзаса и Лотарингии. Более того, армия Лангля, которая после передвижения армии Ланрезака к северо-западу заняла ее место справа от Мезы, получила задание энергично продвигаться вперед, отбросив противника. Даже на этом участке фронта мы надеялись натолкнуться только на слабый заслон, исходя из того, что немцы совершили безумие, растянув безгранично свой фронт вправо. Мы пытались нащупать прорыв на двух участках немецкой линии.

К сожалению, наш Генеральный Штаб удерживался на этой точке зрения одновременно и ложной теорией и ошибочной идеей. Теория заключалась в том, что наступление несет в себе самом несокрушимые преимущества, а идея—в том, что немцы не будут располагать достаточными силами, чтобы создать достаточную плотность войск на столь обширном фронте. Тем, кто говорил: „Обходное движение немцев на их правом фланге начинает принимать угрожающие размеры“, давался успокоительный

ответ: „Тем лучше. Какими войсками будут они поддерживать это движение? Они растянут свой фронт и тем ослабят его, что̀ на-руку нам“. Мы совершенно игнорировали факт наличия в наступающей германской армии двадцати резервных корпусов.

Французский Генеральный Штаб в начале кампании склонен был считать противника более глупым, нежели он был на самом деле, а такое настроение всегда очень опасно. Штаб предполагал, во-первых, что немцы оставят на фронте Лотарингии лишь очень незначительные силы, при этом он не учел, что они постараются солидными техническими средствами подкрепить свои войска на этом участке; во-вторых, что противник, предпринимая далекое обходное движение через Бельгию и увлекаясь своим вкусом ко всему колоссальному, сделает это движение более обширным, чем то позволяет фактическая численность его сил, что̀ неизбежно заставит его обнажить свой центр для поддержки маневрирующего крыла

Такой ход мыслей свойственен теоретику, который исходит из общих положений и опирается на свои бессмертные принципы. В теории ничто не может быть проще, чем прорвать центр неприятельского расположения раньше, чем правое крыло закончит свой обход. Театр военных действий представляется теоретику идеальной местностью, чем-то вроде чистой и гладкой шахматной доски, на которой можно развертывать операции, как на поле маневров. К несчастью, с одной стороны, трудная область Моранж-Сарребурга была укреплена с совершенно исключительной тщательностью, огорожена бетонными траншеями, снабженными в достаточном количестве тяжелой артиллерией, а, с другой стороны, область справа от Мезы, по которой должны были наступать войска IV армии, является трудно проходимой местностью, покрытой лесами, пересеченной болотами, бездорожной и почти недоступной для

больших людских масс. Кроме того, немцы располагали 20 резервными корпусами, которых мы не учитывали, что позволило армиям фон-Гаузена и герцога Вюртембергского и правому крылу армии кронпринца германского расположиться между Монмеди (Monmédi) и Тионвиллем. Направление движения этих армий проходило через область к востоку от Мезы, и к силам этим, отнюдь, нельзя было относиться с пренебрежением.

Странно, что везде, где мы ожидали, что противник обрушится на нас со всей силой, которую ему приписывала доктрина наступления во что бы то ни стало, он держался осмотрительно. В Лотарингии и в Эльзасе он принял тактику отступления и ограничивался обороной. Наши войска, воодушевленные первыми своими успехами, не приняли самых элементарных мер предосторожности и разбились об укрепленные позиции в области Моранжа и Сарры, где противник поджидал их с полной уверенностью в успехе. Под натиском немцев I и II армии должны были отступить; первая—к позициям у Гран-Куронне и Нанси; вторая—к реке Мерте. В своей книге „Путь к победе“ („Le chemin de la Victoire“). историк Луи Маделен, говоря об этом печальном событии с большим тактом, полу-словами, щадя наше национальное самолюбие, признает, что местность в Лотарингии очень неподходящая для наступления. Точно так же, говоря о наступлении армий Рюффа и Лангля в центре, которое кончилось такой же неудачей, он упоминает о „трудной Арденнской области“. Таким образом, оба боевых участка, которые выбрал французский Генеральный Штаб, чтобы одержать наверняка блестящую победу, были по самой своей природе трудно проходимыми, удобными для всяких засад и ловушек, коротко говоря, неблагоприятными для наступления. Вот та тяжелая ошибка, которую нужно поставить в счет нашему Генеральному Штабу. В самом деле, он не обращал внимания на обход противника на левом фланге, рассчи-

тывая опередить его и нанести ему с сокрушительной быстротой тяжелые удары в двух других ослабленных пунктах его линии; он систематически отказывался, несмотря на повторные предупреждения, прикрыть нашу северную границу, которой угрожала наибольшая опасность, ибо он считал необходимым крупно рисковать, чтобы создать благоприятную обстановку. И после всего этого он не заметил, что местность, избранная им для наступления, совсем для этой цели не подходит, потому что по своему характеру она затрудняет быстрое продвижение вперед и облегчает задачу обороняющегося. Это есть непростительное легкомыслие. Тот, кто дерзает, заслуживает в случае неудачи самого сурового порицания. В этом выкуп за право рисковать.

Понятно, что после крушения всех своих планов Генеральный Штаб избрал себе роль простачка. Он предпочел скорее показаться наивным и плохо информированным, нежели признать, что, хитря, он попался в собственную ловушку и что это произошло из-за легкомыслия и незнания условий войны. Трудно поверить, что можно было тщательно разрабатывать подобный план, годный только для какого-нибудь блестящего доклада, и доверить этому плану судьбу Франции.

*

Как понятно нам беспокойство генерала Ланрезака, этого великого и честного человека, непризнанного искусного вождя, искупительной жертвы за грехи Генерального Штаба, которому потомство когда-нибудь воздаст полную справедливость. Толпа всегда стадна и слепа; она не любит протестующих. Генерал Ланрезак привлек на свою голову общее осуждение своими ожесточенными спорами с главнокомандующим, который потерпел поражение в августе, но оказался победителем в сентябре. Сам я долгое время склонен был считать его просто беспокойным человеком. Но, с другой стороны, сколько клеветы по его адресу пришлось мне выслушать в среде лиц,

близких к главной квартире. Всем известно то дьявольское искусство, с каким чиновники умеют губить своих врагов. Я был свидетелем этой отвратительной работы затирания, по очереди, сначала по отношению к Фошу, затем по отношению к Петэну. Один из наиболее употребительных способов при этом, это — подчеркивание какой-нибудь физической слабости. Если верить им, то генерал Ланрезак испытывал в дни первых боев сильное нервное потрясение, которое лишило его возможности руководить дольше своей армией. В вечер битвы при Шарлеруа, по их словам, он представлял собою обломок человека и беспрерывно повторял с растерянным видом: „Не нужно больше крови, не нужно больше крови". Слишком ранний приказ об отступлении, который он отдал вопреки воле верховного командования, когда победа была уже близка, можно, по их мнению, объяснить только этим моментом слабости. Эту тему умело развивали в официальных кругах, и в конце концов этому все поверили, несмотря на возражения со стороны нескольких благородных человек. [6] Трудно представить себе более отвратительную клевету. Мы можем понять всю скорбь, которую испытывал этот генерал, имеющий право на всяческую похвалу и грубо отставленный от деятельности, когда он на четыре года был устранен от участия в войне, которой он ждал всю жизнь. Так, одним взмахом пера, поставить крест над этой карьерой, которой все предсказывало исключительный блеск, это — жесточайшая месть. Есть от чего прийти в отчаяние человеку с сердцем, когда имя генерала Ланрезака, которое должно было войти в историю, осуждается на забвение. Это извиняет ту, несомненно чрезмерную, резкость, которую позволил себе в своем отчаянии генерал Ланрезак. К счастью, достаточно было одного месяца, чтобы начальник V армии снова заслужил уважение и признание всей нации.

Чем был Ланрезак накануне войны? Самым зарекомендованным из наших генералов, искусным

в решении технических проблем, образованным и полным инициативы, осторожным и знающим свое дело. Тонкость его ума и его ясная интеллигентность, признанная даже юными специалистами, которые под крылом Жоффра подготовляли французскую армию к предстоящей войне, заставили назначить его командующим армией левого фланга, которой предстояло сыграть первенствующую роль. Ему предстояло осуществить великие маневры. Но, кроме этих качеств, он обладал еще одним, которое было не по вкусу свите верховного главнокомандующего—здравым смыслом; к тому же у него была и еще одна опасная добродетель: смелость в своих убеждениях. Ни один француз, желающий отдать себе отчет в событиях, имевших место в начале войны, не может пройти мимо книги генерала Ланрезака, которую он написал в свое оправдание. Это—величайшей ценности первоисточник, который дает нам возможность проникнуть в мысли военачальника, стать свидетелями его сомнений, его колебаний, тех рассуждений, при помощи которых он мало-по-малу приходит к определенному выводу и выясняет свою линию поведения. Хотя тон этой книги несколько слишком живой, но искренность ее автора не подлежит сомнению,—она сквозит из каждой строки. И что самое ценное,—при чтении этой книги убеждаешься в том, что средства рассуждения и убеждения в военных вопросах те же, что и во всех остальных. В этой книге честно применяются обычные правила логики: подчинять все требованиям здравого смысла, не принимать ничего недостоверного, основываться только на проверенных данных; его суждения так же далеки от софизма, как от вульгарности. Я обращаю внимание на то, что всякий человек со средней интеллигентностью, не обладающий никакими особыми природными дарованиями, может, развивая только свои умственные способности, всецело охватить любую военную проблему. Так же хорошо, как специалист,—а, быть может, и лучше его,—он сумеет различить правду

и ложь в оценке тактического и стратегического положения, если не загромождать дело техническими подробностями, которые, впрочем, только скрывают общую картину и загромождают ее ненужными деталями.

*

Генерал Ланрезак, не прикидываясь пророком, с величайшей добросовестностью рассказывает нам о своем состоянии, когда в мае 1914 г. он прочел приказ № 1. Ему показалось, что этот приказ продиктован незнакомством с самыми элементарными правилами. Сразу устремиться в стратегическое наступление, не отдавая себе отчета в намерениях противника, между тем как можно было предвидеть два или три различных случая, казалось ему верхом безрассудства. Предположить, что план может оставаться одним и тем же, независимо от того, нападет ли противник на нашу восточную границу или нарушит нейтралитет Бельгии, значит совершенно пренебрегать теми особенностями, которые каждый частный случай неизбежно вносит в общую линию поведения. Подобный план есть план на все случаи жизни и, потому, он очень слабо приспособлен к различным обстоятельствам.

Галлиени был того же мнения, что и Ланрезак, о достоинствах плана XVII. Но легко понять, что их замечания не были приняты во внимание. Поэтому начальник V армии начал кампанию в августе месяце 1914 г. с известным беспокойством. Сейчас же вслед за этим, 2 числа, немцы заняли великое герцогство Люксембург, а 4 они силой проникли в Бельгию, которая отказала им в проходе. Так как, очевидно, осуществлялась вторая из намеченных возможностей, то, по плану Жоффра, V армия должна была устремиться навстречу противнику и войти в скалистые ущелья Арденн и Семуа на правом берегу Мезы. Для командира, знакомого с условиями местности, в этом поручении не было ничего отрад-

ного. 5 августа атака Льежа показала со всей очевидностью, что обходное движение немцев принимает обширные размеры и распространяется на левый берег Мезы. Если бы не это, то к чему было бы немцам переходить Мезу так высоко. Не получая никаких указаний из главной квартиры, Ланрезак сообщает, что благоразумнее было бы остаться на этом берегу реки, чтобы избежать опасности быть обойденным. Ему отвечают, что „ответственность за остановку немецкого обходного движения не лежит на нем". Общая инструкция № 1, опубликованная 8 августа, сохраняет группирование наших армий между Мезьером и Бельфором. Ланрезак не считает себя разбитым; 12 числа он добивается у генерала Жоффра разрешения перебросить свой первый корпус к Динану (Dinant), чтобы иметь возможность наблюдать за переправами через реку выше Мезьера. Однако, маршрут V армии не изменился, и к 15 числу она должна была войти в бельгийские Арденны, на правом берегу Мезы, между тем, как по всем сведениям, нужно было предполагать, что противник перейдет на левый берег. С 12 по 15 августа происходит беспрестанная полемика между Ланрезаком, который настаивает на удлинении фронта своей армии влево, и верховным командованием, которое приказывает ему углубиться в Арденны, так как „оно имеет ощущение, что там у немцев ничего не подготовлено". Парадоксальная подробность: в тот самый момент, когда верховный главнокомандующий давал подобные заверения, осведомительный бюллютень его штаба извещал, что именно там немцы располагают крупными силами. Ланрезак настаивает все больше и, в конце концов, 15 августа получает разрешение подготовить свой марш к северо-западу, оставаясь в то же время готовым двигаться к Арденнам, т.-е. в направлении на северо-восток. Правда, в тот же день к 7 часам вечера он получил, наконец, приказ перебросить главные свои силы на запад от

Мезы, к Филиппвилю (Philippeville). Не подлежит сомнению, что если бы не настойчивость ее командира, то V армия еще раньше углубилась бы на правом берегу Мезы в Арденнские дебри. Возможно, что потом ее и остановили бы, что ей был бы дан приказ вернуться на левый берег Мезы, но в каких условиях она совершила бы этот переход, если даже и 15 августа было слишком поздно отступать. Действительно, „главные силы V армии, достигнув 20 августа после очень трудного флангового марша (120 километров) области нижней Самбры, нашли путь прегражденным правым немецким крылом". 15 армейских корпусов на фронте Брюссель-Намюр-Динан угрожали левому французскому крылу и широко обходили его с запада.

Зная эти обстоятельства, легко восстановить позицию каждой из спорящих сторон: генерала Ланрезака, с одной стороны, верховного командования— с другой. Первый был возмущен такой непредусмотрительностью, стал недоверчив и не скупился на свои справедливые предупреждения; главную же квартиру раздражала эта беспрерывная полемика. Как все люди, быстро соображающие, Ланрезак волновался по поводу тугого понимания, проявляемого высшей инстанцией. Быть может, он при этом потерял терпение и внес несколько чрезмерную страстность в свое поведение, но, во всяком случае, несомненно, что командование ставило ему в вину постоянное обсуждение его приказов, тем более, что он слишком часто оказывался правым. К сожалению, он оказался прав по всей линии. Вместо V армии, отклонившейся к северо-западу, в Арденны углубилась IV армия, ибо верховное командование настаивало на задуманном наступлении, и там ее ждал разгром.

Таким образом, настойчивость Ланрезака заставила левое крыло французской армии устремиться туда, где опасность начинала становиться угрожающей. В следующие дни он снова дал доказательства

своей дальновидности, и снова вопреки мнению верховного командования.

*

Английская армия, четыре дивизии которой были уже высажены на берег, должна была примкнуть слева к нашей V армии и удлинить ее фронт к западу. Но когда это могло случиться? По словам Френча, не раньше 24 августа, а, между тем, 18 августа верховное командование издало свою частную инструкцию № 13, которая свидетельствует о непонимании положения и слепоте. Возвращаясь к своему приказу от 15 августа, оно все еще до такой степени было уверено в том, что немцы обладают на левом берегу лишь очень слабыми силами, что помышляло о переброске V армии снова на правый берег к северу от Живе (Givet). Даже разбирая предположение, что немецкое продвижение на левом берегу примет более широкие размеры, оно все же считало силы английской, бельгийской и нашей V армии достаточными и достаточно хорошо расположенными, чтобы обойти с севера силы противника, находящиеся в этом районе. Оно считало, что опередило противника, между тем как на самом деле оно далеко отстало от него. Больше того, оно оценивало силы немецкого правого фланга не больше, чем в 7 или 8 армейских корпусов, между тем как они фактически были, по крайней мере, вдвое больше. Оно нисколько не помышляло об усилении левого фланга; напротив, оно надеялось, что ему удастся увести оттуда кой-какие войска, чтобы усилить центр.

Общая инструкция № 13 от 18 августа оправдывает те суровые упреки, которые часто выдвигались против верховного командования; она оставляет на нем всю ответственность за ошибки, совершенные в этот момент кампании. Что сказать о верховном командовании, которое заставляет командира армии в 180.000 человек постоянно быть гото-

вым к передвижению в двух противоположных направлениях. Неправильный взгляд на события, упорное пренебрежение к условиям реальной обстановки, неопытность в искусстве маневрировать войсками,— вот о чем свидетельствуют приказы главной квартиры. Если бы Ланрезак принадлежал к числу колеблющихся командиров, то, получив подобные инструкции, он остался бы на месте, между нижней Самброй и Мезой, ожидая новых точных указаний от генерала Жоффра. К счастью, составив себе собственный взгляд на вещи, он совершенно пренебрег возможностью, что ему придется вернуться на правый берег Мезы, и продолжал переброску главных своих сил на левый берег. Это было очень удачно. В период с 18 по 20 августа рухнули все надежды, возлагавшиеся на наше наступление в Эльзасе и Лотарингии. I и II армии в беспорядке отступали, и нам пришлось снова очистить занятый нами Мюльгаузен. Короткие диверсии, имевшие целью остановить продвижение правого немецкого крыла, как и можно было предвидеть, ни к чему не привели, и это крыло надвигалось, еще более угрожающее, чем прежде, на наши войска, уступавшие ему в численности. Теперь пришлось со всевозможной торопливостью перебрасывать силы с нашего правого фланга, чтобы отразить опасность, о которой не переставал говорить Ланрезак, начиная с 12 августа.

Тем не менее, верховное командование, вкусив плоды своего непродуманного наступления на правом фланге, только о том и помышляло, чтобы ринуться в новое наступление на левом фланге и в центре.

Новым боевым участком, назначенным V армии, был Боринаж (Borinage), область крупных каменноугольных копей. Генерал Ланрезак сравнивает эту область с лабиринтом строений, заводов и садов, обнесенных стенами. Он не имел времени перейти в наступление, ибо 21 августа вечером противник атаковал его. Не нужно быть большим стратегом, чтобы понять, что план XVII, на три четверти уже со-

рвавшийся, годится теперь только на то, чтобы его бросить в корзину. Что означает эта химерическая погоня за наступлением, когда установлено, что значительные силы, образующие правое крыло противника, стремятся обойти наш левый фланг? Положение является совершенно новым, и нужно последовательно пересмотреть всю нашу диспозицию. Наше наступление не может дать ничего, кроме частичных успехов. Пытаться прорвать фронт противника напролом значит рисковать разбить вдребезги свою армию; еще опаснее подставить фланг обходному движению немцев. Генерал Жоффр стеснен, ему остается только выпутываться поскорее из этого положения, чтобы восстановить свое положение на юге и иметь возможность в подходящий момент перейти в контрнаступление. Отступление необходимо, и он должен был начать его немедленно, что дало бы ему возможность потерять очень мало людей и сохранить свои шансы на успех. 20 августа, самое позднее 21, всякий дальновидный начальник принял бы это решение. Но наша главная квартира, повидимому, цепляется за свою идею наступления, которому она приписывает чудодейственную силу. Результатом этого была битва в Арденнах, где величайший героизм войск был растрачен напрасно; эта битва стоила потрясающих жертв. Ее результатом была битва при Шарлеруа, где погиб бы левый французский фланг, если бы не генерал Ланрезак, и если бы генерал Френч не доказал того парадокса, что часто недисциплинированность на высших ступенях иерархии является главной силой армии.

*

Английский народ отличается от всех остальных своим крайним своеобразием, поддержка которого является для англичан вопросом чести. Лондонские кучера, например, придерживаются левой стороны, тогда как даже русский ямщик держится правой стороны на своих обледеневших степных дорогах.

Британские купцы, единственные в Европе, не признают в XX веке метрической системы мер и весов. Поняв, наконец, перед нашествием немцев на Бельгию, какая опасность грозит ей, Англия вмешалась в борьбу и бросила на континент свою небольшую армию. Но мог ли при этом хоть один генерал в мире получить инструкции, подобные тем, какие получил маршал Френч от своего начальника, лорда Китченера:. „Вы согласуете свои действия с операциями французской армии... не забывая, однако, что вы являетесь самостоятельным верховным главнокомандующим; стало быть, ры не должны допускать, чтобы вас ставили под начало к какому бы то ни было французскому генералу".

И, однако, эти пагубнейшие инструкции привели к самым счастливым последствиям. Жоффр назначил маршалу Френчу, без всякой иронии, область Ландреси-Валансьен (Landrecies-Valenciennes), как спокойный участок, где можно привести в порядок и собрать войска. Однако, едва прибыв на линию в область Монса (Mons), несчастный Френч должен был столкнуться с силами противника, вдвое превышающими его силы. Он держался доблестно и с величайшей энергией, но не хотел рисковать полным истреблением своей армии. Поэтому 25 числа он решительно начал отступать в направлении на Като-Камбре (Cateau-Cambrai), ни в малейшей мере не принимая во внимание заклинаний французской главной квартиры, которая пыталась внушить ему свою веру в чудодейственную мощь наступления. С этих пор ген. Ланрезак приобрел на левом фланге ценного союзника, вся забота которого состояла в том, чтобы возможно скорее отступить к югу. Критиковать это поведение английского генерала значит ничего не понимать в положении. Заслуга Френча в том, что он не проявил чрезмерного самолюбия. Со своей положительной натурой англичанина, который смотрит прямо в лицо реальности, он нисколько не стремился к бесплодному героизму.

Кампания только начиналась, и нужно было сохранить свои войска до более благоприятного момента, а не вести их на бойню немедленно. Правда, Ланрезаку пришлось испытать не мало тревоги, но, находясь между верховным командованием, которое каждый день посылало ему приказы наступать, и прорывом, образовавшимся на его левом фланге, он не мог сделать ничего иного, как дать сигнал к отступлению, а мы видели, что это было единственное спасительное решение. Генерал Манжен говорит в своей книге: „Как окончилась война“ („Comment finit la guerre“), что генерал Ланрезак совершил ошибку, отступив 24 числа, т.-е. на третий день битвы при Шарлеруа, и не предупредив английскую армию. То обстоятельство, что англичане начали отступление только на следующий день, казалось, подтверждает это. Но во всяком случае это лишний раз свидетельствует о том, что главная квартира никогда не заботилась о своевременной отдаче приказов. Не генерал Ланрезак должен был взять на себя инициативу и прервать сражение 23 августа, а генерал Жоффр. Однако, последний, несомненно, не знал, что справа от Ланрезака IV армия, раздавленная превосходными силами противника, утром 23 начала отступление на Мезьер и, преследуемая противником, совершенно открыла правый фланг V армии. Поэтому-то с таким чувством изумления читаем мы в официальном сообщении главной квартиры, озаглавленном „Четыре месяца войны“, такую фразу: „24 августа генерал Ланрезак, считая, что ему грозит опасность справа, перешел в отступление вместо контр-атаки“. Предположите на момент, что генерал Ланрезак послушался приказа верховного командования и вместо того, чтобы начать 24 числа отступление, пошел в этот день в контр-атаку. Что произошло бы? Так как не в его власти было остановить отход IV армии, то прорыв, который образовался на его правом фланге, расширился бы, и противник, вероятно, окружил бы его, тем

более, что слева его отделяла от англичан дыра в десяток километров, куда просочились бы немцы. Подобные фразы лучше всяких рассуждений убеждают беспристрастного читателя в беспомощности верховного командования в начале войны. Ложной доктрине Генерального Штаба суждено было до конца сбивать его с толку.

*

Хотя битва при Гизе (Guise) и дала нам успех благодаря героизму и решительности командира V армии, но с логической точки зрения очень спорно, следовало ли начинать ее. И в этом случае главная квартира поставила, по своему обыкновению, Ланрезака в такое положение, что он должен был вести наступление одновременно на севере и северо-западе. Я знаю, что отступающая армия должна оживленными контр-атаками задерживать наступление противника; это классический маневр, который всегда выполняется арьергардными частями при благоприятных условиях местности. Но в битве при Гизе почти все силы V армии были брошены в направлении на северо-запад, т.-е. на Сен-Кантен (Saint-Quentin), при чем ее заставили почти совершенно повернуть фронт влево и перейти через Уазу (Oise), в луке которой она очутилась, между тем как англичане отступали к Шони (Chauny) и Ла-Фер (La-Fère), открывая ее слева. Приказ, переданный офицером связи главной квартиры капитаном Александром, гласил буквально следующее: „перейти в наступление на Сен-Кантен и сделать это возможно скорее, не заботясь об англичанах". Не забывайте при этом, что V армия в этот момент занимала линию Ориньи-Сен-Вервен (Origny-Sens-Vervins), имея перед собой угрожающие силы противника, и что справа от нее IV армия, поддавшись на восток, совершенно обнажила ее фланг. Несчастный Ланрезак отбивался от этого приказа всеми силами, но напрасно. Жоффр лично прибыл на место, чтобы заставить его выполнить этот трудный приказ, кото-

рый даже при успехе не мог привести ни к какому решительному результату, так как общая задача всего французского левого фланга заключалась в этот момент в том, чтобы укрепиться за Эной. Несмотря на присутствие Жоффра, обстоятельства сложились так, что, едва начав наступление на Сен-Кантен, два корпуса V армии должны были свернуть с пути и выдержать борьбу с немцами, произведшими сильный нажим на северный фронт армии. Таким образом, мы выиграли битву при Гизе, обороняясь; в действительности же, в план Жоффра входило дать битву у Сен-Кантена. Противник был отброшен, и мы одержали победу. Но, едва победив, наши войска должны были поспешно и в худших условиях, чем накануне, продолжать свое отступление к югу, рискуя иначе оказаться отрезанными слева вследствие слишком быстрого продвижения англичан, которые достигли уже на день раньше линии Эны. Из-за этого-то мы и не сумели укрепиться за этой рекой, как рассчитывали.

Это, впрочем, уже третий случай, когда бешенство наступления напролом лишало нас возможности укрепиться. Ибо теперь уже с ослепительной ясностью можно видеть, что единственным результатом всех приказов, отдаваемых главной квартирой, начиная с 15 августа нашему левому крылу, было то, что мы оказались вынужденными продолжать отступление до Марны.

Если бы 15 августа верховное командование сразу же послушалось командира V армии и вместо того, чтобы углубляться в Бельгию и давать бой при Шарлеруа, пересмотрело свою дислокацию, то мы могли бы встретить противника на французской границе и дать бой в превосходных условиях. Если бы оно поняло 23 августа, что нужно отступать, то мы легко могли бы укрепиться на линии Ла-Фер-Лаон. Наконец, его упорное стремление завязать сражение при Гизе заставило нас отступать за Эну.

Что остается, скажите на милость, от прекрасной легенды, согласно которой командование с самого начала развивало согласно своим замыслам великолепное стратегическое отступление несравненного размаха и заранее наметило ту линию, где, столкнувшись с противником, французская армия снова перейдет в наступление? Отступление до Марны доставило Жоффру столько же славы, сколько и победа на ней. Но, ведь, и то и другое было плодом сотрудничества многих военачальников. Стоя перед новым феноменом современной войны, мы должны отбросить старую привычку приписывать гению одного человека всю заслугу великих событий. Человечество покончило с увлечением личностью отдельных героев; оно входит в эпоху коллективизма. Впредь гениальность будет заключаться не в том, чтобы командовать единолично, а, напротив, в умении использовать все таланты. Вождь современной нации не может быть деспотом, он должен быть организатором, координирующим энергию и разум отдельных граждан во всех областях. Те, кто требует во Франции вождя, авторитет которого мог бы покончить с беспорядком демократического режима, жестоко заблуждаются, представляя себе этого вождя в образе самодержца. Как бы ни был такой вождь гениален, он быстро потерял бы голову перед лицом бесконечно сложных проблем современной жизни. И потом, где найти в наши дни такого гения? Если мир прежде управлялся иногда рукой одного человека, то это значило, что он был по руке одному человеку. Наполеон был последним и наиболее индивидуальным из наших гениев. Но ничья рука не сумеет самовластно управлять расширенным миром XX века, где все люди свободны. Во всех странах с этой огромной задачей справятся лишь дисциплинированные коллективы, воодушевленные подлинным национальным духом и свободные

от кастового духа. Но если высшая инстанция станет играть роль тирана, если она будет следовать только собственным идеям, в духе Александра или Наполеона, то это погубит все плоды такого сотрудничества. Не следует также допускать, чтобы какая-нибудь одна каста управляла помимо всех и против всех, как мы увидим ниже на примере Германии.

В течение всей первой части войны Жоффр и его личные приближенные играли роль Наполеона. Сотрудники тщетно пытались заставить его услышать их голос, и разразилась катастрофа. Отступление на Марну после столь тяжких потрясений было результатом того, что нашелся генерал с ясным умом и настойчивостью, который сумел без устали навязывать Жоффру свое соучастие. Мы увидим ниже, что и победа на Марне была одержана лишь благодаря тому, что другой генерал, с не менее ясным умом, принял участие в работе Жоффра. Но на этот раз Жоффр, наученный опытом, Жоффр, уступивший своей настоящей природе, осуществил в себе этот тип вождя, координирующего все усилия, думающего через других. Он сумел принять, не заботясь об авторском самолюбии, это предложение своего выдающегося сотрудника.

IV

Размышление об одном историческом моменте

Я и теперь еще спрашиваю себя, сон это или галлюцинация. Я читал книгу генерала Манжена: „Как окончилась война", надеясь найти в ней правду о битве при Шарлеруа. Я дошел до описания знаменитого дня 23 августа и читал:

„Резервная дивизия (Бутегура), которая охраняла Мезу, уступила атакам всей саксонской армии фон-Гаузена, которая снова заняла Динан; армия Ланрезака была отодвинута вправо и отрезана от армии Лангля.

Генерал д'Эсперей [7] бросил против этого нового противника единственные силы, которыми он располагал,—два боеспособных батальона под командой самого бригадного генерала; они восстановили положение, заняв после упорной борьбы деревню д'Онгэ (d'Onhaye).

Эта энергичная операция задержала на два дня всю саксонскую армию".

Прежде всего заметим, что этот живой отрывок разрушает полностью клевету, которая заключалась в официальном отчете главной квартиры, озаглавленном „Четыре месяца войны". Говоря о поведении Ланрезака, этот отчет замечает, что, „считая, что ему грозит опасность на правом фланге, он (Ланрезак) начал отступление вместо контр-

атаки". Угроза, которой он боялся, была настолько действительной, что к вечеру 23 числа он был, по словам Манжена, совершенно отрезан.

Здесь, однако, возникает вопрос: возможно ли, чтобы два батальона, даже очень боеспособные и руководимые самим бригадным генералом, в борьбе против всей саксонской армии фон-Гаузена, силой в четыре корпуса, могли остановить ее и задержать на два дня.

Вот что говорит Ланрезак, командир той армии, где происходили эти события, об опасности, которой он подвергался, и о почти чудесном приеме, который его от этой опасности избавил.

„Часть I корпуса, отправленная в направлении на Сен-Жирар (Saint-Girard), сумела удержаться; часть его, отправленная на помощь дивизии Бутегура, дошла к ночи без приключений к месту назначения. Батальоны правого фланга генерала Бутегура собрались кое-как у Антея (Anthée), Вейлена (Weilen) и Шестравен-Фернея (Chestravin-Fernee) и оттуда установили наблюдение за выходами из деревни Онгэ, которой противник не переходил. Части немцев в течение ночи вышли из боевого соприкосновения; повидимому (я в этом не вполне уверен), они были слабее, чем мы предполагали".

Командир V армии должен был бы теперь иметь окончательное убеждение в этом, после рассказа генерала Манжена. Ибо я не смею думать, что последний, который, как я полагаю, сам и был тем бригадным генералом, который стоял во главе двух активных батальонов, ошибся относительно своей собственной операции и не видел, входя в деревню Онгэ, что она уже эвакуирована немцами. Остается еще подробность о той саксонской армии, которая генералу Ланрезаку представлялась в виде отдельных немецких частей, но нельзя требовать от солдата, рассказывающего о своих операциях, такой же

точности, как от историка, спокойно работающего у себя в кабинете.

Во всяком случае, если судить по его рассказу, то Ланрезак представляется нам гораздо менее нервным, чем о нем говорили. Но что сказать о таком значительном расхождении в описаниях событий очевидцами? Если подозрительны труды историков, то неужели мы должны сомневаться и в показаниях самих участников драмы? Человек действия, вообще, плохой свидетель, ибо, устремляясь к своей цели, он плохо видит разницу между тем, что он хочет делать, и тем, что он делает. Прибавьте к этому еще вполне извинительное желание его предстать в более выгодном свете, желание тем более сильное, чем он честолюбивее и чем больше он склонен искать славы.

Свидетельству Манжена, храбреца из храбрецов, я предпочел бы свидетельство меньшего героя, но человека скромного, сосредоточенного и холодного, любящего жизнь и достаточно критически настроенного из-за недостатка энтузиазма. Безумием было бы, однако, искать таких людей в пылу битвы.

V.

Правда о битве на Марне

Удалось ли, наконец, генералу Ланрезаку убедить верховное командование в том, что спасение Франции заключается в быстром отступлении нашего левого крыла? Возможно, что и удалось, но, тем не менее, несчастный военачальник поплатился 3 сентября своей отставкой за те многочисленные представления, которые он адресовал верховному командованию для его же пользы. Самолюбие Генерального Штаба было подвергнуто генералом Ланрезаком слишком тяжкому испытанию для того, чтобы оно могло простить ему его дальновидность. Как бы там ни было, но после битвы при Гизе (Guise) верховное командование приняло точку зрения, диаметрально противоположную той, которой оно придерживалось ранее. Мы видим его настолько поглощенным стремлением ускользнуть от врага, что начинают даже закрадываться некоторые сомнения в том великолепном хладнокровии, о котором должна была свидетельствовать эта решимость отступать. Линия отступления, намеченная 1 сентября общей инструкцией № 4, проходит через Брей-на-Сене (Bray-sur-Seine), Ножан-Аббесс (Nogent l'Abbesse), Арси-на-Обе (Arcy-sur-Aube), Витри-ле-Франсуа (Vitry-le-Fransois) и область к северу от Бар-ле-Дюк (Bar-le-Duc). Правда, некоторые документы свидетельствуют о намерении верховного

главнокомандующего перейти снова в наступление, как только V армия избегнет охвата ее правым крылом немцев. Но как было указано, Брей-на-Сене находится в 70 *км* к юго-востоку от Парижа. Мало того: дополнительный приказ за № 3463, датированный 2 сентября, намечает еще следующую линию, подлежащую укреплению: Пон-на-Ионе (Pont-sur-Ionne), Ножан-на-Сене, Арси-на-Обе, Бриен-ле-Шато (Brienne-le-Château), Жуанвилль (Joinville). Пон-на-Ионне расположен в 80 *км* к югу от Парижа.

Генерал Ле-Гро в своей чрезвычайно интересной книге „Генезис битвы на Марне" утверждает, что верховное командование помышляло даже о переносе обороны на линию Бриар-Морван-Дижон-Безансон (Briar-Morvan-Dijon-Besançon). Я лично с трудом могу поверить этому. Несомненно, это есть один из тех чисто теоретических анализов возможных вариантов, которыми любят заниматься в штабах, привыкших исчерпывать до конца каждую поставленную им задачу. Возможно, что офицер, которому поручили разработать вопрос о возможных линиях обороны к югу от Эны, добросовестно указал целый ряд таких линий до самых Пиринеев; это ни к чему не обязывает главнокомандующего.

Так или иначе, уже сам по себе приказ 1 сентября способен был восстановить его репутацию осторожности, до сих пор порядком скомпрометированную. Действительно, в этот момент V армия только начинала переход через Эну, и ее штаб находился в Жоншери-на-Веле (Jonchery-sur-Vesle). 2 числа, когда приказ верховного командования сообщил ей, что она должна перейти Сену между Брэйем и Ножаном, она занимала линию Ульши-ле-Шато (Oulchy-le-Château), Фер-ан-Тарденуа (Fére-en-Tardenois), Роней (Rosney), при чем правый фланг ее находился к северу от Велы, у форта Сен-Тьерри (Saint-Thierry). Таким образом, ее сразу перебрасывали к югу больше, чем на 100 километров. Если вспомнить, как медленно заставляли до сих пор

отступать генерала Ланрезака, то нужно признать, что 1 сентября в методах Генерального Штаба перешел резкий перелом. О чем свидетельствует этот перелом? Неужели ослабло желание вновь перейти в наступление, желание, бывшее до сих пор столь страстным и нетерпеливым и усиливавшееся по мере приближения противника к столице Франции? Не решился ли внезапно главнокомандующий оставить на произвол судьбы Париж? Я склонен верить этому. Его опасения мог успокоить один из софизмов, бывших в ходу среди кучки „дипломированных", окружавших его: Париж, это — только географическая точка, или иначе: территории не имеют значения. Известно, что Мильеран, под влиянием Жоффра, предложил совету министров объявить Париж открытым городом одновременно с тем, как правительство покинет его. Этот проект встретил горячее сопротивление среди министров и был отвергнут. В свою очередь, Галлиени, которому поручил охрану Парижа сперва военный министр Мессими, а затем Мильеран, угрожал подать в отставку. Я повторяю, факт этот установлен твердо, нельзя ссылаться на то, что мы имеем дело лишь с непроверенными слухами. Подумайте теперь о тех чисто военных последствиях, какие влечет за собой подобный план, исходящий от высшего командования. Ведь в открытом городе не оставляют гарнизона, противник занимает его без выстрела. И подобными идеями питается Генеральный Штаб! Припомните теперь, что тогда, когда подготовлялась инструкция от 1 сентября, намечавшая линию обороны от Брей-на-Сене до области к северу от Бар-ле-Дюк, Генеральный Штаб, повидимому, действительно не имел в виду сделать укрепленный район Парижа опорным пунктом своего крайнего левого фланга.

Таковы были первоначальные предположения Генерального Штаба. Очевидно, что не в тот вечер в Шарлеруа, о котором любят с восторгом распро-

страняться официальные историки, командование твердой рукой заложило основания победы на Марне, но что это имело место около 1 сентября; раньше оно не могло и помышлять ни о чем ином, как о победе на Сене. С моей точки зрения, то обстоятельство, что главнокомандующий не сумел с безошибочной точностью указать место, где французская армия столкнется с противником и снова возьмет в свои руки наступление, ни на иоту не умаляет его заслуг. Что дает основание требовать, чтобы военный заключал в себе еще и дар пророчества? Я не знаю этого, но историки всегда очень мало ценят своих героев, если те не умеют предсказать с точностью всего хода событий. Но так как такие предсказания удаются с большим трудом, ибо война есть сплетение множества трудно различимых обстоятельств, а успех является плодом непредвиденного случая, схваченного налету, то историки предпочитают подтасовывать карты и извращать цитаты, чтобы только не лишаться своих блестящих литературных эффектов. Трудно представить себе, до каких глупостей могут договориться официальные историки, — и притом весьма интеллигентные, — в своем стремлении доказать, что все было заранее предусмотрено. Вот пример такого рода: Я не рискну назвать автора, но приведу точно его слова; образованные читатели без труда узнают, из какого сочинения извлечена эта цитата. „Генерал Жоффр сказал (в начале отступления) одному офицеру, который цитировал мне его слова: «Я начну атаку в день, когда оба мои крыла будут занимать охватывающее противника положение». Я боюсь, что офицер, передававший эти слова, является единственным лицом, ответственным за эту наивность, ибо когда мог надеяться Жоффр, что его правое крыло, занятое удержанием противника в Лотарингии и Вогезах, займет охватывающее положение. Не помышлял ли он о нарушении нейтралитета Швейцарии. Это было бы, во всяком случае, ново.

Господином в войне является случай. Командующий предполагает, случай располагает, при чем не следует еще забывать и о планах противника. Мы встретим еще много подтверждений этого еретического мнения.

Ряд обстоятельств, не зависящих от воли высшего командования, мало-по-малу облечет в конкретные формы план контр-наступления, пока еще смутно мерцающий в мозгу командующего.

*

Со времени битвы у Шарлеруа произошло новое обстоятельство, именно образование VI армии, армии Монури. Ее образование было вызвано необходимостью иметь влево от нашей линии боя ударную группу, способную отразить обход левого фланга, который нам угрожал, и, в свою очередь, обойти правый фланг немцев. Ничего другого в данный момент не оставалось делать. Поскольку одно из крыльев каждой армии было связано у швейцарской границы, постольку каждому из воюющих оставалось только пытаться действовать другим, подвижным крылом. Что делать, военное искусство очень бедно комбинациями. Охват противника одним из флангов стар, как сама война, и великие полководцы, равно как и посредственные, не располагают никакими лучшими средствами. Первые отличаются от последних лишь в том отношении, что они добиваются успеха там, где другие терпят неудачу! Ирония судьбы в том, что в эту войну, почти сейчас же после битвы на Марне, генералы уже не будут больше располагать флангами для маневров. Возникает даже сомнение в том, что эта длительная и кровавая кампания имеет, в конечном счете, какое-нибудь отношение к военному искусству, тем более, что прорыв центра, который составляет на-ряду с охватом флангов вторую и последнюю стрелу в колчане стратегии, тоже ни разу не мог быть осуществлен в строгом смысле этого слова.

Ясно, что охват фланга противника должен подготовляться задолго; маневр должен быть подготовлен самой диспозицией войск в момент их концентрации. Великим является тот полководец, который так концентрирует свои силы, что после нескольких дней нормальных переходов они занимают угрожающую позицию по отношению к флангу противника. Тогда, когда битвы происходили между относительно небольшими профессиональными армиями, легче было, конечно, изменить порядок передвижения и расположения частей, легче было производить переброски отдельных войсковых единиц, чтобы произвести охват фланга или уклониться от него. Огромность масс, вовлеченных в современную войну, придает решающее значение исходной диспозиции. [8] Если концентрация войск не соответствует правильной стратегической идее, то следствием этого может быть невознаградимая потеря времени и поражение. Когда один из противников совершил злосчастную концентрацию, не вяжущуюся с реальной обстановкой, созданной планом другой стороны, как это было с нами в 1914 году, то остается только всеми доступными средствами стараться исправить создавшееся положение. То, что не удалось сделать логическим развитием своих операций, нужно попытаться осуществить искусственным путем, пользуясь счастливым случаем. Диспозиция нашего командования в августе 1914 г. была построена так, что немецкие дивизии, скопившись к западу от Мезы (Meuse), создавали смертельную опасность на нашем левом фланге. Напрасно английская армия была послана на наш крайний левый фланг, еще многого не хватало, чтобы мы были в состоянии противодействовать охвату, которого добивался противник. В этот момент оставалось только одно средство: собрать где-нибудь на западе достаточную группу войск для нападения на фланг противника. Стратегическая проблема превращалась в проблему транспортную. В этом решении не было ничего гениального: это

был просто самый плохой исход и притом тем менее изящный, что большую часть войск, о которых идет речь, необходимо было взять из линейных сил. Но так как единственным участком, который можно было в настоящий момент ослабить, был наш крайний правый фланг, то войска эти должны были проделать долгий путь, чтобы достичь назначенного им места, которое, впрочем, само передвигалось неуклонно к югу по мере продвижения противника. Это создавало для них риск прибыть с опозданием. Армия Монури, которая должна была первоначально сконцентрироваться в период времени с 27 августа по 2 сентября как можно ближе к Амьену или, если бы это не удалось, то по сю сторону Соммы, прибыла на место с опозданием и не обладала той мощью, какая требовалась обстоятельствами. Несмотря на свою доблесть, эти войска, оказавшие серьезный отпор частям фон-Клука у Пруайяра (Proyart), были вовлечены в общее отступление. Нужно было, однако, считать, что эта армия, пополнявшаяся в пути свежими силами, оставалась все время в планах высшего командования одним из существеннейших элементов предполагаемого контрнаступления. В это-то время и произошли новые события, показавшие, что главнокомандующий вдруг перестал интересоваться своей VI армией.

*

Морис Баррес в своей истории войны рассказывает: „Утром 25-го августа военный министр Мессими отправил в главную квартиру офицера со следующим приказом: «Если усилия наших войск не увенчаются успехом, и армия будет вынуждена отступать, то в укрепленный район Парижа должна быть послана армия в составе не менее трех боеспособных корпусов для обеспечения его охраны». Этот приказ был отправлен в результате беседы министра с генералом Галлиени, которому он хотел поручить оборону столицы. Кроме того, не ожидая

выполнения этого приказа, он отдает распоряжение о том, чтобы одна из африканских дивизий, которая должна была со дня на день высадиться в Сетте (Cette), была передана в его распоряжение и отправлена в Париж. С этого момента Галлиени появляется на сцене. Он, правда, и раньше пытался войти в контакт с главным командованием, но не имел оснований хвастать своими успехами. Действительно, 14 августа Галлиени, по настоянию Монури, посетил Жоффра, чтобы обратить внимание верховного главнокомандующего на обходное движение немецкой армии. Он был принят в течение двух минут и вежливо выпровожден. Не нужно забывать при этом, что Галлиени являлся намеченным заместителем Жоффра.

Отсылка приказа от 25 августа диктовалась Мессими в такой же мере политическими соображениями, как и сознанием его военной необходимости. Дурные известия с фронта очень беспокоили членов парламента, и парижское население, хотя и настроенное очень доверчиво, могло взволноваться со дня на день, если бы ему не было показано, что принимаются меры для его охраны. Уступая этой просьбе, генерал Жоффр сначала думал о том, чтобы отправить часть армии генерала Ланрезака на усиление Парижского гарнизона. Доказательством этого может служить его телеграмма от 29 августа, которую привел Мильеран в своей статье в «Revue hebdomadaire» от 15 февраля 1919 г.

Это обязательство было для него чрезвычайно тягостно и неприятно. В такой напряженный момент, какой тогда переживала армия, нужно было дорожить всякой воинской частью, ибо на стороне противника был огромный численный перевес. Битва, которую Жоффр должен был дать и от исхода которой зависело спасение страны, требовала удержания на фронте максимального количества сил. Несомненно, что с чистой военной точки зрения Жоффр предпочел бы, чтобы Париж был объявлен открытым

городом и совершенно очищен от гарнизона. Корпуса, которые придется иммобилизовать в Париже, будут, по всей вероятности, потеряны для битвы окончательно, ибо практика этой войны показала, что крепости не в состоянии долго противостоять выстрелам чудовищной современной артиллерии, тем более такие крепости, как Париж, обороноспособность которых равна нулю. Подобные предположения о планах главного командования не являются слишком смелыми, так как оно издало несколько позже приказ о разоружении фортов Вердена. Но в создавшейся ситуации нельзя было не подчиниться приказу правительства, и, как мы видели, командование сначала склонно было отправить туда часть армии Ланрезака, вероятно потому, что эта армия в своем отступлении ближе всего подошла к Парижу. 30 августа в ответ на новую просьбу Галлиени, который настаивал на присылке обещанных трех корпусов, Жоффр сообщил, что ему назначены, действительно, три корпуса, но состоящие, по большей части, из резервных дивизий. Этим даются указания на то, что в Париж была назначена VI армия, состоящая действительно в этот момент из 4 резервных дивизий и одного боевого корпуса, именно, седьмого.

Что сказать об этом? Разве VI армия не являлась одной из важнейших фигур в этой игре, узлом маневра, который совершался на крайнем левом фланге? Разве она не должна была пополняться с каждым днем свежими частями, снятыми с остальных участков фронта, чтобы быть в состоянии в нужный момент совершить обход правого крыла немцев? И если Жоффр отказался от этой армии в пользу Парижа, то разве не свидетельствует это о том, что он отказался от предполагаемого маневра?

Как мог он он поступить иначе? 30 августа Жоффр передал армию Монури в распоряжение командования укрепленного района Парижа. В этот момент у него не могло быть никаких сомнений, —

и его телеграмма от 29 августа подтверждает это,— что германская армия намерена осадить Париж. Стало быть, он расстался с VI армией, ясно понимая, что она для него потеряна и что он не может расчитывать на нее в предстоящем контр-наступлении. И несомненно, именно для того, чтобы избегнуть этой тяжкой потери, Мильеран и поставил в совете министров — правда, безрезультатно — вопрос об объявлении Парижа открытым городом.

*

Таким образом, Галлиени оказался как бы в роли второго верховного главнокомандующего. Мы видели уже выше, как недружелюбно смотрела главная квартира на его посягательства. Теперь между органами командования начинает намечаться глухое соперничество. Пользуясь сменой военного министра, верховное командование отвечает 1 сентября на подчинение VI армии генералу Галлиени просьбой подчинить ему командование укрепленным районом Парижа. Просьба эта была обращена к новому военному министру. Удовлетворил ли бы ее Мессими, чрезвычайно благорасположенный к Галлиени? Вероятно, нет, ибо Галлиени воспротивился бы этому; это ясно видно из его «Мемуаров». Губернатору Парижа показалось бы, что эта мера диктуется верховному командованию ревностью по отношению к нему лично. Мы увидим в дальнейшем, что у него были довольно веские основания придерживаться такого мнения. Однако, Мильеран, временно исполнявший обязанности военного министра и склонный сохранить всю полноту власти за верховным командованием, принял этот проект о подчинении Галлиени Жоффру. При имевшей тогда место обстановке трудно представить себе, в чем реально может проявиться власть главнокомандующего по отношению к армии, которая должна будет вскоре защищать осажденный город, то-есть будет отрезана от полевой армии. Ибо нельзя предполагать, чтобы

тогда, когда главнокомандующий излагал свою просьбу, он имел ясное представление об изменениях, происшедших в плане фон-Клука. Правда, Луи Маделен сообщает, что 31 августа, в половине двенадцатого, офицер из кавалерийской дивизии, капитан Лепик, находившийся в разведке к северо-западу от Компьена (Compiègne), с изумлением заметил, что огромные колонны армии фон-Клука сворачивают на дорогу в Компьен, вместо того, чтобы придерживаться прямого пути на Париж через Эстре-Сен-Дени (Estrées-Saint-Denis. [9] Понял ли капитан Лепик, видевший это, все значение этого факта, собщил ли он об этом непосредственно верховному командованию или он только рассказал об этом в своем донесении о разведке? Даже если верховное командование и было предупреждено настолько заблаговременно, то могло ли оно немедленно и в такой мере оценить важность этого сообщения, чтобы в силу этих новых обстоятельств потребовать снова подчинения ему VI армии? Было бы слишком смело верить этому; сообщения не передаются с такой быстротой, и что представляет собой донесение одного разведчика среди океана донесений, поступающих в Штаб ежеминутно и требующих, каждое, проверки. Сведения эти должны были получить подтверждение для того, чтобы им было уделено достаточное внимание. Доказательством этого может служить тот факт, что Галлиени, которому факт этот стал известен 1 сентября, [10] еще не получил в этот день никаких подтверждений от верховного командования; предчувствуя грядущие события, он запросил, чтобы убедиться окончательно, новых данных о разведках. Еще 3 числа он питал некоторые сомнения, и только к вечеру этого дня он получил полную уверенность.

Таким образом, каждый раз, когда проникаешь в суть событий и восстанавливаешь обстановку, в которой они происходили, приходишь к выводу, что вся их совокупность, кажущаяся с первого

взгляда такой связной, свидетельствующая о такой дальнозоркости и сознательной воле, в действительности разыгрывалась по воле случая. Тот приказ, о котором мы говорили, бессмысленный в момент, когда он был издан, обрел свой глубокий смысл два дня спустя. Но, ведь, очевидно, что эти обстоятельства не могли быть учтены при обсуждении данного приказа. Больше того, эта мера, продиктованная довольно низменным чувством стремления к личному влиянию, в свете последующих событий кажется созданной почти пророческой мудростью.

Какой урок детерминизма! Какой пример человеческой слабости! 25 августа Жоффр подготовляет основной маневр, от которого зависит исход войны: образование армии Монури на крайнем левом своем фланге. Если бы эта армия не должна была остаться для обороны Парижа, то она, оставаясь на левом фланге французской армии, участвовала бы в общем отступлении. Возможно, что, по плану главнокомандующего, она оставила бы Париж и расположилась у Сены, рядом с английской армией, которая, в свою очередь, сомкнулась бы вправо до Брей-на-Сене. Но в тот же день, 25 августа, министр, исходя из политических соображений, отнимает у главнокомандующего, и без того терпящего острую нужду в войсках, довольно значительную часть его сил для обороны столицы. Какая тяжкая ошибка! Разве судьба страны не будет решена только в полевой битве? Однако, нужно повиноваться, и вот 30 августа Жоффр сообщает, что он отправил VI армию в Париж. Таким образом, маневр, задуманный 25 августа, отпадает в силу новых обстоятельств,— от него нужно отказаться. Счастливый случай! Внезапно эта VI армия, предназначенная для обороны города, который вскоре будет осажден, армия, так сказать, потерянная для полевых войск, оказывается как раз на подходящем месте для того, чтобы совершить маневр, повидимому, оставленный. Тогда как вся французская армия продолжала свое

отступление, VI армия, задержанная перед Парижем, почти не двигалась с места и, естественно, оказалась на фланге противника, который изменил свои планы. Страхи министра свершили то, чего пытался добиться Жоффр. И если приказ о подчинении VI армии верховному командованию казался нелогичным и бесполезным тогда, когда немцы стремились непосредственно осадить Париж, то он стал образцом дальновидности, когда они уклонились от этого плана. Соперничество двух честолюбий оказало стране бо́льшую услугу, чем могла бы оказать самая гениальная дальнозоркость.

Уменьшает ли славу великого военачальника то, что мы обнаруживаем шаткость военных концепций и показываем, что они являются игрушкой в руках случая? Конечно, нет. Подлинно великие люди обладают интуитивным предчувствием своего счастья. Разве Наполеон не питал столько же веры в свою счастливую звезду, сколько и в свои силы?

*

Тому, кто внимательно исследует ход событий и чей ум свободен от всякого идолопоклонничества, ясно, что на долю Жоффра выпала в этот период необычайная удача, которая может быть сравнена только с его неизменным спокойствием и блестящим хладнокровием. Остальное было сделано необычайным искусством, проявленным его сотрудниками в редактировании приказов. Историки, опирающиеся на приказы высшего командования, чтобы восстановить истинные его замыслы, упускают обычно из виду, что эти приказы не в меньшей мере преследуют цель покрыть ошибки Генерального Штаба, чем дать исполнителям точные директивы. Каждая инструкция обычно предусматривает несколько решений вопроса, при чем исполнителю предоставляется выбрать наиболее подходящее из них. Это чрезвычайно предусмотрительно, ибо очень редко случается, чтобы хоть один из предусмотренных

случаев не имел места в действительности. Воспитание, полученное нашими дипломированными спецами, как нельзя лучше подготовило их к такой, я бы сказал мягко, многообразной редакции. Единственное, что упускают из виду наши завороженные буквой приказа историки, это вопрос о том, в какой мере возможно применять все эти заранее предусмотренные и часто противоречащие друг другу решения. Они никогда не пытаются отдать себе отчет, в состоянии ли был в действительности тот или иной корпусной командир перейти от одной из намеченных возможностей к другой или, подготовляя одну из них, он тем самым не отрезывал ли себе пути к другой. Поэтому-то они никогда не удивляются, когда исполнитель терпит поражение из-за того только, что он не выполнил полученных им приказаний. А тем не менее? Мы видели дважды как генерал Ланрезак получал приказ подготовить диспозицию, которая давала бы ему возможность перебросить войска либо к северо-востоку, либо к северо-западу. Но, ведь, легко понять, что армию в 180.000 человек, с ее обозами, нельзя перебросить с такой же легкостью, как взвод кирасиров. Подобных приказов было множество, и, тем не менее, основываясь на таких документах, Генеральный Штаб всегда может доказать, что он не был захвачен врасплох и заранее указал маневр, которого потребует обстановка. Об этом характере приказов высшего командования не нужно забывать, читая все наше дальнейшее изложение событий, где мы постараемся отграничить долю Жоффра в Марнской победе от доли Галлиени. Сторонники Жоффра придают большое значение письму верховного главнокомандующего к Мильерану от 3 сентября, которое последний опубликовал в своей статье в «Revue Hebdomadaire» от 15 февраля 1919 г. Основываясь на этом документе, они стараются доказать, что маневр Парижской армии был заранее предусмотрен. Г. ле-Гоффик, [11] в частности, пользуется,

повидимому, именно этим письмом, чтобы „проникнуть в замыслы будущего победителя на Марне". Остановимся на основных положениях этого письма.

„Наше положение в коалиции вынуждает нас затягивать бой и выигрывать время, удерживая сколько только возможно немецкое наступление. Мы можем достичь этого, лишь избегая решительного столкновения, в котором нам не были бы обеспечены величайшие шансы на успех... Как бы ни была тягостна необходимость оставить временно противнику более значительную часть нашей территории, она не может заставить нас принять преждевременно генеральную битву, которая может разыграться в неблагоприятных для нас условиях.

„Эти соображения и привели меня к следующему решению:

„Выждать несколько дней, прежде чем дать бой, отступив на достаточное расстояние, чтобы избежать столкновения армий. Снять из наших двух армий, находящихся на правом фланге, не менее двух корпусов, ограничив роль этих армий чисто оборонительными задачами.

„Укомплектовать войска и дать им возможно больший отдых.

„Подготовить в близком будущем наступление совместно с английской армией и полевыми частями Парижского гарнизона. Выбрать так место этого наступления, чтобы, пользуясь заранее подготовленными мерами обороны на остальных участках фронта, мы могли обеспечить себе численный перевес в области, выбранной для главного удара"...[12]

Разве не ясно, что это письмо, кажущееся теперь так поразительно согласованным с реальной обстановкой, составлено, как детский каламбур, который можно читать и так и этак, что оно совершенно абстрактно, что оно не может иметь никаких практических применений и полно противоречий. Это

типичный документ, написанный для успокоения политического деятеля.

Итак, весь пыл наступления, которое проповедывало высшее командование с начала кампании, испарился и привел к тому благоразумному выводу, что наша роль в коалиции заставляет нас стремиться к выигрышу времени! Конечно, это была единственная правильная политика, ибо можно было предвидеть, что Россия, медленно собирающаяся с силами, создаст в течение месяца грозную опасность для Германии на востоке. Но, увы! Четверть Франции уже занята противником; битва на границе, в которую мы ввязались вопреки всякому здравому смыслу, привела уже нас на край гибели. Мало того, русские войска потерпели жестокое поражение под Танненбергом. В этих условиях термин „выигрывать время“ приобретает свой полный смысл. Ждать — не значит откладывать на завтра, на несколько дней, это просто означает „ждать“. Ждать чего? Ждать, чтобы снова возобновились операции России и чтобы они заставили Германию перебросить часть сил на восточный фронт. А до этого может пройти еще не мало времени! Меня приводит в восхищение, что к этому решению пришли 3 сентября, когда противник форсированным маршем двигался на Париж. Это свидетельствует, скажете вы, о всем хладнокровии Жоффра. Согласен, но почему в этом же письме несколькими строками ниже мы читаем: „выждать несколько дней, прежде чем дать решительный бой“, и почему речь идет о подготовке в ближайшем будущем наступления, которое совершенно противоречит этой политике.

Далее, это близкое наступление должно совершиться в контакте с британской армией и гарнизоном Парижа; стало быть, оно произойдет в ближайшие дни, и наши армии отступать далее не будут. И, действительно, укрепленная позиция, намеченная инструкцией от 1 сентября, была крайним пределом

нашего отступления. Если мы хотим согласовать эти два противоречивых указания на срок наступления, то нужно предполагать, что Жоффр надеялся получить возможность остановиться, укрепиться на левом берегу Сены и предпринять оттуда наступление в благоприятный момент, например, при получении известий о первых русских победах. Допустив даже, что он располагает такой свободой действий, можно ли думать, что, действительно, находясь на таком расстоянии (80 *км*) от Парижа, наша полевая армия сумеет поддерживать боевую связь с гарнизоном укрепленного лагеря. Если англичане и удержатся между Меленом (Melun) и Жювизи (Juvisy), то расстояние это не станет все же меньше, и наш левый фланг вынужден будет сомкнуться к Парижу. Даже, если Жоффр 3 сентября уже знал о том, что Клук отклоняется от прямого пути на столицу, чтобы попытаться обойти наш левый фланг, то он должен был все же считать, что, продолжая преследование нас, фон-Клук постарается отрезать Париж с востока значительными силами, как только окажется на его уровне. Силы укрепленного лагеря будут в этом случае слишком поглощены задачей обороны непосредственных подступов к городу, чтобы они могли принять участие в общей битве. Если же, что более вероятно, Жоффр продолжал считать, что фон-Клук собирается непосредственно осадить Париж, то тем меньше он мог рассчитывать на какую-нибудь помощь со стороны гарнизона укрепленного лагеря, изолированного и борющегося с противником. Так или иначе, знаменитая фраза: „Подготовить в близком будущем наступление совместно с английской армией и войсками гарнизона“, которая сейчас, как кажется нам, свидетельствует о ясном и отчетливом проведении маневра Монури, являлась тогда, когда она писалась, лишь предусмотрительной оговоркой, не имевшей никакой связи с действительностью.

Целая пропасть лежит между концепцией Жоффра, изложенной в этом письме, концепцией совершенно теоретической, развертывающейся в идеальном пространстве и времени, подобно теме „военной игры“, и не учитывающей движений противника, и идеей маневра, внезапно сверкнувшей в мозгу Галлиени под влиянием перемещения армии фон-Клука с такой живостью, что ему казалось, будто он видит уже этот маневр осуществленным. Когда Жоффр писал свое письмо, то либо он еще не получил сенсационного донесения капитана Лепика, либо ни он, ни его Штаб не были этим донесением поражены. Галлиени реагировал на это известие гораздо острее. Сравним поведение обоих этих полководцев, по рассказу Барреса.

„2 сентября, в 5 часов вечера, авиатор Ватто, бывший в разведке над долиной реки Уазы, заметил немецкие войска, передвигающиеся с востока на запад и входившие в долину Оти (Authie). Что это может означать? К половине девятого того же дня Галлиени получил известия об этом странном передвижении противника. Все последующие донесения сходятся на том, что противник, в своем движении на Париж, зашел не дальше Люзарша (Luzarchers), что его колонны свернули на юго-восток и что, повидимому, армия фон-Клука откроет свой фланг Парижской армии. В лицее Виктора Дюруи, где молодые офицеры из 2 отдела Штаба в течение всего дня 3 сентября получали эти известия, раздавались толки о том, что необходимо напасть на них с тылу.

„Галлиени слушает их и говорит: „Я не смею верить этому. Это было бы слишком хорошо“. Основываясь на этих данных, он немедленно, однако, вступает в сношения с верховным главнокомандующим. Последний со своим Штабом в этот день только прибыл в Бар-на-Обе (Bar-sur-Aube)“.

Уже 31 августа капитан Лепик донес о фактах, которые должны были подготовить наше командование к этой новости. Но капитан Лепик в это время принадлежал к составу VI армии, которая была подчинена Галлиени, и его донесение могло попасть только в военное управление Парижа. [13] Верховное командование не может проследить за такой мелочью, как какое-то донесение о разведке. Его главная забота в эту пору заключалась в том, чтобы подчинить себе генерала Галлиени. Его усилия увенчались успехом, и 2 сентября, когда Галлиени клокотал от нетерпения и пламенно ждал ошибки фон-Клука, он получил известие о своем подчинении верховному командованию. По счастливой милости судьбы, никогда еще мера, продиктованная личным честолюбием, не оказывалась более удачной. Тогда как при прежнем положении дел оба Генеральных Штаба могли действовать в противоположных направлениях, теперь они вынуждены были работать в тесном контакте друг с другом. Остается благословить демона гордости, который нашептывал верховному командованию его высокомерные замыслы. Рассерженный Галлиени подчинился и запросил Генеральный Штаб об инструкциях; в ответ он получил сообщение от 2 сентября, предусматривающее отход на левый берег Сены. Конечно, эта директива весьма мало вязалась с планом, который родился в голове военного губернатора Парижа, и здесь-то и проявился в полной силе военный гений Галлиени. 3 сентября, в половине девятого вечера, когда у него не оставалось уже никаких сомнений в том, что нужно делать, он написал генералу Жоффру и просил перебросить армию Монури на север от Марны в направлении на Урк (Ourcg), имея в виду осуществление своего плана.

Баррес, которого патриотизм лишил любознательности и критического духа, оставил в своем рассказе неясным дальнейший ход событий. Фразу,

которую я цитировал выше: „Последний (главнокомандующий) со своим Штабом в этот день только прибыл в Бар-на Обе...,—он заканчивает так:—... Генеральный Штаб устроился в школе, Жоффр же поместился в старом доме, где в 1814 г. помещались императоры России и Пруссии. Судьбы Франции решились в беседе между Жоффром, Галлиени и Френчем".

О любезнейший и благородный Баррес, вы позаботились о том, чтобы у читателей не проснулось нездоровое желание выяснить, кто же из них, Жоффр или Галлиени, внушил другому план битвы, вы соединили их и благородно прибавили к ним еще Френча. Напрасная предосторожность, ибо вы, помимо своей воли, оставили самый опасный след. Вы говорите, что Генеральный Штаб прибыл в Бар-на-Обе в день 3 сентября. Это значит, что он находился в полном расстройстве. Знаете ли вы, что такое перемещение штаба? В течение двух дней упаковываются бумаги и архивы, телефоны не функционируют, и со вчерашнего дня не распределяется почта из армий. Силой обстоятельств верховное командование было в этот критический момент отрезано, по меньшей мере, на один день от театра военных действий; ему нужен был еще один день, чтобы снова войти в курс событий. Оно, повидимому, не испытывало по этому поводу никакого беспокойства, ибо приказ, считающийся приказом 2 сентября, предписывал общее отступление до левого берега Сены и, по мнению Штаба, давал ему некоторую передышку. Тогда как в Париже, в кабинете военного губернатора, все находилось в возбуждении и трепетало при каждом телефонном звонке в ожидании огромного события, которое должно было изменить всю картину войны, — здесь, в ставке, царило спокойствие, следующее обычно за принятием важного решения. Вместо этого на первый план выступили мелочи устройства на новом месте. Я не хотел бы, чтобы в этом сопоставлении было усмотрено какое-

нибудь недоброжелательство. Но разве вместо того, чтобы плутархизировать по раз заведенному обычаю, не лучше понаблюдать, как иногда второстепенные детали играют важную роль в грандиозной трагедии? Несомненно, что верховное командование и военное управление Парижа в этот патетический момент не выбрировали в унисон. Это факт, о котором свидетельствуют все историки этого периода. Галлиени волнуется и кипит от нетерпения, верховное командование слушает вяло, туго поддается настойчивым увещеваниям, отвечает невпопад или с опозданием. Все удивляются этому, и каждый дает объяснение в согласии со своей предвзятой точкой зрения. Для одних это — злая воля, непонимание, соперничество вождей, для других — удивительное хладнокровие, спокойствие и осторожность. Я отвечаю: просто переезд. Это объяснение оправдывает известную вялость реакций Генерального Штаба на события и то, как бы сказать, „расстройство“, которое сквозит в его поведении. Оно не накладывает на Штаб тяжкой ответственности и не умаляет его достоинства. Если бы, однако, оказалось, что Баррес ошибся в дате переезда Штаба, то я не был бы этим посрамлен. Когда берешься писать историю, нужно быть готовым ко всему. [14]

Пока Галлиени ожидал ответа верховного командования на свою просьбу разрешить переброску армии Монури на северный берег Марны, он не уменьшил своей энергии и старался приспособиться к новой проблеме. [15] Он дал VI армии приказ начать подготовительные к предстоящему маневру мероприятия и инструктировал генерала Монури. С другой стороны, он пришел к заключению, что недостаточно напасть на фланг фон-Клука с теми только силами, которые находятся в его распоряжении, но что одновременно французская армия должна перейти в атаку по всему фронту. Вот он, долгожданный случай дать генеральный бой в благоприятных условиях; его нужно использовать, не теряя

времени. Образ победы, несущийся перед его воображением, преисполнил этого человека энтузиазмом. Он хотел бы собственной рукой остановить отступление французской армии и бросить ее вперед. Но командует Жоффр, а от него все еще нет ответа. Полный беспокойства, Галлиени задавал себе вопрос: примет ли Жоффр его план. В ожидании ответа он старался склонить на свою сторону Френча, но потерпел в этом неудачу. Сначала Френч дал себя убедить, затем одумался и сообщил, что он продолжает отступать за Сену. День 4 сентября начался этой дурной новостью. Идея дать немедленно битву должна была бы тем более улыбаться Френчу, что сам он, двумя днями раньше, предлагал военному министру перейти в наступление на Марне, — правда, по совершенно иным основаниям, нежели те, какими руководился Галлиени. Ле-Гоффик цитирует фразу из письма Жоффра от 2 сентября, в котором тот отклонял это предложение Френча: „Я не считаю возможным предпринять сейчас маневр на Марне, в котором участвовали бы все наши силы...“ Нужно ли еще более ясное доказательство того, что 2 сентября верховное командование, если оно даже и знало об изменении в планах фон-Клука, еще не оценило всех пертурбаций, которые это событие должно было произвести в его собственных планах! А в те же дни, как мы видели, военный губернатор Парижа с надеждой ждал подтверждения сенсационных данных разведки капитана Лепика.

Результатом ответа Жоффра, — говорит далее Ле-Гоффик, — было ускорение отступления Френча, дошедшее до того, что „он открыл между своими войсками и войсками генерала Франше д'Эспрей прорыв, куда с минуты на минуту мог устремиться фон-Клук“. Совершенно очевидно, что эта ошибка Френча была вызвана ответом верховного командования. Видя, что приказ предписывает попрежнему отступление, английский генерал потерял мужество и помышлял лишь о том, чтобы благополучно

убраться. Эта ошибка в конечном счете привела к добру, ибо несомненно, что фон-Клук окончательно принял свое решение лишь тогда, когда увидел перед собой прорыв, созданный Френчем, куда он рассчитывал проскользнуть, чтобы обойти нашу V армию. Во всех этих событиях разворачиваются две линии: одна — линия Галлиени, пытающегося использовать положение, другая — линия верховного командования, упорствующего в своей идее отступления. В совокупности обе эти линии привели к желанному результату.

Однако, все же не подлежит сомнению, что лишь под давлением Галлиени верховное командование решило изменить свой план. 4 сентября оно еще не известило Галлиени о своем решении. Жутко подумать, что на месте Галлиени мог бы находиться другой генерал, менее цельный, больше заботящийся о соблюдении иерархических правил, более робкий, который ограничился бы слабыми предложениями верховному командованию и не настаивал бы на них. Ле-Гоффик, сохранивший в себе уважение простолюдина к иерархии, кажется шокированным поведением военного губернатора Парижа. Он ставит в заслугу Жоффру его мягкость, он хвалит его за то, что тот не возмутился против столь независимого подчиненного, а, наоборот, принял его точку зрения, не смущаясь этой независимостью. Если бы он глубже знал особенности военного темперамента, быть может, он понял бы, что те качества, которые проявил Галлиени: сила убежденности, готовность принять на себя ответственность, вера в свои идеи, встречаются в армии гораздо реже, чем мягкость и терпимость. Я сказал бы даже, что их вообще нельзя встретить, что Галлиени дал единственный их образец. Таким образом, Клук был прав, когда говорил, что во всех армиях мира был лишь один генерал, способный на такую смелость и, к несчастью, этот именно генерал и был его противником. Когда посмотришь издали на события, то кажется,

что вся судьба Галлиени сложилась так, чтобы подготовить его к этому высшему моменту. Все его природные качества, все поступки его, весь ход его карьеры, подготовили его к этому моменту, когда его независимости суждено было спасти страну и увенчать его славой. Как колониальный офицер с налетом авантюризма, он должен был многократно в чрезвычайно ответственных положениях, находясь за сотни миль от центральной власти, принимать решение, руководясь только своим личным мнением. Он никогда не имел оснований жалеть о своей смелости, и эта независимость обратила на него внимание министров республики, которые не очень-то любят сами проявлять энергию, но очень ценят ее в других, если это избавляет их от необходимости брать на себя опасную инициативу. Этого-то человека и поставила благосклонная к Франции судьба во главе Парижского укрепленного лагеря в тот час, когда нужно было ожидать со дня на день его осады! Знаете ли вы тот пункт крепостного устава, которым определяется поведение коменданта крепости? [16] Нужно прочитать этот устав, чтобы понять каким духом узкой ограниченности он проникнут. Неся ответственнность исключительно в пределах своего укрепленного пояса, подобный начальник не должен знать ни о чем, что происходит за его пределами, в остальной части страны. Он должен тщательно оберегать вверенные ему войска, сохраняя их исключительно для целей обороны. Даже если сам верховный главнокомандующий, нуждаясь в его войсках, обратится к нему, то он должен отказать ему в этом и может уступить только письменному приказу высшей инстанции, который полностью снимает с него ответственность. Эта предусмотрительная процедура, разработанная до мельчайших деталей, отнюдь не может побудить коменданта крепости к проявлению своей инициативы, и не было примера, чтобы какой-нибудь генерал не придерживался ее со всей строгостью. Галлиени

ни в малейшей мере не склонен был придерживаться этого устава. Мысленно он отказался от него уже тогда, когда принимал командование Парижским укрепленным лагерем, ибо он ведь был твердо уверен в том, что защитить Париж может только полевая армия. В воображении он предвосхитил планы противника и стремился немедленно развернуть свои операции, не ограничиваясь тесным кругом своих прямых обязанностей. Он был настроен не как исполнитель и чувствовал в себе авторитет верховного главнокомандующего, поскольку он являлся предполагаемым заместителем того, кто нес на себе в данный момент эту ответственность.

Чтобы судить Галлиени, нужно проникнуться пониманием этих исключительных обстоятельств. Если понять, что Галлиени есть то орудие спасения, которое задолго выковала судьба, сострадательная к несчастьям нашей родины, то не станешь представлять себе его — как это столь часто и столь несправедливо делали официальные историки — в роли опасного подчиненного, не подчиняющегося иерархии, не признающего нужд всей армии в целом и вынуждающего Жоффра уступить его настояниям или проиграть битву. Галлиени никогда не переставал думать, как верховный главнокомандующий, и охватывать все положение в целом. Человек, которому суждено спасти страну, не может обременять себя иерархическими соображениями. Он должен во что бы то ни стало осуществить свою роль и подчиняется только тому внутреннему голосу, который в нем сильнее всего остального. Ничто не могло бы остановить Дези на его пути, когда он мчался к Маренго, куда призывал его Наполеон всеми смутными силами своего гения.

Нашлись тонкие стратеги, которые принялись робко обсуждать вопрос об уместности жеста Галлиени. Они говорили, что по его вине битва на Урке была начата слишком рано: фон-Клук, получив немедленно известие о преждевременном наступлении VI армии,

имел время отступить, между тем как если бы он не знал о грозящей ему опасности, то окончательно углубился бы в мешок, куда надеялся заманить его Жоффр, отступая почти до Сены. [17] Но, скажите на милость, какое сходство между мешком и этой необозримой боевой линией? На это сходство намекает только зрительный образ, — тем более, что схемы боевого расположения, которые даются в настоящее время, склонны эту идею подчеркивать. Мы мысленно представляем себе боевую линию в виде сети, которая продавлена в центре и подымается к обоим концам, где она укреплена — справа у Вердена, слева у Парижа. Этот образ, однако, нисколько не соответствует действительности. Мешок, о котором идет речь, достаточно дыряв, особенно на нашем левом фланге, и рыбка имеет полную возможность ускользнуть. Есть ли основания считать фон-Клука дураком? Ведь он дал уже доказательства своей большой осмотрительности, когда, устремившись со всей энергией на преследование нашего левого крыла и будучи убежден в том, что ему нечего бояться со стороны Парижа, он расположил все же один резервный корпус в качестве флангового охранения, спереди и вдоль Урка. Если бы наше отступление происходило без боя, то движение фон-Клука увлекло бы его дальше на юг, и есть все основания полагать, что он не прошел бы на широте Парижа, не прикрыв его своими войсками. Впрочем, подобные промахи не бывают продолжительными: начальство фон-Клука из повиновения которому он вышел, торопясь обойти нас, заставило бы его спустя два дня осадить столицу. Еще и другое обстоятельство заставляет нас думать, что всякое замедление в атаке VI армии изменило бы картину обстоятельств не в нашу пользу. 3 сентября Ланрезак отправил в главную квартиру сообщение, в котором извещал, что он будет вынужден отодвинуть свою армию несколько к востоку, если обходное движение немцев будет продолжаться

так же энергично, как в предыдущие дни. Таким образом, в перспективе следовало ожидать неизбежного расширения промежутка, отделяющего английскую армию от нашей V армии. По мере того, как мы отступали, мы отклонялись от Парижа на юго-восток. Сеть, вместо того, чтобы сжимать свои петли, медленно расширяла их. При этих условиях нельзя было откладывать начало наступления до тех пор, пока мы не сумеем заткнуть дыру с этой стороны. Когда удается поймать своего врага на ошибке, нужно торопиться использовать это, рискуя иначе пропустить удобный случай. Это совершенно очевидно. Завтрашний день не похож на сегодняшний, и в обстановке ускоренного отступления каждый день производит глубокие изменения в наличной диспозиции. Галлиени понял это. Его нетерпение в гораздо меньшей мере проистекало из желания сыграть историческую роль, чем из совершенно ясного понимания той реальной обстановки, о которой, как мы видели, верховное командование имело весьма смутное представление.

4 сентября, это — исторический день! Главная квартира, получив просьбу Галлиени о разрешении двинуть VI армию вперед на правый берег Марны, дала ответ. Она согласилась на это продвижение, но при условии, что оно произойдет по левому берегу, к югу от Ланьи (Lagny). Галлиени получил это известие как раз в тот момент, когда он вернулся из ставки Френча, которого он не мог застать. Было 7 часов вечера. Он вызвал к телефону верховного главнокомандующего, и началось решительное совещание. Верховный главнокомандующий, несомненно, быстро понял, что пробил час победы. Каждый раз, как Жоффр был предоставлен самому себе, он не обнаруживал никаких предвзятых идей. Он более чем кто бы то ни было доступен голосу здравого смысла, который является его главным достоинством. Оставаться глухим и слепыми по отношению к самым справедливым заме-

чаниям это удел его сотрудников. В них немедленно пробуждается гордость, которая заставляет их поступать как раз наоборот. Жоффр же занимает слишком высокое место, чтобы быть заносчивым, тем более, что по природе ему свойственна роль арбитра; ему свойственно молчаливо взвешивать различные мнения и выносить по поводу их свое суждение. Сделав свой выбор, он выносит решение и больше к нему не возвращается. Несчастье в том, что чаще всего до него не достигали ничьи голоса, кроме голосов его приближенных. Но на этот раз он имел собеседника, который сумел отстранить всех посредников. Мы можем предполагать, что в силу различных обстоятельств Жоффр имел в течение последних двух дней лишь очень неполное представление об обстановке. Когда Галлиени вмешался, быть может, Жоффр сперва и склонен был верить, что он хотел увеличить значение своей роли и из честолюбия сгустил краски. При телефонном разговоре убежденность Галлиени поразила его. Он отогнал свое инстинктивное недоверие и честно выслушал его. Об этом-то знаменитом военном совете в Бар-на-Обе (Bar-sur-Aube) и рассказывает свои истории Габриель Ганото. Выдающийся историк не говорит нам, выслушал ли он рассказ об этом совете из уст самого верховного главнокомандующего. Я очень сомневаюсь в этом. Жоффр не дает подобных рассказов. Но сцена сама по себе слишком благодарна для того, чтобы ее не разукрасить, она представляет собой тип исторической картины, идеальную тему для соискателей Римского приза и для картин Эпиналя. Если бы Ганото не нашел кого-нибудь, кто мог бы рассказать ему об этой сцене, то он предпочел бы самому придумать ее для вящшей славы истории. Я не исключаю также возможности, что он внес в это описание кое-что от себя. Движение действия, расположение персонажей очень уж литературно и изобличает мастера своего дела. Тем не

менее созданная картина остается бессмертной. Плохо только то, что трудно понять, когда собственно мог происходить этот совет.

Повидимому, до того момента, как началось совещание обоих начальников, верховное командование собиралось прежде чем перейти в общее наступление, выждать результатов наступления Парижской армии, которое было ограничено левым берегом Марны. Вернувшись из далекой поездки, Галлиени нашел телеграмму из главной квартиры (помеченную 2 ч. 50 м. пополудни) относительно атаки армии Монури по левому берегу! Он сейчас же вызвал главнокомандующего к телефону и добился у него разрешения вести наступление также и по правому берегу. Тогда же Галлиени узнал, что маршал Френч, которого он не мог видеть в течение целого дня, не принял в наступлении никакого участия и „ограничивался изучением обстановки, прежде чем принять дальнейшие решения“. [18] Галлиени в тот же вечер, 4 сентября, снова бросился к телефону. Здесь, по-моему, наступает решительный момент. Жоффр обещал добиться у Френча обещания выступить 6 числа по левому берегу Марны вместе с Парижской армией. Это-то и есть решительное общее наступление! Жоффр не колеблется, не откладывает на более поздний срок своего отъезда, нет, он отвечает категорически. Действительно, Жоффр обладает очень живым чувством своего авторитета. Запрошенный о конкректном вопросе, поставленный лицом к лицу с проблемой, он никогда не колеблется и отвечает — да или нет. Это имело место дважды в этот вечер, при чем вопросы задавал Галлиени, и задавал очень настойчиво. Если военный совет имел место до этих телефонных разговоров, то почему Галлиени должен был еще в чем-то убеждать Жоффра? Если он происходил позже, то Жоффру не было нужды снова обсуждать раз принятое решение, ибо, побуждая к выступлению английскую армию, он тем самым

молча провозглашал общее наступление. Я лично склонен упростить описываемую Ганото сцену, исходя из реальных обстоятельств. Я думаю, что знаменитая фраза: „Господа, мы будем сражаться на Марне", была просто указанием, которое дал Жоффр своим сотрудникам относительно только что принятого им решения.

Конечно, я вижу, сколько славы приносит рассказ Ганото лицам, близким к верховному главнокомандующему и некоторым образом причастным к тому совещанию, где было принято окончательное решение. Я вижу также хорошо, в какой мере этот рассказ уменьшает роль Галлиени, которому не принадлежит больше та заслуга, что он внушил свое пламенное убеждение верховному главнокомандующему. По официальной традиции губернатор Парижа играет второстепенную роль. Он только подчиненный, выдвинувший интересное предложение, по поводу которого был приглашен высказаться высший совет.

Победа на Марне представляется чем-то вроде разрезанного на ломтики пирожного, от которого и Галлиени перепадает кусочек.

К тому же искусный редактор приказов главной квартиры оставил за собой всю честь предоставления Галлиени этого кусочка. Галлиени выдвинул предложение, говорим мы, но что доказывает это? Во всяком случае, это доказывается сообщением, отправленным в армию в ту же ночь с 4 на 5 сентября. Это сообщение начинается так: „Нужно использовать благоприятное положение I немецкой армии, чтобы сосредоточить на ней все усилия союзных армий на крайнем левом фланге" и т. д. Я согласен, что приказ не может содержать сведений о всех обстоятельствах, которые предшествовали его посылке, не может оценивать роли каждого из тех, кто участвовал в выработке этого решения.

Вот почему нельзя ограничиться чтением приказов, если мы хотим составить себе точное представление о событиях.

К чему снова рассказывать историю славной битвы, которую все знают и которая была столько раз рассказана другими? Нужно, во всяком случае, подчеркнуть одно обстоятельство, чтобы отвести обращенный к Галлиени упрек в том, что он заставил Жоффра слишком рано перейти в наступление. Вспомним, что появление Монури 5 сентября, нисколько не задержав натиска фон-Клука, заставило его по очереди отклонять свои корпуса от их первоначального направления на юго-восток, чтобы отразить атаку на правом фланге. Это уклонение создало к 7 числу разрыв между армией фон-Клука и армией Бюлова, в который энергично бросился со всей характерной для него решимостью генерал Франше д'Эсперей. В эту пору то, что тыл фон-Клука находился под угрозой, в меньшей мере повлияло на настроение немецкого верховного командования, чем обходное движение против Бюлова. Действительно, Монури не располагал достаточными силами, чтобы создать серьезную угрозу, и к вечеру 7 сентября вынужден был отступить. Нельзя отрезать тыл такой большой армии, как немецкая, располагая семью дивизиями, и притом уже достаточно поредевшими. Клук, если бы он оценил правильно грозящую ему опасность, ограничился бы тем, что удержал своего противника позади Урка, оставляя большую часть своих сил на юге; он мог бы при этом сохранить свою связь с Бюловым. Если бы VI армия атаковала противника 6 сентября одновременно со всеми прочими, то обстоятельства сложились бы так: Клук не пытался бы избавиться от Монури и затем обойти его; он был бы вынужден оказывать сопротивление нажиму, производящемуся на него отовсюду сразу. Наоборот, так как наступление VI армии произошло на день раньше, то это заставило немецкого генерала поверить, что у него есть достаточно времени, чтобы разделаться со своим противником на правом фланге и затем снова направить свои корпуса к югу по прежнему

пути. К несчастью для него, Франше, войдя серьезно в соприкосновение с противником, убедился 7 сентября в том, что перед ним находится только легкая завеса, и продвинулся вперед. 8 числа он вклинился между левым флангом Клука и правым флангом Бюлова. Именно в этот момент Клук и приказал своей армии начать отступление. Отступая, он еще больше открыл Бюлова, и последний вынужден был совершить подобный же отход, вследствие чего он вынужден был, в свою очередь, открыть правый фланг фон-Гаузена. Дальнейшее общеизвестно. Битва на Марне была стратегически выиграна.

Эта схема маневра, страдающая лишь тем недостатком, что своей стройностью она напоминает шахматную партию, не должна заставить нас забыть, что все же главным фактором победы был героизм французских солдат, готовых победить или умереть. Командование противника надеялось найти нашу армию в полном разложении после столь долгого и столь тяжкого отступления. Оно наткнулось на ряды героев, которые атаковали без трепета, и силы которых, казалось, были беспредельны. Эта доблесть заставила его опасаться катастрофы, если оно будет продолжать борьбу в том невыгодном положении, какое было создано маневром. Твердо помня то, чему их учили, немецкие генералы не упорствовали. Действительно, условность военной игры требует, чтобы всякая армия, для которой создается угроза на флангах, считала себя в худшем положении, чем противник. Они немедленно подчинились этому правилу игры, что обеспечило нашу полную победу и спасение их армии. Мы увидим впоследствии, как рухнули все условности и как борьба продолжалась в течение ряда лет без заботы о каких бы то ни было правилах. Злосчастный принцип истощения сил противника заменил идею маневра, отмечая собой самый удивительный упадок военного искусства, какой известен истории.

VI

Размышление о гении английского народа

Эти главы о битве на Марне я мог бы назвать и иначе: „Как сэр Френч умудрился спасти положение, не понимая его".

Это — типичный пример капризной логики битвы, где самые тяжкие ошибки ведут к благим последствиям, если судьба благосклонна. Сэр Френч очень быстро был обманут поведением французского командования. С очаровательной независимостью, как будто его задача заключалась в том, чтобы сыграть на нашей стороне роль фон-Клука, он отступал в гордом одиночестве, не переставая соблюдать вежливость. Ускорив свое передвижение к югу в день битвы на Гизе (Guise), он вынудил Ланрезака усугубить свое неподчинение указаниям верховного командования, которое, находясь сзади, мечтало только о продвижении вперед. Никакое другое решение, однако, не могло быть столь благодетельным. Упорствовать в защите территории, пытаться по кусочкам отвоевать ее у чудовищных армий противника — было бы бесполезным геройством, не говоря уже о том, что при этом мы легко могли сыграть на руку противнику, дав ему случай обойти наш фланг.

Тем не менее, отойдя на восток от Парижа, сэр Френч, охваченный угрызениями, остановился и хотел попытаться прикрыть своими войсками этот

прекрасный город. Он сделал в этом смысле прямые предложения военному министру. До сих пор верховное командование находило, что он отступает несколько слишком быстро, но на этот раз именно оно побудило его продолжать отступление. И хотя Галлиени пытался удержать его, чтобы привлечь к участию в задуманном им наступлении, сэр Френч повинуется Жоффру. Повинуется он с таким успехом, что оказался уже очень далеко, южнее Гран-Морена (Grand - Morin), в тот момент, когда верховный главнокомандующий, убежденный, наконец, генералом Галлиени в необходимости дать бой, чтобы использовать создавшуюся обстановку, предложил ему переменить направление и снова двинуться вперед.

Поставленный еще раз перед лицом противоречий, сэр Френч проявил недостаток энтузиазма. 6 числа утром он начал свое продвижение к северу, не встречая сопротивления; к вечеру этого дня он достиг берега реки. Различные маневры, диктуемые соображениями осторожности и гигиены и выполняемые с обычным британским спокойствием, отняли у него весь день 7 сентября. 8 сентября, узнав, что немцы переходят Марну в обратном направлении, он пересекает Пти-Морен (Petit-Morin) в полной готовности основательно ввязаться в бой.

Здесь-то наши историки и совершают тяжкую несправедливость, обвиняя сэра Френча в том, что он испортил положение своей медлительностью, и полагая, что победа на Марне была бы более полной, если бы он действовал быстрее и энергичнее. Я лично считаю, что сэр Френч не мог поступить лучше, чем он поступил. Разве фон-Клук решился бы оставить перед англичанами только кавалерийскую завесу Марвица, если бы англичане были ближе и вели себя более активно, решился ли бы он смело бросить на Монури все 200.000 человек своей армии, отклонив ее от прежнего движения в направлении на юг. Нет, вместо того, чтобы пытаться разбить Монури, он ограничился бы, как я сказал выше,

отражением его атаки, перебросив достаточные для этой задачи силы из своего центра. Остальные же части, то-есть главные свои силы, он противопоставил бы англичанам, если бы ему угрожал удар с этой стороны, а в этом случае он избежал бы образования фатального прорыва между своей армией и армией Бюлова.

И подобно тому, как битва на Урке оставалась неопределенной, тот же исход могла иметь и битва на Марне. Удачный обман противника — очень важный фактор победы, а нелогичность есть один из видов обмана, поскольку она сбивает с толку противника. Сэр Френч был, несомненно, нелогичен, ответив 6 сентября на приказ к общему генеральному наступлению со спокойствием невинной души, но он заставил этим фон-Клука впасть в ошибку.

Не кажется ли вам, что при Ватерлоо Веллингтон поступил не менее нелогично, правда, в другом смысле. Во всяком случае такова мысль Ллойд Джорджа, который и теперь, сто лет спустя, не перестает поздравлять себя с этой нелогичностью. Действительно, в «Воспоминаниях» принца Сикста Бурбонского, относящихся к переговорам Австрии о сепаратном мире, есть беседа с Ллойд Джорджем, из которой принц благоразумно опустил несколько строк. Этот небольшой отрывок, который я, к сожалению, не могу привести в его прекрасном подлинном виде, по существу, сводится к следующему: если бы Веллингтон понял, что он проиграл битву при Гэ-Сэнт (Haie-Sainte), то он с трех часов дня начал бы отступление, и Наполеон торжествовал бы. Но так как он был туг на понимание, то он не сдвинулся с места, и Блюхер, вместо опоздания, прибыл как раз во-время, чтобы одержать победу.

Сила англичан в том, что, даже совершая ошибки, они приближаются к своим целям. На этот раз с нашей стороны было бы неблагодарностью упрекать их в этом.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БАНКРОТСТВО ВОЕННОГО ИСКУССТВА

I

Игра флангов или непредвиденная битва

11 сентября все отступающие германские армии быстро продвигались к северу. В этот момент французское командование было твердо убеждено в том, что окончательно разбитый противник будет отступать до Мезы (Meuse), а может быть, и дальше. Ничто в сущности не давало оснований для этой уверенности, которая сама по себе свидетельствует об известного рода беззаботности в отношении реальных географических условий. Действительно, серьезные естественные укрепления, которые представляет местность к северу от Эны (Aisne), от массива Сен-Гобен (Saint-Gobin) до Монфокона (Montfaucon): Лаонская гора, дорога де-Дам (Chemin des Dames), Ножан-л'Аббесс (Nogent-l'Abbesse) и горы Шампани,—представляют слишком много преимуществ для того, чтобы противник не сделал попытки задержаться в этой местности. Помешать ему использовать эти природные укрепления могло бы только энергичное преследование его по пятам и обход с запада значительными кавалерийскими силами. Наша кавалерия, однако, была расположена на левом фланге V армии, где она поддерживала связь между английскими войсками и нашими. Это, очевидно, имело свой смысл, но приходится все же пожалеть, что она не могла переместиться на крайний левый фланг нашего расположения, где было бы

ее естественное место. Имея возможность предпринять быстрый переход к северу, едва лишь началось бы германское отступление, она создала бы на правом фланге противника достаточную угрозу, чтобы помешать ему слишком рано укрепиться на новых позициях. Фактически, внезапная остановка немцев была столь же неожиданной, как и их внезапное отступление. Я вспоминаю как для объяснения этого факта была создана легенда о заранее подготовленной немецкими шпионами оборонительной линии.

Неприкрашенная правда очень проста. Генеральный Штаб не понимал, что победа на Марне, хотя и освобождает от непосредственной угрозы Париж, недостаточна все же для того, чтобы прогнать противника за пределы Франции. Он не догадывался, что для достижения этого результата нужно немедленно дать вторую битву, битву на Эне. Таков выкуп за ошибки, совершенные в начале кампании. Нельзя безнаказанно дать захватить французскую территорию до Марны. Если же битва была бы дана на Сене, как предполагало командование до вмешательства Галлиени, то возможно, что успех наших войск не мог бы даже освободить Париж. Каждая местность заключает в себе самой свои стратегические возможности.

После Марны французский Генеральный Штаб еще не переставал верить в то, что война будет короткой. Жоффр, уверенный и спокойный, утверждал, что война будет кончена в течение месяца. Он только готовился начать пожинать плоды своей победы, а, между тем, из нее уже было извлечено все, на что можно было надеяться. У него, очевидно, совершенно не было ясного представления о том, что эту победу нужно дополнить другой победой, такой же значительной и такой же убийственной, как и предыдущая.

Остановка противника, полагал он, временная, это — незначительный инцидент, вызванный назревшей для противника необходимостью привести свои

войска в порядок. Достаточно, чтобы наши войска продолжали энергичное наступление по всему фронту позиций, на которых остановился противник, и преследование возобновится.

С другой стороны, командование противника готовилось, очевидно, вступить в эту вторую битву и хотело какой угодно ценой выиграть ее, хорошо зная, что если ему удастся этот замысел, то для нас снова все ставится под сомнение, и значение победы на Марне аннулировано. Однако, смущенное чудесным преображением той неприятельской армии, которую оно считало уже совершенно разложившейся, оно лишилось смелости. На наиболее значительной части фронта немцы заняли оборонительную позицию, чтобы свести к минимуму свой риск в битве, и пытались снова произвести охват нашего левого фланга своим правым, значительно укрепленным и усиленным. Германскому верховному командованию недоставало военного воображения; оно умело только с большой настойчивостью возобновлять свой примитивный план.

*

Со своей стороны и мы, повидимому, лелеяли ту же надежду. 11 сентября, в письме к генералу Монури, Жоффр пишет: „...казалось бы необходимым, чтобы в ближайшем будущем ваши войска поднялись по правому берегу Уазы (Oise) для охвата правого фланга противника". Указание это совершенно правильно и свидетельствует о понимании того, что нам оставалось делать. Но этот намек еще не представляет собой плана. Командование еще не остановило окончательно своего выбора на какой-либо одной из различных открывающихся перед ним возможностей. Поскольку можно судить, оно предоставляло своим исполнителям на местах слишком много свободы, обеспечивая за собой путем искусного редактирования приказов возможность всегда утверждать, что оно предвидело и

предписало именно тот маневр, который оказался удачным. Действительно, чтобы выбить противника из позиций, на которых он укрепился, возможны были два пути: либо обход массива Сен-Гобен с запада по течению Уазы, либо обход Лаонской горы с востока по долине Эны. Пытаться совершить оба маневра одновременно значило бы слишком широко захватывать, и во всяком случае было бы необходимо эти маневры строго согласовать. Почему же Жоффр, одновременно с тем, как он навязывал Монури план обхода противника слева, заставлял Франше д'Эспрей устремиться сломя голову в долину Жювенкур (Juvincourt). Разве то обстоятельство, что силы Франше д'Эспрей должны быть для этой атаки ориентированы на северо-восток, не повлечет за собой неизбежно известного смещения к востоку всего нашего расположения? Между тем, наоборот, для того, чтобы обеспечить охват правого крыла противника, рекомендованный генералу Монури, мы должны были продвинуться к западу, то-есть, по крайней мере, было бы необходимо, чтобы наша V армия двигалась прямо на север.

Конечно, генералу Франше д'Эспрей, увлеченному преследованием противника, позволительно было думать, что он сумеет проникнуть в своем преследовании до долины Эны, и нельзя упрекать его в том, что он стремился достичь успеха, казавшегося ему возможным. Но ведь роль верховного командования и заключалась в том, чтобы подчинить всех командиров единому плану передвижения к западу. Если же имелось в виду попытаться одновременно прорвать центр неприятельского расположения, пользуясь обстановкой отступления, то почему Фош, командовавший группой войск, расположенной вправо от V армии, не получил этого поручения преимущественно перед Франше д'Эспрей? В этом случае оба маневра не противоречили бы друг другу.

Как бы то ни было, с обеих сторон полководцы пришли к необходимости вести игру флангами. Из этого положения не было исхода: не охват фланга, так фланговый охват. А раз так, то нужно удивляться, что Генеральным Штабам требовались столь долгие размышления, чтобы принять, смотря по обстоятельствам, то или иное решение. В создавшемся положении оба Генеральных Штаба будут одновременно стремиться вытянуть свой фланг к западу, чтобы охватить фланг противника, но каждый из них будет, быть может с удивлением, замечать, что и противник преследует ту же цель. Отсюда и ведет начало тот ряд жестоких сражений, который известен под именем б е г а к м о р ю и который кончился только тогда, когда почва ускользнула из-под ног бойцов.

*

Хотите ли вы сохранить перед лицом этих событий свободный взгляд и критический дух философа? Забудем, что эти местности, где разыгрываются битвы, это клочки родной земли, забудем, что тысячи наших детей гибли в этой священной защите родины, не будем видеть ничего, кроме тактического механизма, и будем обсуждать военные действия, руководствуясь только голосом разума. Перед лицом этой животрепещущей военной проблемы станем на точку зрения чистого рассудка. Коротко говоря, настроимся так, как будто мы собираемся играть в „военную игру“. Это принесет нам больше пользы и мы сумеем извлечь больше полезных уроков, чем если бы я в сотый раз рассказывал об этой битве с глубоким волнением и лиризмом официального историка, задавшись целью польстить патриотическому инстинкту и больше заботясь о превознесении гения Генерального Штаба, чем о ясности своих слов и мыслей.

Прежде всего нельзя не видеть, что это вытягивание фланга есть убогое прибежище стратегов, захваченных событиями врасплох. Командование

противника больше не в состоянии маневрировать своей огромной армией. Его дух, подавленный чудовищной массой армий, уже не в силах заново оформить битву и найти такие формы ее, которые явились бы неожиданными для неприятеля. Подобно жене Лота, которая, по библейскому рассказу, превратилась в соляную статую и чувствовала, как постепенно немеют ее члены, немецкая армия постепенно лишалась подвижности на всем протяжении от левого крыла до центра и дальше. Охваченная этим стратегическим параличом, она сохранила способность маневрировать только на правом фланге. Это — огромное тело, которое владело только одной рукой. Но и мы, со своей стороны, взяв в свои руки инициативу, не сумели ее сохранить. Мы застыли, как и противник, и, как он, были вынуждены прибегнуть к крайнему исходу.

В чем заключалась стоявшая перед нами задача? Нужно было собрать на свободном еще фланге противника достаточные силы, чтобы создать для него угрозу охвата и заставить его отступить во избежание этой угрозы. Какими средствами осуществить, это — безразлично, но конечно, требуются наиболее быстрые средства. Ведь мы воюем у себя дома. В Нормандии, во французской Фландрии, в Пикардии, в Артуа есть французы, сердца которых бьются в унисон со всей страной и дрожат от ненависти к захватчикам. Разве народ не встанет толпами, чтобы заградить им дорогу к северу? И разве нельзя было собрать в Лилле, в Амьене, в Аррасе людей, — стариков или детей, безразлично, — чтобы образовать первые силы, способные создать угрозу крайнему правому флангу противника, находящемуся где-то в долине Уазы, к северу от Нуайона? Разве не было налицо офицеров запаса для их организации, военных в укрепленных местах, оружия в арсеналах? Неужели не было генерала, способного координировать действия этих элементов в ожидании прибытия обученных войск?

Было, все это было. Повсюду находились территориальные части, сведенные в полки, в дивизии, но разрозненные. Почему им не был дан своевременно приказ сконцентрироваться в северо-западной области, где-нибудь между Лиллем и Камбре, и двинуться в нужный момент навстречу войскам Монури?

Заметьте, что уже со времени Шарлеруа можно было предвидеть, что этот уголок будет некоторое время не занят противником, что военные действия временно пройдут мимо него и разыграются в направлении на Париж и что, при всяких обстоятельствах, нам было необходимо, чтобы Англия располагала свободным портом на наших берегах Северного моря. Уже 25 августа можно было назначить организатора сил и ресурсов северо-западной области. Так поступил бы комитет общественного спасения, видящий многое, когда раздается крик „Отечество в опасности“, но подобная идея не укладывается в мозгу Генерального Штаба. Для него законом является стремление к единому центру; он не видит иных средств спасения, кроме линейных войск. Я не скрываю от себя, что такие импровизированные войска не могут долго сопротивляться регулярным армиям, хотя современные орудия войны и сохраняют свою ужасную разрушительную силу во всяких руках. Я знаю также, что была сделана попытка создать армию Монури в области Амьена; эта армия, едва успев сорганизоваться, была включена в полевую армию и вовлечена в ее общее отступление. Об этом не приходится жалеть, потому что она сыграла решающую роль в битве на Марне, но все же необходимость группировки сил на северо-западе должна была быть ясной всякому, кто мало-мальски предвидел бы будущее.

*

К сожалению, старые предрассудки, заимствованные из эпохи профессиональных армий, еще живы.

Для военного Франция ограничивается той областью, которая занята войсками. В счет идет только эта часть территории, остальная же территория влачит род существования штатского, сиречь метафизического. Прибавим к этому, что формирование такой группы выходит за пределы власти верховного главнокомандующего. В этих областях властен распоряжаться только военный министр. Но штатские люди, наши военные министры — я повторяю это, — всегда ограничивали свою роль подчинением окружавшим их военным специалистам, так что никто из них никогда не имел собственных точек зрения на войну. Я далек от желания навязать им таковую, я указываю только, что ограниченность в постановке вопроса о национальной обороне коренится в том, что вся забота о ней была возложена на высшего армейского начальника.

Разделение вооруженных сил на несколько армий, по существу, является фиктивным. В действительности есть только одна армия, руководство которой главнокомандующий ревниво сохраняет за собой и которую он рассматривает, как одно неделимое целое. Не охватывая положения страны в целом, он сосредоточивает свое внимание на ограниченном участке, где согласованно маневрируют регулярные войска, не подозревая даже о том, что национальная армия, состоящая из миллионов бойцов, должна приспособиться к новым условиям.

Мольтке или Жоффр начали эту войну со своими миллионными армиями так же, как Наполеон отправился в итальянский поход со своими 40.000 человек. Они разместили их в пространстве, как будто военная задача оставалась той же. Готовясь возобновить с подобной массой вечную игру прорыва и охвата, они постарались создать из нее единый организм с центром и флангами. Однако, немедленно же обнаружилось, что одно из крыльев армии приковано к швейцарской границе; это обстоятельство само по себе должно было бы убедить всех

в том, что старую игру нельзя уже возобновить. Уже в этот момент гениальный полководец понял бы, что нужно видоизменить всю тактику, учитывая значительность наличных сил. Но нет, для военных специалистов, кроме тяжелых орудий, пулеметов, кроме современного научного военного аппарата и улучшенной материальной части, в войне ничто не изменилось. Вожди пытались разыграть битву по всем правилам искусства, наподобие битв XVIII века. Им казалось, что вся кампания захвата территории была начата немцами с целью дать одно только сражение, в котором участвует одна только армия.

Я не хочу придать этим замечаниям бóльшей ценности, чем они фактически имеют. Я не в состоянии указать, какие именно формы соответствуют особенностям современной войны, но я остаюсь при убеждении, что нужно решительно отбросить всю ту устаревшую оболочку, в которую стремятся какой угодно ценой втиснуть эту вновь возникшую реальность — национальную армию.

Никогда, впрочем, эта предвзятая идея группировок не была столь тиранической, как в этот период. Различные армии должны были действовать за свой собственный счет, сохраняя за собой известную свободу действий, и искусство заключалось в том, чтобы заставить их помогать друг другу в решительный момент, точно так же, как искусство противника — в том, чтобы захватить их по одиночке.

*

Правду говоря, я убежден в том, что Генеральные Штабы, как немецкий, так и наш, просто не знали своего дела. Пятьдесят лет европейского мира привели в упадок воéнное искусство. Пятьдесят лет, употребленные на теоретические рассуждения, на „военную игру“ и бумажные размышления, не проверяемые опытом, заставили Генеральные Штабы создать свое собственное представление о войне, ничего общего не имеющее более с искус-

ством Наполеона. Это можно легко доказать, и не будучи професионалом-военным.

Система Наполеона подчинялась следующим двум принципам: охватывать весь театр военных действий, с одной стороны, и концентрировать свои силы для битвы, с другой. Эти принципы влекут за собой двоякого рода движения войск: растягивание их и сжатие, — смотря по обстоятельствам. Наполеон, действительно, не боялся широко разбросать свои армейские корпуса, чтобы дать им возможность охватить большое пространство; иногда эти корпуса находились на растоянии двух переходов один от другого. Но по первому сигналу вся армия концентрировалась в одном пункте атаки, выбранном начальником. Секрет этой гибкости и быстроты в наши дни утерян. Генералы изобрели другой способ удовлетворять одновременно обоим Наполеоновским принципам. Собирая чудовищные массы людей, они охватывали наибольшее возможное пространство и в то же время повсюду обеспечивали максимальную концентрацию сил. Это просто и наивно. У Мольтке заметно смешиваются походная и боевая диспозиция. Как полководец, он гораздо ближе к Фридриху, чем к Наполеону, потому что именно Фридрих всегда заставлял свои войска передвигаться вместе „пучком колонн, ширина которого не превосходит 2.000 шагов“. [19] Армия Мольтке, это — в конечном счете ряд армий Фридриха, значительно увеличенных и расположенных одна подле другой на протяжении сотен километров. При этом не может больше случиться, что противник нападет на какую-нибудь изолированную часть, потому что на всех боевых участках имеет место полная концентрация сил. Вот образец совершенно спокойного для начальника формирования армии! Но легко представить себе, какие огромные количества войск нужно вовлечь при этом в бой. Последовательные увеличения германской армии в годы перед войной исчислялись в соответствии с знаме-

нитым планом нападения через Бельгию. Поскольку расширялся театр военных действий, требовалось и пропорциональное увеличение численности армии.

Известно, что Людендорф замышлял такой широкий охват, что его правое крыло должно было обойти Париж далеко с запада и, сомкнувшись к югу от Сены, охватить нашу столицу, как в кольце. Он должен был отказаться от этого грандиозного маневра, который мы были бы не в состоянии отразить, из-за отказа Рейхстага предоставить количество людей, соответствующее этому количеству километров.

Таким образом, он оказался в положении плотника, у которого не хватило леса, чтобы закончить задуманную постройку.

Но, по правде говоря, какого восхищения заслуживают эти военачальники, возвращающие нас к приемам первобытной орды? Чего стоит это нагромождение окаменевших войск, по стольку-то человек на погонный метр? Что представляет собой эта человеческая стена, начисто выметающая целую страну, подобно линии загонщиков, выгоняющих кроликов из лесу? Где во всем этом искусство, где славный риск былой военной игры?

Разделение армии на несколько отдельных корпусов, распределенных по фронту, значительно большему, чем участок непосредственного боя, представляет собой высшее достижение военного искусства. Это достижение было осуществлено в конце XVIII века и ясно формулировано в трактате о тактике Гибера (Guibert), но в XX веке, волей Генеральных Штабов и из страха перед риском, оно превратилось в мертвый звук. С каким удивлением будут читать наши потомки, что участники великой войны в течение пятнадцати дней мобилизации оставались неподвижными друг против друга, что они образовали в буквальном смысле слова цепи, протяжением в 400 километров, которые двинулись навстречу друг другу для взаимного истребления и бойни, как во времена варварских нашествий.

Здесь могут возразить, что такого рода тактика являлась следствием вовлечения в современную войну огромных масс, и возложить вину на демократию, сделавшую войны более губительными, чем прежде, установлением всеобщей воинской повинности. Это попросту софизм. Нельзя говорить, что демократический дух, провозгласив равенство всех граждан перед обязанностью кровью защищать родину, стал причиной безудержного роста современных армий, ибо это не верно. Демократии установили только моральный долг, обязанность каждого человека защищать свою страну. Но нигде не было сказано, что все граждане должны одновременно взяться за оружие, что они все сразу должны быть призваны в армию и что, таким образом, вся страна целиком должна быть вовлечена в бой. Эту точку зрения породил дух военщины, честолюбивой по самой своей сущности. Из гордости, стремления командовать все более и более многочисленными массами, из инстинкта игрока, постоянно удваивающего ставку, наконец, из боязни рисковать, военные быстро усвоили стремление все больше и больше увеличивать численность армии. Анри Гуссэй (Henri Houssaye) указывает, что в 1815 г., когда считалось, что Франция окончательно исчерпала свои ресурсы, в войска не были призваны даже мужчины 40 лет. Несмотря на крайне стесненное свое положение, Наполеон не решался требовать от страны этой жертвы, ибо в нем дух политического деятеля всегда господствовал над духом солдата. Но в день, когда безответственное сословие военных получило возможность неограниченно черпать из запаса, предоставленного ему демократией, безрассудно нерасчетливой по отношению к крови своих детей, этому росту армий не стало уже никаких пределов. Можно ли, впрочем, обвинять по отношению к Германии демократический режим в чудовищном росте армий? Исходным пунктом горячки вооружений

являлось существование в центре Европы милитаристической Пруссии. Тот факт, что милитаристическая каста могла удовлетворять без всякой политической узды свою страсть к военной игре и свои захватнические инстинкты, самый этот факт вызвал безудержную вспышку войны. Но военный Молох не сумел сообразовать число бойцов ни с потребностями самой борьбы, ни с возможностями военного искусства. Должен был наступить день, когда военачальник, подавленный численностью массы, которой он должен был руководить, только и сумел, что расставить ее, как ненужные камни, вдоль длиннейшего фронта, не будучи в состоянии ни оформить эту массу, ни подчинить ее себе и руководить ею. В тот же момент весь элемент ловкости, умения, искусства, заключавшийся в военой игре, исчез, уступая место закону грубой силы, то-есть национальной войне. Непрерывный фронт явился последним следствием этого злоупотребления численностью, вся ответственность за которое ложится на дух военщины.

К этому-то непрерывному фронту и привел маневр охвата, который попытались осуществить оба противника немедленно вслед за битвой на Марне.

*

Вернемся к Монури, которого мы оставили в области к югу от Уазы в то время, как он пытался подвинуться в направлении на север. Пленник той застывшей тактики, которая заставляет армии нагромождаться друг на друга, он не решился смело отделиться от своих соседей и форсированными переходами двинуться к северо-западу: он должен был позаботиться об обеспечении своей связи с соседями справа и напрасно потерял вследствие этого время на то, чтобы уговорить их передвинуться к западу. Уже 17 числа стало слишком поздно. Немцы, занятые со своей стороны осуществлением совершенно аналогичного маневра, но более дально-

видные и методичные, успели перебросить на свой правый фланг всю армию Герингена и собрать значительные силы в занятом ими районе Нуайона (Noyon).

Позвольте мне по этому поводу напомнить вам тот возбуждающий и унизительный лейт-мотив, который не уставал повторять в течение трех лет Клемансо: „Немцы в Нуайоне“. Клемансо, человек солидного закала, с истинной душой римлянина, никогда не питал склонности к нашей всепрощающей снисходительности. „Немцы в Нуайоне“,—это значит что непосредственно вслед за победой на Марне была совершена тяжелая ошибка. Он не хотел, чтобы эта ошибка была забыта. В самом деле, вы использовали счастливый случай, чудесно-дерзким маневром вы заставили всю германскую армию отступить на 50 километров, создав угрозу на ее правом фланге, и вы прибываете в Нуайон с опозданием? Разве это простительно?

Если бы Галлиени принадлежало решительное слово, то он не уступил бы этого второго случая. В его голове с быстротой молнии сверкнула бы мысль о том, что маневр нужно продолжать без передышки, без остановки, все дальше и дальше к северу, и он, добивавшийся от Жоффра всеми путями увеличения его Парижской армии, сумел бы немедленно перебросить новые силы с востока на запад. Наши войска были утомлены? Да, но они были так же утомлены и утром 6 сентября и даже на следующий день после Шарлеруа! Прибавьте к этому, что там на севере лежит море, свободный выход к которому необходимо сохранить под страхом смерти, что прежде всего необходимо обеспечить себе прочную связь с этими выходами к морю. Все это—лишние основания двигаться возможно быстрее к северу!

Однако, верховное командование подумало обо всем этом слишком поздно, как оно, несомненно, слишком поздно подумало бы, не будь Галлиени, и о том, чтобы использовать изменение в движении

фон-Клука. Этот мозг армии шевелится тяжело и медленно. Как наседка цыплят, собирает оно под свое крылышко все армии и ревниво следит, чтобы кто-нибудь не предпринял операций по своей собственной инициативе. Оно слишком поздно подумало о формировании армии Кастельно в районе Лассиньи (Lassigny).

Почему в самом начале борьбы не было осуществлено то сосредоточение территориальных войск северо-запада, о котором я говорил выше? Их наличие в значительной мере лишило бы мужества немцев, и они явились бы исключительным по важности центром притяжения наших войск. Монури был бы менее робок, если бы он имел кому протянуть руку. Почему Штаб, имея в своем багаже так мало правил, применял их с такой медленностью?

Так или иначе, а Нуайон был занят немцами, и оставалось только попытаться обойти их где-нибудь дальше. В этот момент, к началу октября, ситуация снова стала трагической. Немцы с новой энергией возобновили свои попытки обхода нашего фланга и были очень близки к успеху. Мы меньше заботились о том, чтобы обойти их, чем о том, чтобы самим избежать обхода.

Заслуга Жоффра в том, что время от времени он поднимается над своими подчиненными, чтобы всей силой своего могущественного авторитета помешать им бросить вожжи в момент, когда положение становится слишком тяжелым. Жоффр не боится трудностей, я сказал бы даже, что он слишком мало боится их, ибо иногда он из-за этого опаздывает и, таким образом, сам увеличивает их. По-моему, в подобных обстоятельствах следует различать роль Жоффра и роль его подчиненных. Подготовить ту или иную операцию — их задача: подняться же и решить: нет, этого я не хочу или: да, пусть будет так — в этом роль Жоффра.

Кастельно, посланный вначале на крайний левый фланг, где битва возобновилась со всей силой,

испугался обстановки и заговорил об отступлении на Сомму. Жоффр нахмурил свои страшные брови, решительно воспротивился этому и подчинил Кастельно Фошу, чья дьяволская отвага и оптимизм были ему известны. Начиная с этого дня, Жоффр питал к Кастельно некоторое недоверие, которому суждено было продлиться долго. Когда я говорю— Жоффр, под этим нужно разуметь окружающих его, ибо никто даже из самых близких к нему людей не может похвастать тем, что знает его мысль. Однако, сотрудники Жоффра не скрывали, что они считают Кастельно слишком впечатлительным человеком. Это нужно признать. Кастельно докажет — он должен иметь возможность доказать это — противное, если это не верно, ибо было бы странно, если бы весь Генеральный Штаб имел отчетливое мнение об одном из виднейших деятелей этой войны и если бы об этом не сохранилось никаких письменных следов. Тем более, что Кастельно, исключительный с моральной стороны человек, имеет много других качеств, которых достаточно, чтобы доставить ему славу. Слишком впечатлительный, слишком человечный, этот великий человек был строг только по отношению к самому себе, — он, повидимому, склонен был переживать в отчаянных обстоятельствах минуты пессимизма. Уже в Гран-Куронне (Grand-Couronné) 1 сентября, он предлагал перенести защиту за линию Мерты (Meurthe) и Мозелля (Moselle) на позиции Сальфэ-Бельшан (Salfais-Belchamp). Сторонники Кастельно, а их неисчислимое множество, поднимут здесь крики о клевете. Но, скажите на милость, в чем видите вы здесь вину Кастельно, способную уменьшить его заслуги? Он выдерживал всю отчаянную атаку немцев, он видел, как поддаются наши солдаты, несмотря на всю свою храбрость, и как растут потери. Разве его роль при этих обстоятельствах не заключалась в том, чтобы спросить у высшего начальника, нельзя ли смягчить удар, перенеся защиту назад. Жоффр,

который один только владел ключом к общему положению, и который, к счастью, находился достаточно далеко, чтобы не волноваться, сказал ему, что это невозможно, что нужно держаться во что бы то ни стало, и Кастельно держался. Заслуги обоих равны. Хорошо говорить: держитесь, но этого мало, нужно еще уметь держаться. Высшему начальнику легче сказать это, чем исполнителю. Впрочем, подобные изречения становятся бессмертными только тогда, когда для них находятся исполнители.

Это, конечно, дело темперамента! Темперамент Кастельно пробуждал его искать наименее тяжелое решение. К сожалению, в начале октября, это было невозможно; необходимо было какой угодно ценой заградить путь врагу. Сколько раз еще в течение этой войны мы увидим, что командование, захваченное врасплох, вынуждено бывает возложить все надежды на мужество солдат. План ниспровергнут, все проекты маневров сметены, остается только живая сила. И солдаты вывозят, борются один против пяти, тогда как резервы, слишком далеко отведенные — один бог знает куда и почему — резервы почти никогда не бывают под рукой и всегда приходят к концу. Ах, эта великолепная нация воинов... вы можете вооружиться как угодно духом критики, и все же глаза ваши будут полны слез, когда вы везде и всюду встретитесь с этим мужеством, не знающим отказа, с этим возвышенным презрением к жизни и героическим самолюбием французского солдата. Разве я не прав, повторяя, что с такими войсками одержать победу, это — благородная задача, и что нужно было особенно постараться, чтобы, имея таких солдат, потратить на это столько времени.

Итак, верховное командование, не предвидевшее, по крайней мере в момент начала битвы на Марне, что́ ему необходимо в противовес планам немцев создать серьезный опорный пункт на северо-западе, оказалось в тяжком затруднении, когда началась

битва на Эне. То, что не было осуществлено заблаговременно дальновидным расчетом, нужно было попытаться сделать с помощью переброски войск по железным дорогам и на грузовиках. Вторично выступает на первый план стратегическая роль службы транспорта. Мы увидим, что значение ее будет все возрастать и что в конечном счете к ней одной сведется вся стратегия нашего Генерального Штаба.

*

Железные дороги имеют большие заслуги, они дают возможность довольно быстро предотвращать назревающие опасности. Когда Монури в своем фланговом передвижении был вынужден остановиться у Компьена, войска были брошены дальше к северо-западу, в направлении на Лассиньи. Это оригинальная стадия битвы, которую нужно отметить. Поезда доходили до передовых линий, до крайних возможных пределов, рискуя иногда даже наткнуться на неприятельских разведчиков. Войска поспешно высаживались с них и немедленно вводились с бой. Иногда туча снарядов затрудняла высадку, поезд атаковался раньше, чем войска успевали оставить его; все это неважно, нужно только одно: заградить путь захватчикам. Со своей стороны, и немцы поступали таким же образом. В надежде обойти наш фланг они поднимались все севернее и севернее. Борьба, таким образом, переходила из области Нуайона в область Соммы, оттуда — в Пикардию, в Артуа. Жоффр в свою очередь перебрасывал свежие силы к Альберту (Albert), к Аррасу (Arras) и далее до Дюнкирхена (Dunkerque), где кончается континент. Вновь образовавшаяся линия фронта была слаба и ненадежна, нужно было укрепить ее всеми частями, какие только можно было снять с остальных участков. Но прежде всего здесь нужен был энергичный начальник, способный заставить слабые части сделать максимум возможного, не теряющий головы в самых критических обстоятельствах и готовый скорее дать

изрезать себя на куски, чем отступить на пядь. Такой начальник был налицо, это — Фош. Я сам слышал, как полковник Ренуар, начальник 3 отделения главной квартиры, сказал однажды в порыве откровенности: „От Соммы до моря вся французская земля принадлежит, в сущности, Фошу, ибо он один отстоял ее от врага!"

При всей патетичности этого бега к морю его красота и драматический характер явились следствием только постоянной непредусмотрительности верховного командования. С самого начала кампании, исключая 6 сентября, когда под непреодолимыми настояниями Галлиени мы взяли в свои руки сокрушающую инициативу, рождающую победу, верховное командование неизменно запаздывало по сравнению с противником. Благодаря силам французского темперамента, эти ошибки исправлялись, и мы поспевали повсюду, как говорят, за пять минут до срока. Для иного народа, чем наш, такое положение вызвало бы катастрофу. У нас же каждый, с первого до последнего, делал нужное усилие, и в решительный момент враг находил с кем поговорить.

Некоторых такое положение вещей приводит в восхищение. Но разве главный порок французов не состоит в том, что они питают тайную привязанность к своим недостаткам? То обстоятельство, что мы могли позволить себе роскошь постоянно импровизировать нужный маневр, показывает только, каких чудесных результатов достигли бы мы, если бы командование всегда было на высоте положения. Не забывайте, что на войне всегда приходится дорого платить за свои ошибки. Сколько крови было напрасно пролито с августа месяца? Убийственное и ненужное наступление на Моранж и Шарлеруа, битва на границах, которая велась повсюду в случайных условиях, затем столь тяжелое и трудное отступление. Внезапно произошло чудо, положение изменилось: французы чудесным усилием захватили в свои руки

перевес и победу. И сейчас же вслед за этим мы опустили руки, чтобы снова дать врагу преимущество. Да, об этом нужно сказать прямо, нужно кричать возможно громче о том, что командование не имело права опочить на лаврах после Марны. Битва на Эне не является нашей победой, какой она могла бы быть, она представляет собой просто нейтрализованное поражение, а это не то же са́мое. Ее результаты? Пребывание противника в течение четырех лет на той территории, которая должна была быть очищена немедленно.

Когда же мы, наконец, научимся извлекать жестокие уроки из опыта? Отныне мы должны знать, что спасение страны требует, чтобы всякая победа, одержанная у ворот Парижа, немедленно дополнялась еще и другой победой. На этот раз наши стратеги не сделали этого, потому что они не предвидели, что им придется вести вторую битву, и не подготовили ее. Армии противника, движущиеся по течению Уазы, должны иметь на своем фланге нашу северо-западную армию, во-время поставленную на место. Условия гибели и спасения страны неизгладимыми чертами отмечены на ее карте. Научимся же читать на ней без ошибок свою судьбу, если мы не хотим, чтобы в будущем нам предстояло начать все сначала.

II

Непрерывный фронт или банкротство военного искусства

Бег к морю закончился установлением некоторого устойчивого положения — непрерывного фронта. Это — совершенно новый факт в анналах истории, и можно сказать, что с этого момента военного искусства больше не существует. Ибо, прежде всего, для того, чтобы можно было говорить об искусстве, в нем должна чувствоваться рука артиста, рука того, кто творит, отбирает, приводит в движение массы. Инертная материя должна проникнуться волей человека, подчиниться его вкусам, приспособиться к его потребностям, и, чем больше свободы в воле творца, тем глубже покоряет он себе непокорную материю, и тем выше его искусство. Здесь же война ускользнула из-под власти тех, кто ее направлял; как вышедший из берегов поток, она залила всю землю, и человек оказался перед ней беспомощным, не сумел организовать, ввести в рамки, заново сконцентрировать битву, потерявшую свои формы. Ему оставалось только подчиниться ее чудовищному неистовству. Два народа, схватившись, воздвигли стену человеческих тел, чтобы преградить друг другу дорогу, как будто в мире уже не существует более ни тактики, ни стратегии. Глубокие траншеи, ощетинившиеся колючей проволокой, укрепленные фланкирующим огнем пулеметов и орудий, делали этот барьер с каждым днем все более неприступным. Сразу отпали все

правила военной игры, и то, к этому первобытному способу обеспечения своей безопасности должны были прибегнуть цивилизованные нации, долго готовившиеся к войне, что с ним должны были примириться высокообразованные офицерские кадры, есть обличение военного упадка. Применив без пользы два-три старых приема, военное искусство исчерпало запас своих средств. Властная действительность такова: вооруженные народы столкнулись, руководимые своими полководцами, и сейчас же обнаружилось, что военное искусство бессильно управлять этими массами. Нет иного исхода, как продолжать бойню до тех пор, пока один из противников не отступит. И вот мы снова вернулись к временам, когда две варварские орды, схватившись в рукопашную, избивали друг друга до полного истребления слабейшего из противников. Но только теперь нельзя уже искать спасения в бегстве: каждый умирает в своей норе. Но только теперь не нужно схваток в рукопашную: мы убиваем издали. Для того ли так гордо превозносили свою науку военные академии? Пусть хоть не говорят, что непрерывный фронт был подготовлен, создан дальновидной стратегией. Столкнувши свои армии, высшее командование обеих наций не сумело их расцепить, взять их снова в руки и реорганизовать их для новой битвы. Армии остались распластанными на месте, каждая там, где она находилась, и такое промежуточное состояние продолжалось четыре года. Больше того, такое положение, случайно созданное чрезмерно затянувшейся битвой, перевернуло сверху донизу все основы военного искусства. Все здание накопленного военного опыта рухнуло, оставив груду бесплодного и бесцельного хлама. К чему теперь искусство маневрирования? У армии нет больше флангов. К чему разгадывать план противника? Больше не существует планов. К чему кропотливое изучение тактики авангардного боя, правил, которыми управляются маневрирование

и употребление аван- и арьергардов и главных сил? Армии, растянувшиеся друг против друга на протяжении сотен километров и расстреливающие друг друга почти в упор, — вот к чему сводится теперь военная действительность. Напрасно станут говорить, что война вступила в осадную фазу, — странная это осада, где каждая сторона одновременно и осажденная и осаждающая, объект которой везде и нигде. Что делать? Никто не знает этого, и в ожидании каждый укрепляет свои позиции, чтобы сделать их неприступными. Когда не знаешь, куда идешь, приходится бояться всего.

После этого остается только закрыть военные училища и доверить землекопам оборону страны. Непрерывный фронт возник из желания стратегов исключить всякий риск из своих расчетов. Но что же это за кадр полководцев, который уничтожает риск, которые отказываются пойти навстречу случайностям военной игры, подчиняться принятым в ней условиям! Разгадка в том, что речь идет теперь не о выигрыше или проигрыше в благородной военной игре, как было во времена профессиональных армий. Перед народами стоит жестокая действительность, необходимость бороться за свое существование. Война, как забава государей, как игра, в которой ставкой является какой-нибудь город или провинция, канула в прошлое. Теперь война, это — только ужасная катастрофа, вовлекающая в бой народы целиком, со всеми их ресурсами.

*

Когда военный корпус перестает применять правила военной игры, завещанные ему традицией, иными словами, когда он уклоняется от лежащей на нем ответственности, — он платит своим полным упадком за такую измену. В действительности, установление непрерывного фронта в 1914 г. возникло из желания уклониться от результатов битвы. Немецкие генералы прибегли к этому способу от-

срочки, чтобы уклониться от логического вывода из ряда военных действий, угрожавших неблагоприятным для них оборотом дела. Такое нарушение правил не проходит даром. Отныне народы уже не примут больше фикции, которая заключалась в сражении на ограниченном поле двух профессиональных армий, являвшихся в той или иной степени представителями мощи страны. Непрерывный фронт выявил всю никчемность этого военного символизма, в силу которого небольшая хищная нация, хорошо обученная военному делу и руководимая талантливыми полководцами, могла, выигрывая сражения, подчинять себе народы, гораздо более мощные по численности населения и ресурсам. Народы уже не захотят впредь, чтобы их судьба решалась в азартной игре сражений, выигранных или проигранных по правилам искусства: они увидели уже, к каким обманам эта игра приводит. Народы будут бороться до конца, как они боролись в эту войну, напрягая все свои ресурсы, и борьба будет становиться все более и более смертоносной и долгой.

Я лично вынес впечатление, что германское командование осознало всю глубину совершенной им ошибки. Почитайте „Мемуары“ Людендорфа, и вы увидите, с какой изобретательностью этот генерал старается замаскировать существование непрерывного фронта. Описывая свои атаки на французском фронте, он с воодушевлением говорит о правом, о левом крыле армии, об ее центре, так что забываешь, что всего этого нет больше в действительности, что есть только ряд окопов, где на протяжении сотен километров бодрствуют люди.

Я не сомневаюсь в том, что военный корпус горячо желал бы вернуться к старым правилам военной игры и забыть жестокий урок окопов. Разве и мы во Франции не видели, как то же стремление обнаружилось в Генеральном Штабе? И разве не этому же тайному желанию соответствует установление 18-месячного срока военной

службы и создание мощной полевой армии, способной перенести военные действия на вражескую территорию, то-есть армии, в конце концов предназначенной для возрождения маневренной войны, блестящей войны великих полководцев. Наш Генеральный Штаб мечтает о том, чтобы закончить войну прежде, чем противник мобилизует все свои силы, одержав несколько быстрых побед по всем правилам искусства, от которого он не хочет отказаться. И уж, конечно, такая война была бы менее убийственной и более короткой, но — увы! — Рубикон перейден, и обречены на неудачу все попытки вернуться вспять. Если даже непрерывный фронт и возник из случайного события, которого вожди армий могли бы, быть может, и избежать, значительно увеличив свою ответственность, то теперь он уже является неизбежной необходимостью: это новый факт в современной войне. Мы увидим далее, как Штабы колеблются между двумя противоречивыми доктринами. Одна из них стремится уничтожить непрерывный фронт, разрушающий основы военного искусства, другая пытается так или иначе примирить его с своими вечными принципами.

В день, когда от границы до границы воздвигся барьер непрерывного фронта, ясным умам могла бы стать очевидной абсурдность войны. Бог, без сомнения, хотел показать нам этим, что доведенное до своих крайних пределов искусство Фридрихов и Наполеонов превращается в неприкрытую бойню, во всеобщее побоище. Гениальный человек, если бы небо послало такого Германии, несущей всю ответственность за войну, понял бы, что при таком положении война не может иметь конца; он осознал бы свое бессилие и попытался бы остановить грозящие ужасные события. Но гордость ослепила наших врагов и затемнила свет, который мог бы пролиться в сознание людей, гордость тем более необузданная, что в Германии беспрекословно царил дух военщины. Проблему начали маскировать.

По молчаливому соглашению высшие командования обеих сторон скрывали свою растерянность; они скрывали, что все их искусство уже не существует более перед лицом грандиозной действительности. С трудом, по частям, они пытались создать свод правил и формул, которые являли бы вид искусства. Кодифицировался случайный опыт. В неизбежно грядущей беспрерывной бойне пытались найти высшие военные соображения, чтобы народы не увидели, что эта бойня не имеет определенных военных целей. Борьба будет, например, вестись за овладение доминирующими возвышенностями, за „завоевание перспектив", а когда эти возвышенности будут захвачены, вдали обнаружатся другие возвышенности, столь же необходимые, над которыми парит — о, ирония — легкий самолет.

Хищная прусская каста не хотела признать своего промаха; охваченная своей страстью к военной игре, она лелеяла мечту выйти из тупика. Так сорвем же, по крайней мере, с Людендорфа и ему подобных маску великих полководцев. Покажем, что они были бессильны вести войну иначе, чем мясник, который гонит свое стадо на убой. Пленники непрерывного фронта, они никогда не были в силах от него освободиться. И если что́ погибло в этой войне безвозвратно, то прежде всего военное искусство, которое никогда не возродится. Народы с накопленным их трудом и бережливостью капиталом, с их изобретениями, с их естественными и искусственными богатствами еще будут, к сожалению, сталкиваться. Но посмеют ли они положиться всецело на специалистов маневренной игры, за пределы которой далеко перешагнула национальная война?

Нужно серьезно и, сказал бы я, по-штатски исследовать способы ведения войны, как изучают способы остановить наводнение, бороться с пожарами, эпидемиями и другими бичами человечества. Прогресс техники и науки позволит, несомненно, достичь этого, если взяться за дело, как следует.

Вы ясно чувствуете, что одной только логики здесь мало. Мы живем в эпоху противоречий. Германия была побеждена именно постольку, поскольку она являлась представительницей специфически военной промышленности и искусства; именно ее офицерские кадры, ее Генеральный Штаб, ее военная каста были сметены той новой силой, которую обретают в себе народы, поднимающиеся целиком на свою защиту. Фактически в этой войне гражданский элемент мира одержал победу над военным, ибо он олицетворяет собою силу, богатство, талант, мужество, самоотверженность, противопоставить которым военщина в состоянии лишь свод мертвых правил, основанных на обмане чувств и сразу же обнаруживших свою непригодность к охвату действительной обстановки. Не нужно поддаваться заблуждению, основанному на том, что на нас была брошена в силу всеобщей мобилизации вся Германия, все ее классы. Самое поверхностное изучение покажет нам, что на нас напала именно военная каста Германии с ее своеобразным духом, ее условными правилами сражений, с ее гордостью. И если бы гражданский элемент в каждом сражении не приходил своим талантом на помощь военному, то мы очень скоро увидели бы полное банкротство военного духа, несущего всю ответственность за возникновение войны и уступившего, начиная с 30 сентября, свое место гению всей нации в целом. Военная каста Германии была побеждена народами, у которых господствовали гражданские законы, именно потому, что она до конца сумела сохранить господство за своим духом, своими иллюзиями, именно потому, что она принимала гражданское сотрудничество лишь в строго неизбежных пределах.

Рассмотрим это подробнее. Что могли бы сделать в войне, подобной пережитой нами, кадры линейных войск, если бы они не пополнялись из неисчерпаемых и мощных кадров запаса? Могли ли бы существовать современные научные армии,

если бы не было в стране кадров инженеров? Чей гений, если не гражданский, проявил себя в лабораториях, на заводах, в организации снабжения армий? Нужно отметить, что военный дух проявил во всех областях, за редкими исключениями, лишь стремление к рутине, инертность и страх перед ответственностью. Разве вся санитарная служба армии не возникла как результат того напряжения знаний и преданности, какое проявила нация в заботе о своих раненых? Всякий раз, как гражданский элемент получал возможность усилить свое влияние, порыв становился более интенсивным, работа более производительной, результаты улучшались. Несчастье Германии заключалось в том, что, обращаясь за помощью к гражданским силам, быть может, еще в° большей мере, чем наши военные, ее военный элемент продолжал сохранять свое тираническое господство. На наше счастье, у нас, в результате взаимного проникновения друг в друга этих элементов, между ними установилось некоторое взаимодействие, и, когда, наконец, гражданский дух восторжествовал в лице одного из виднейших начальников армии — я имею в виду Петэна — победа стала совсем близкой.

Нужно привыкнуть проводить это существенное различение в массе военных обстоятельств, кажущихся неразделимыми, для того, чтобы понять справедливость моих рассуждений. Специфически военным является все то, что основано только на старой военной игре и что оказалось в противоречии с новой действительностью обще-национальных войн. Можно найти тысячи примеров этого, и я буду приводить их на протяжении всей книги. Гражданский дух заключается в строгом приспособлении к реальной обстановке и стремлении непосредственно к цели. Первый из них есть дух догматический, другой — дух экспериментальный. Смешение же их чревато большими опасностями. К этому смешению мы стремимся, однако, под видом использования

уроков войны. Здесь нужно опасаться всякой двусмысленности, которая может оказаться смертельной для страны. Все победы гражданского духа, если вы бросите их на военную мельницу, не приведут к цели. А такая опасность серьезно угрожает нам. Если, например, уже в мирное время в армию будут включены лаборатории, то вы убьете свободную инициативу, любовь к исследованиям, бескорыстное соревнование. Война становится все более и более зависимой от науки, наука определяет будущие формы войны, но легко показать, что научный дух несовместим с военным.

Действительно, принцип иерархии, лежащий в основе военного духа, противоречит развитию духа критики, неотъемлемого качества ученого, чей долг обсуждать все проблемы, подвергать сомнению все существующее в интересах самой науки. В армии, напротив, правило, санкционированное тем или иным авторитетом, не подлежит обсуждению; оно существует, и баста; поскольку оно признано, оно немедленно преобретает всю законную силу. Здесь строгое повиновение есть долг, не терпящий никаких исключений. Подчиненный обязан питать к своему начальнику абсолютное почтение, не только во внешних проявлениях, но и всем своим существом. К этому обязывает его собственный моральный идеал. Сверх того, и его личные интересы, интересы служебной карьеры, побуждают его принять этот идеал и стремиться до конца удовлетворять ему. С другой стороны, что́ такое продвижение по службе, скажем, для штата химиков? Разве более знающий из них получает более высокий чин? Или требуется разве, чтобы старший по возрасту был начальником более одаренного, хотя бы и более молодого? Только в армии может быть естественным, чтобы открытие, сделанное старшим по чину, было обязательно для подчиненного и чтобы было запрещено искать лучшего решения проблемы под страхом оскорбления иерархического принципа.

Если мы не хотим ввергнуть всю страну в постоянное положение осажденного города, если мы не хотим окончательно утвердить милитаризм во всех областях, где проявляется активность народа, то нельзя избежать положения, при котором армия лишь в неполной мере подготовлена к войне, требующей напряжения всех наших ресурсов. Неизбежен долгий период нащупывания, прежде чем будут найдены формы, обеспечивающие правильное сочетание военной организации с гражданским организмом, без помощи которого немыслима победа. Это настолько очевидно, что наши вожди собираются, повидимому, для устранения этих неудобств, организовать прикрывающую армию, чтобы иметь время выжидать. Они стараются настолько усилить эту армию, чтобы она могла обходиться своими средствами два-три месяца и, быть может, решить за это время исход войны. К чему же сводится в таком случае священный принцип, приказывающий атаковать противника только тогда, когда собраны все силы? Этот проект сводится в организации профессиональной армии, которая всегда будет обладать меньшей численностью, чем армия противника, если он сумеет быстрее нас вовлечь в войну всю свою страну целиком. Он означает обязательное наступление, цель которого дать стране время организоваться, при чем мы неизбежно должны довериться случайному исходу битвы на границе. Цель всего этого одна — передать в руки командования все ресурсы страны и дать ему время освоиться со всеми функциями, которые к нему попадут. Но не проще ли разделить ответственность? С одной стороны, существуют чисто военные обязанности сражающейся армии; с другой стороны, есть огромная работа по организации заводов, изготовлению и транспортированию всяких материалов и вооружения, постановке дела снабжения, налаживанию госпиталей, защите территории от налета воздушных сил противника, подготовке

обороны на заранее выбранных линиях. Необходимо ли, чтобы вся эта грандиозная работа инженеров, химиков, предпринимателей, врачей, администраторов была сконцентрирована в руках военного командования?

На-ряду с главнокомандующим, вождем армии, должен существовать гражданский главнокомандующий, который, подготовив свою мобилизацию, знал бы где найти нужные ему кадры руководителей и войска, который разработал бы свой план, конечно, в гармонии с планом своего коллеги. Постараемся избежать того всеобщего смятения, которое распространяют расклеенные по стенам белые приказы о мобилизации. Требуются целые месяцы, чтобы выпутаться из этого хаоса и той полной остановки всякой деятельности, какая при теперешнем положении вещей порождается ими.

Этот гражданский главнокомандующий должен еще в мирное время работать в тесном сотрудничестве со своим коллегой; нужно, чтобы двери Высшего военного совета были широко открыты для него и виднейших его сотрудников. При этом, быть может, наше оборудование и снабжение окажутся на уровне достижений науки. Мы не будем, попрежнему, свидетелями положения, при котором создание новой модели задерживалось на годы соперничеством между различными родами оружия, между различными канцеляриями. Быть может, при этом мы сумеем и использовать в бо́льшей мере материал и в меньшей — человеческую живую силу, мы сумеем больше рассчитывать на машину, чем на пушечное мясо наших солдат.

Главной заботой военачальника является подготовка битвы, то-есть расположение и введение в бой масс бойцов, которые нужны ему, конечно, в наилучше подготовленном виде. Напротив, единственной заботой гражданского главнокомандующего явится создание военного оборудования и материала, непрерывное усовершенствование которых съэкономит

человеческие жизни, ибо гражданская промышленность всегда учитывает себестоимость, которой никогда не интересуется промышленность военная. Зная заранее, к какой работе они будут призваны, для какой специальной задачи использованы, наши техники не будут ждать мобилизации, чтобы начать готовиться к этой работе. Помимо их воли, их повседневная работа будет согласована с их обязанностями во время войны, и в конечном счете вся нация не возложит своих упований на консулов, а сама будет постоянно на-чеку.

■

На-ряду с теми, кто старается забыть о непрерывном фронте, существуют, сказал я, и военные, стремящиеся согласовать его со своими принципами.

Официальные историки сейчас утверждают, что создание непрерывного фронта дало Франции, захваченной врасплох немецким нашествием, возможность организоваться для предстоящей длительной войны. За линией этих укреплений мы могли, дескать, снова пустить в ход наши заводы, изготовлять ружья, пушки, снаряды, словом, все то, в чем мы испытывали острую нужду. Действительно, через два месяца по объявлении войны запасы были исчерпаны, и битва должна была бы прекратиться, по крайней мере, с нашей стороны. Отсюда только один шаг до мысли, что непрерывный фронт был благодеянием и что верховное командование этим гениальным способом сумело покрыть все наши изъяны. Мы еще слишком близки к событиям, чтобы такие утверждения делались открыто, ибо все французы еще слишком хорошо помнят те чувства гнева и унижения, которые охватывали их, когда все мужество наших солдат разбивалось о траншеи и заграждения из колючей проволоки. Но дайте пройти годам, пусть умрут те, кто сам видел и перестрадал все это, и вы увидите, что в официальных писаниях начнут выставлять создание непрерывного

фронта в качестве нового орудия борьбы, как плод творчества военного гения.

Я не буду удивлен, если вместо того, чтобы рассматривать непрерывный фронт, как печальный результат ошибочного германского расчета, как доказательство неумения вождей продолжать маневрирование, его будут считать новой формой военного искусства, чреватой богатыми возможностями. Когда в 1919 г. Советская армия, руководимая прежними генералами, цветом академии Генерального Штаба, устремилась всей своей массой на поляков, она поддалась сейчас же назад, чтобы прикрыть всю захваченную территорию. На этот раз такая дислокация не диктовалась силой вещей, а являлась результатом обдуманного намерения военачальника, который применил уроки великой войны.

Было бы, однако, слишком смело рассматривать как прогресс то, что является очевидным результатом бессилия. Всем ясно, в конце концов, что непрерывный фронт, это — положение очень безопасное для командования. Стратегическая дислокация, которая должна с самого начала предопределить формы будущей войны, предоставляет собой для него страшное испытание. В случае неудачи командование рискует одним ударом скомпрометировать все свои шансы на успех. Но очевидно, что все более строгая иерархизация армии, уничтожающая возможность молниеносных карьер и ограничивающая выбор верховного главнокомандующего узким кругом офицеров, достигших высоких степеней к началу войны, отнюдь не может привить тем, кто пользуется плодами этой системы, охоты рисковать своим положением. Непрерывный фронт, с этой точки зрения, дает все гарантии безопасности командованию и Генеральному Штабу. Прежде всего всякая война неизбежно становится длительной. Если не говорить об очевидном недостатке снабжения или живой силы у одной из воюющих сторон, то не приходится бояться никакого внезапного решения войны. Далее,

отпадает необходимость найти в кратчайший срок идею решительного маневра. Нет больше флангов, и нет, стало быть, обходов, которых нужно было бы бояться. Прочная линия людей, солидные укрепления, и можно с полной верой смотреть в будущее.

Как подумаешь, то в течение этих четырех лет окопной войны, которые мы все пережили, совсем не видно было, чтобы верховные командования обеих сторон стремились уничтожить этот барьер, растянувшийся на четыреста километров. Они не пытались сыграть ва-банк, чтобы выйти из этого положения. Повидимому, они приспособились к этому непрерывному фронту. Можно еще понять, почему Франция, прижатая к своей столице, не имеющая за спиной территории для отступления, не решалась поставить на карту свою судьбу. Но то, что немецкие генералы, далекие от своих границ, находящиеся в сердце вражеской страны и считающие себя самыми образованными и искусными полководцами в мире, не нашли в себе достаточно веры, чтобы дать противнику случай покончить с этим положением так, как должны кончать стратеги, достойные этого имени, — это дает нам полное представление об их подлинной военной ценности. Жалкий игрок в конечном счете — Людендорф и его предшественники, которые в течение четырех лет ограничивались защитой на главном фронте и тратили свой гений лишь на борьбу с слабыми противниками.

*

Подчинившись той необходимости, которую навязал им случайный оборот дела в фланговых маневрах, верховные командования обеих сторон стремились приспособиться к этому положению с возможно меньшим риском для себя. Основой их поисков явилась вульгарная метафора, и все усилия их были направлены к тому, чтобы добиться прорыва в фронте противника. Эту жалкую иллюзию могли, конечно, питать завсегдатаи Café de Commerce

(Коммерческое кафэ), привыкшие изображать маневры армий при помощи блюдец или костей домино. Но странно, как могли поддаться влиянию этой метафоры люди, которые специализировались в военном искусстве и которые сызмальства изучали знаменитые кампании. Прорыв! Под этим разумеют частичное разрушение укрепленной линии противника, зияющую брешь, куда устремляются пехота, артиллерия, кавалерия. Позади находится свободная территория, равнина без траншей, без ловушек, без орудий, на которую можно попасть одним великолепным ударом. Далее войска разворачиваются направо и налево, и вот враг застигнут вплотную, прижат к своим норам, захвачен с тылу, ему остается только просить пощады или удирать со всех ног. Какая сладкая мечта! Все генералы лелеяли ее, но я думаю, что немцы не делали это с такой наивностью, как мы, вероятно, из-за недостатка воображения. Во всяком случае, осведомившись из наших газет, они приняли всерьез наш план освобождения и усилили свои меры предосторожности, чтобы помешать ему. Немец составил себе такое дьявольское представление о французе, что он может поверить самой абсурдной вещи, если только предполагает, что мы намерены осуществить ее.

Немецкие генералы со всей энергией стремились избежать решительной битвы в открытом поле, несомненно, именно потому, что они боялись неблагоприятного для них исхода. Нужно отдать справедливость нашим генералам, они делали похвальные усилия, чтобы получить возможность дать такую битву. Долгое время среди широкой публики разносились магические слова: „Мы попробуем прорвать фронт“. Каждую весну в стране царило подлинное нетерпение. Как некогда греки у Ксенофонта, дойдя до морского берега, в восторге восклицали: „Thalassa!“ („Море!“), так наши солдаты в Артуа, опьяненные победой, дойдя до какой-нибудь свободной равнины, издавали крик: „Мы прорвали фронт!“ Генерал

Кастельно 25 сентября телефонировал в главную квартиру дрожащим голосом: „С божьей помощью, прорыв фронта осуществлен". Как магически влияют слова на воображение француза!

Чтобы воплотить этот чудесный образ, нереальность которого становилась все более ясной при каждой новой попытке, была разработана целая тактика. Нужно поразмыслить над этим ужасным временем, чтобы понять, каким иллюзиям могут поддаваться даже выдающиеся личности, когда они идут по ложному следу.

Сначала казалось, что для прорыва укрепленной линии достаточно мужества солдат. Это заблуждение было очень упорным и стоило нам целых гор трупов. Легко, впрочем, представить себе ход мыслей, который приводил к такому выводу. Ведь не все пули убивают; какова бы ни была сила огня, часть людей сумеет все же пробраться через опасную зону, а если тысячи солдат при этом и погибнут, то это есть лишь необходимая жертва для общего блага. Увы, современная военная техника обнаружила ложность этого рассуждения.

Неужели же начала войны было не достаточно, чтобы выявить всю силу современного огня? Одни только гекатомбы битвы на границе должны были бы заставить нас понять все безумие наступления, которое ведется под огнем пулеметов и орудий. Но сначала замечали только второстепенные препятствия, главным врагом считали железную проволоку. Немногочисленные участники, пережившие эту эпоху, вспоминают те детские приборы, которые изобретались каждый день, чтобы освободить фронт от этой адской сети. В конечном счете, только ножницы, управляемые одним солдатом, лежащим на земле, дали ощутительные результаты, но и то какой ценой! Каждый метр железной проволоки стоил нам взвода. Ах! если бы этой кровавой памяти 1915 г. всегда стоял перед глазами наших военачальников! Нельзя жаловаться на недостаточное мужество солдат. Торопясь выйти из земляной тюрьмы, где они задыха-

лись, эти храбрецы устремлялись на смерть с исключительным бесстрашием и всегда с очень посредственными результатами. Один пулемет, спокойно стреляющий под прикрытием своего бетонного купола, сводил на-нет всю храбрость наших героев. По обе стороны фронта командованием овладело убийственное безумие. Для завоевания какого-нибудь пригорка, вроде Эпарж (Eparges), в жертву приносились 20.000 человек. А что изменялось в результате этого в положении воюющих сторон? Ничего. В Аргоннах была испробована минная война. Правилом стало избегать выпуклостей в линии фронта, равно как захватывать все господствующие возвышенности. Доблесть и наивность! Под этим именем войдет в историю ужасная война этого периода. Я понимаю, почему генерал Манжен решительно опустил его в своей книге, почему официальные историки, эти бесстрашные льстецы, постыдились говорить об этом мартирологе солдат, который навсегда останется укором для верховных командований. Однако, другая метафора — слова часто убивают вернее пуль — позволила поддерживать в течение года эту бесполезную и дикую бойню: „Мы задушим их!“ Вы помните эти мрачные слова, которые приводили в восторг хроникеров и бесстрашных обывателей тыла. Запомните их, они являются пророческими и получат свое полное значение впоследствии, ибо не нужно думать, что их позабудут. Верховное командование, перед которым стоит такой блестящий образ, никогда не отказывается от него категорически. Знаменитая теория истощения сил, которая сейчас пользуется большим почетом в официальной тактике, вытекает из них, мощная река вытекает из робкого ручейка. Но не будем забегать вперед.

*

Сколько еще времени продолжалась бы эта жестокая игра взаимного удушения, если бы обще-

ственное мнение не заставило, наконец, командование искать иных, менее дорогих способов. Инициатива перехода к кампании военной техники принадлежит стране, а не военным, — это вещь очевидная. Понадобились бесчисленные статьи в газетах, протесты в парламенте, весь нажим общественного мнения, чтобы победить профессиональный предрассудок. Мильеран потерял свою репутацию великого министра из-за того, что он больше прислушивался к голосу своих сотрудников, чем к голосу рассудка.

Могут спросить: „К чему возобновлять эти печальные воспоминания? Вы делаете дурное дело, вы сеете рознь и недоверие. Ведь командование заблуждалось добросовестно“. По правде говоря, я больше всего боюсь именно добросовестных заблуждений. А когда все заблуждения являются следствием одной определенной причины, то с этой причиной сугубо нужно бороться. В данном случае прямой, неизменной и постоянной причиной подобных ошибок был специфически военный строй мыслей. Французская армия считала своим долгом чести пропагандировать культ „порыва“, за которым нельзя, конечно, отрицать великодушия и презрения к опасности. Мы обладаем великолепной традицией героизма, которую поэты свято оберегают. Но не кажется ли вам, что эта традиция слишком прекрасна, чтобы держаться так долго? Когда этот кодекс чести приводит офицерские кадры Генерального Штаба к отрицанию полезности материальной части, когда он вызывает упорное нежелание экономить человеческие жизни и порождает в конечном счете соревнование в абсурдах, то его нужно разрушить, как нечто вредное. Сколько бы мы ни говорили об этом периоде, этого будет мало, ибо, набрасываа на него вуаль священного единения нации, мы в конце концов забываем об его истинном значении. Не говорите, что это были опыты. Ложь! Последний прапорщик в ту пору мог бы сказать вам, что́ он думает о приказах наступать, которые он

получал, и которые он выполнял так, как идут на самоубийство. И среди нашего старшего офицерского состава я знаю многих, кто предпочел скорее отправиться в Лимож в отставку, чем одобрить такое частичное наступление, очевидно, бесполезное. Не пора ли воздать должное этим людям долга и совести, незаслуженно причисленным к сонму бездарностей?

Верховное командование энергично доказывает, что оно никогда не было противником кампании пушек и снарядов. Оно показывает свои программы, запросы, отношения. Во всяком случае, оно запоздало против общественного мнения. Я лично предпочитаю довериться логике чувств, психологическим указаниям, чем оправдательным документам. Так же легко было бы доказать, что верховное командование никогда не противилось Салоникской экспедиции. Ибо вопрос об удушении противника и непрерывном фронте тесно связан с этим вопросом. Действительно, некоторым, — в том числе генералу Кастельно, одному из первых, — пришла мысль, что раз западный фронт является непоколебимым, то нужно перенести на другие фронты европейского военного театра маневры, которые здесь больше неосуществимы. Никогда народы не противились тому, чтобы сотрудничество союзных армий было возможно более тесным; этому противились только Генеральные Штабы разных наций. Когда стало очевидным, что с Австрией можно покончить, сконцентрировав против нее максимум сил, гордость генерала Кадорна [20] заставила его отклонить франко-британские предложения. Относительно восточного фронта это была просто гордость нашего верховного командования, опиравшегося на доктрину. Существовал главный фронт, нельзя сделать второстепенный фронт главным: такова догма, управлявшая им. К ней добавление: так как главным врагом является Германия, то именно ее следует прежде и раньше всего разбить. Вот почему, попав в парадоксальное положение одновременно осаждающей и осажденной сто-

роны, командование без толку тратило свои силы в попытках найти исход из этого положения. Наш спаситель в первые месяцы, непрерывный фронт, как туника Нессея, прожег до костей тело страны.

*

Можем ли мы допустить, чтобы подобные явления повторялись? Можем ли мы решиться с легким сердцем на то, чтобы в подобном положении наши войска снова в течение четырех лет пытались пробиться сквозь стену из железа и огня, тогда как за это время можно было форсировать восточные порты? Ведь, по правде, есть вопиющая несправедливость в том, что людям, упорствовавшим в таких ошибках, присваивается слава, и вряд ли достойны занять место рядом с Наполеоном в Пантеоне славы те, кто не дал доказательств ни стратегического дарования, ни широких точек зрения, ни дальновидности. Либо слава есть миф, пустое слово, либо нужно признать, что величайшую в истории войну вели люди посредственные. Чтобы проявить гениальность, недостаточно находиться в подходящий момент наверху иерархической лестницы, движение по которой в мирное время требует только ловкости. А, между тем, именно иерархия мирного времени предопределила судьбы служебного продвижения во время войны. Найдете ли вы в этой войне следы гениальности, изменяющей сразу лик войны, следы чудесной интуиции, заставляющей судьбу иначе направить свой бег? Нет, абсолютно господствовала тирания событий, война довела свои опустошения до крайних пределов, и никто не сумел овладеть ею, ввести ее в русло, схватить ее в благоприятный момент и прикончить. Победило число, масса, и никогда еще в истории мира не играл такой незначительной роли индивидуальный гений полководца. В битву были вовлечены целые народы, и гений этих народов неизбежно привел к развязке, заложенной с самого начала в постановке проблемы.

Человек подчинялся, а не командовал. Лучшие из начальников, пользуясь второстепенными данными: здравым смыслом, рассудительностью, моральной бодростью, сумели внести немного порядка, равновесия и экономии в этот гигантский хаос, угрожавший затопить все. В остальном главную роль сыграли коллективы, более или менее анонимные массы. Даже доктрина атаки на широком фронте, принесшая нам победу, не есть блестящее открыгие одного человека; она является плодом долгих усилий, нащупывания, проб, результатом коллективной работы. Я понимаю теперь, что гений не может обойтись без этого сотрудничества, но в деяниях Цезаря или Наполеона мы находим, по крайней мере, знак их мощной личности. Доставленным им извне материалам они придавали форму, без которой эти материалы оставались бы безжизненной грудой элементов.

Если мы станем на исключительно военную точку зрения, то скажите, какими ценными вкладами обогатилось искусство Конде и Тюренна? Уже не тем ли, что потребовалось по орудию на погонный метр фронта и нужно было, чтобы это орудие стреляло с адской скоростью? Или тем, что непрерывный фронт заменил боевое построение армии и уничтожил все тонкости маневров? Не переброска ли войск с места на место при помощи железных дорог и автомобилей или принцип истощения сил противника до перехода к решительному наступлению довели до апогея военное искусство? Все это жалкие открытия, с трудом вырванные из общей сумятицы; впоследствии они покажутся столь же недостойными человеческого ума, как и достижения кубистского искусства? Нет, нет, наука дала бойцам в руки дьяволское оружие и этим только усилила бойню.

Машинизация, которую можно было считать состоящей на службе у военного искусства, в эту войну убила его.

Лишь значительно позже мы перешли к попытке осуществить нагромождением материальных средств то, чего, к сожалению, не могла сделать храбрость и „порыв“ солдат. Помните ли вы этот период, продолжавшийся до конца? Хотя немцы начали раньше нас, мы быстро догнали и превзошли их. Здесь развернул свои обширные возможности весь гражданский гений союзников. Даже во Франции, склонной к промышленной рутине, нашлись люди с могучим организаторским талантом, из ничего создавшие заводы. Число орудий, потребных для того, чтобы разрушить укрепления и сломить сопротивление противника, росло с каждым днем. Разум теряет здесь всякие опорные точки, мы погружаемся в торжествующий абсурд: 1.000 выстрелов из 75-*мм* (приблизительно, 3-дюймовых. *Пер.*) орудий, чтобы пробить брешь в 25 метров в проволочных заграждениях, 800 выстрелов из длинных 155-*мм* орудий (6-дюймовых. *Пер.*), чтобы разрушить батарею противника на расстоянии 8 километров. Вот к чему мы пришли. Доведенная до крайних пределов совершенства баллистика дает эти жалкие результаты, которыми приходится, однако, довольствоваться.

На первый взгляд может показаться, что со времени первых пушек, вызвавших при Кресси панику среди королевской жандармерии, в искусстве убивать совершен большой прогресс. На деле, однако, этот прогресс, во всяком случае, меньше, чем принято думать. Более или менее длинная пушка, более или менее скорострельная, более или менее смертоносная не может, по существу, изменить своей роли и своей функции. Это та же праща Давида, но только бесконечно усовершенствованная. Но, может быть, какие-нибудь Z-лучи или Y-лучи, подчиняющиеся воле оператора, дали бы тот же результат, что и сотни орудий. Никто не сумел заставить служить стране силу молнии или какую-нибудь иную

еще скрытую силу природу. И в этой области не явилось ни одной новой идеи. Даже ядовитые газы, наследие античных войн, являются только научным преемником кипящего масла и горящей пакли, которыми пользовались прежде; я забыл гордость немцев — огнеметы, прибавившие к ужасу войны черты гротеска.

*

Интенсивное использование технических средств сделало еще более иллюзорной надежду на прорыв. Несмотря на то, что дождь снарядов, сыпавшийся на неприятельские траншеи со стремительностью тропического ливня, разрушал укрепления и дезорганизовывал защиту, он только затруднял нашу задачу. По этой исковерканной, изрытой снарядами земле войска движутся вперед так медленно, что противник всегда успевает снова укрепиться. Увязшая артиллерия не поспевает за бойцами пехоты, и даже кавалерия, которую необходимо на время артиллерийской дуэли укрыть где-нибудь в защищенном месте, далеко за линией огня, не поспевает достаточно рано, чтобы использовать смятение противника. Людендорф, первый сумел остроумными тактическими приемами свести к минимуму все затруднения и широко использовать каждый свой успех, но и он, в конечном счете, мог только образовывать обширные пустоты во французской линии, не будучи в состоянии сломить ее. Почему, выведя сразу всю свою армию из укрепленной зоны, он не сумел дать знаменитую битву в открытом поле, осуществить эту трехлетнюю мечту всех стратегов? Какое заклятие постоянно удерживало его солдат друг подле друга, локоть к локтю, так что после шести дней ускоренного продвижения они попрежнему образовывали сплошную линию, наталкивавшуюся на другую линию грудей? А с нашей стороны, тем временем, по мере того как вводились в бой резервы, солдаты, поспешно соскакивая с грузовиков, закрепляли узлы оборонительной сети.

Сначала тонкая и хрупкая, местами прорванная противником или зияющая пустотой из-за недостатка сил, линия эта становилась с каждым часом все более солидной, более стойкой, более крепкой, укреплялась орудиями, которые мало-по-малу возобновляли прорванную стальную стену. Едва оставив непрерывный фронт, командования обеих сторон, казалось, стремились снова вернуться к нему, боясь лишиться барьера и попасть в страшную неизвестность. Сколько беспокойства, если запоздание резервов оставит открытую брешь в движущейся линии! 27 мая неожиданность была настолько полной, резервы так далеки, что распыленные части, по крайней мере в центре, не могли уже сомкнуться перед противником. Дивизии, попарно прибывавшие к месту сражения, захваченные наступающей волной, не могли представить оборонительных узлов; они быстро сметались противником, и им оставалось только погибнуть или отступить. Таким образом, сравнительно легко форсированным темпом противник дошел до Марны и, достигнув этого крайнего предела своего продвижения, должен был сам собой остановиться.

Людендорф пытался, конечно, всякий раз расширить брешь вправо и влево и обрушиться на еще нетронутые французские линии. Но маневр охвата наших траншей с тыла оказывался постоянно невыполнимым, по крайней мере, он никогда не приводил к дезорганизации всей системы обороны. Прорыв всегда оставался только иллюзией. Напрасно укреплялась надежда, будто можно вне укрепленной зоны снова завязать решительную общую битву.

Высшие командования не умели или не хотели снова вернуться к разорванному фронту, дающему возможность маневрировать на флангах или в центре, а ведь к этому сводилась вся задача! Потому ли, что они боялись рисковать слишком многим, отказавшись от укреплений, или потому, что они были не в состоянии осуществить иной план, но они были вынуждены ограничиваться лобовой атакой, самой

смертоносной из всех существующих. Непрерывный фронт, возникший из случайного стечения обстоятельств, держал их в плену до конца.

Говорят, что современные армии, с их сложнейшей организацией снабжения припасами и огнематериалами, не могут значительно удаляться от своих баз и складов. Я лично не разделяю этого мнения, которое было опровергнуто в первые месяцы войны, когда немецкая оккупационная армия сумела в несколько дней дойти почти до Марны, отнюдь не потеряв своей боеспособности.

Действительно, введение в дело огромных дальнобойных орудий и неслыханное нагромождение артиллерии, вообще говоря, явились только результатом той осадной войны, которая началась с октября месяца 1914 года. Но разве современная армия не в состоянии вести кампанию, не таща за собой подобных мастодонтов? По правде говоря, никакое военное искусство немыслимо без известного минимума условностей, которые должны быть приняты обеими сторонами. Но как только война перестает быть игрой профессионалов, т.-е. с того момента, как она становится войной обще-национальной, эти условности больше не соблюдаются, и военного искусства больше не существует. Наполеон потерял в Испании те преимущества, которые давало ему его гениальное умение маневрировать; за редкими исключениями, он вообще не мог применять своего гения, так как противник не давал ему подходящего случая. Война гверильясов (испанских партизан. *Перев.*) во многом походит на наши четыре года окопной войны. Равным образом, и англо-бурская война потеряла свой условный облик, ибо когда речь идет о необходимости защищать каждую пядь родной земли, то уже не соблюдаются никакие правила. Некогда всякая армия, окруженная или находящаяся под угрозой окружения, торопливо обращалась в отступление. В эту же войну можно было видеть, как наши солдаты месяцами удержи-

вались на выдвинутых вперед позициях, обстреливаемых с тыла сосредоточенным огнем противника; другие части уцеплялись на участках земли, над которыми со всех сторон противник занимал командные высоты. Чтобы прогнать немцев из Шмен-де-Дам, где они укрепились, нужно было мощное наступление, между тем как прежде немецкое командование не могло бы и помыслить о том, чтобы оставаться там, не заслужив презрения всех стратегов. Чем дальше, тем в большей мере приобретает война этот национальный характер.

Здесь возникают два вопроса: не является ли все военное искусство, перешедшее к нам от ряда великих полководцев, лишь пустым пережитком прошлого, не подходящим к условиям национальной войны? Или же наши вожди просто не сумели вовлечь национальную войну в область военного искусства? Оба вопроса представляются мне совершенно правомерными. Совершенно очевидно, что современная война не нашла соответствующей формы, которая сделала бы ее менее смертоносной и менее длительной. Если стать на точку зрения исключительно стратега, для которого война заключается в активности игры, то непрерывный фронт представляется абсурдом. Он может найти свое оправдание только с чисто оборонительной точки зрения, когда народ борется за свое существование. Но и в этом случае, это — ребячество выставлять солдат локоть к локтю на протяжении сотен километров, чтобы заградить дорогу противнику, ибо при этом силой вещей обширные участки фронта обрекаются на бездействие. Абсурдно драться без передышки, день и ночь, не имея в виду найти развязку войны. Несомненно, мы присутствуем при зарождении нового военного искусства, при его начале. В глазах наших потомков великая европейская война представится, несомненно, бесформенной глыбой, первым грубым опытом индустриализованной войны, которую навязал народам прогресс науки и техники. Нужно,

чтобы какой-нибудь великий полководец, действительно достойный этого имени, заложил основание индустриальному военному искусству нашей эпохи. Во всех областях человеческой деятельности мы пережили эпоху более или менее быстрых изменений. Военное искусство, находящееся в самом зачаточном состоянии, наименее интеллектуальное, эволюционирует медленнее всего.

Луи Маделен в дерзкой метафоре сравнивал битву на Марне с классической трагедией; он усмотрел сходство в видимой уравновешенности плана, в гармоническом соответствии между отдельными фазами, в строгом соответствии между завязкой и развязкой.

В действительности же это была неоклассическая трагедия, последний шедевр, вдохновенный великими мастерами, высший проблеск французской военной культуры, освещающий грядущее варварство. Между битвой на Марне и кампанией во Франции лежит целый мир вещей, которые больше не существуют.

Эта кампания во Франции есть первый, еще очень несовершенный плод зарождающегося индустриального военного искусства, нечто в роде Роландовой песни нашей эры, перенесенной в область деяний.

*

С того дня, как выяснилось, что кампания окончательно разыграется на французской территории, нет больше возможности различить план нашего высшего командования. Ибо нельзя, конечно, считать планом это упорное стремление осуществить прорыв; оно является просто кошмаром осажденного, мечтой узника, весьма смутно представляющего себе, что собственно станет он делать за стенами своей тюрьмы. Даже позже, когда наши методы несколько улучшились и иллюзия прорыва видоизменилась, можно ли было считать планом то, что нашим лобовым атакам была поставлена конкретная

задача — разрушение той или иной коммуникационной линии противника? Фактически дело сводилось к ожесточенной борьбе лицом к лицу, в надежде на то, что противник, ослабленный своими потерями, потеряет мужество. Простая и неприкрашенная бойня заменила собой идею маневра. Все надежды возлагались на истощение сил противника; этот решительный аргумент мы встречаем во всем пропагандистском материале.

В своей „Хронике войны" („La chronique de la Guerre") Морис Баррес, описывая под очевидным влиянием главной квартиры события декабря месяца 1914 года и желая внушить терпение общественному мнению, помещает такие многозначительные слова: „... Повидимому, многие ждут битвы в духе Наполеона. Распространяйте вокруг себя убеждение в бесплодности такого рода надежд... Нечего рассчитывать на новые Маренго и Аустерлицы, приходится рассчитывать на отдельные полезные продвижения, на захват той или иной позиции, укрепляющей наши оборонительные линии и ослабляющей части противника, а дальше рассчитывайте на истощение Германии, на истощение ее военных средств, равно как и на истощение ее армий".

Истощение Германии! — вот на чем базируется командование. Именно в эту пору и была создана формула: „Время работает для нас". Превосходство Антанты в отношении всякого рода ресурсов было настолько очевидно, что конечный успех можно было считать предрешенным. А подсчет потерь, производившийся вторыми отделениями Штабов, показывает, что все усилия прилагались к тому, чтобы подвести под это убеждение солидную базу, даже ценой некоторых ошибок. Истощение противника, — таков был единственный исход, намечавшийся Главным Штабом для этой нескончаемой войны.

Очевидно, патриотизм, действительно, есть очень высокое чувство, заставляющее человека забыть о своей природе, раз Франция могла найти успо-

коение в подобном, по крайней мере, двусмысленном рассуждении. Естественно было бы каждому подумать о том, что, истощая силы противника, мы не можем избегнуть и собственного истощения. Как, однако, самодовольны народы!

Ведь эта концепция в корне разрушает все военное искусство и приводит к его полному отрицанию. Стратег противополагает грубой силе свое искусство маневрирования,—именно от него ждет он спасения: mens agitat molem (дух движет горами). Наполеон именно при помощи своего искусства уравновешивал реальное превосходство массы русской армии; точно так же и Мильтиад с горстью греков умудрился с помощью своих хитрых диспозиций одерживать победы над бесчисленной армией персов. Наоборот, для военного положиться на время на свое превосходство в материальных ресурсах, на голод и недостаток людей у противника—значит отказаться от своего искусства.[21]

Таким образом, достаточно сплошной цепи траншей, ощетинившихся пулеметами и орудиями, чтобы было сведено к нулю все искусство стратегов. Настоящими господами в современной войне являются инженер, химик, промышленник. Есть ли еще при этом смысл в существовании стратегов, потомков Конде, Фридриха и Наполеона?

Нужно ли приводить еще доказательства этому? Когда я говорю, что в течение этих четырех лет Генеральный Штаб не пытался построить свой план, я упускаю из виду грандиозную и злосчастную попытку генерала Нивелля, которая была все же некоторым проблеском одухотворенности. Военный разум пытался снова овладеть положением, возвыситься над материальными препятствиями, подняться до идеи маневра. Целью плана 16 апреля было — высвободить войска из недостойной тины непрерывного фронта и попытаться снова дать решительную битву. Война должна была снова обрести свой блеск военной игры. План этот потерпел жестокое

крушение из-за того, что генерал Нивелль не сумел обеспечить себе переход через укрепленную зону. Почему не удалась эта первая и необходимая предварительная операция? Помимо отдельных ошибок в подготовке, которые можно поставить в вину командованию, существует одна главная причина, из которой вытекает все остальное. Эта причина очень проста: Людендорф дезорганизовал долго подготовлявшееся наступление, отступив на фронте Соммы на 40 километров. Этим он поставил нас перед обширнейшим хаотически исковерканным участком, на котором мы не могли найти никаких точек опоры, и лицом к лицу с узким фронтом Шмен-де-Дам, укрепленным так мощно, что мы не могли при наших технических средствах прорвать его. Таким образом, в современной войне, оказывается, достаточно отступить на несколько километров, чтобы свести на-нет весь план противника. Битва в открытом поле становится теперь возможной лишь в том случае, если оба противника хотят ее. Если же одна сторона не захочет подвергаться риску и окопается в земле, то переход к маневренной войне возможен лишь на очень короткий срок.

*

Нравится нам это, или не нравится, но современная война, повидимому, дает огромные преимущества обороняющейся стороне. Тем самым современная война сводит к нулю роль военного гения, являющегося, по существу, наступательным, ибо его задача заключается в том, чтобы опередить противника, захватить его врасплох, принудить его к тем или иным передвижениям, т.-е. навязать ему свою волю. Но не так-то легко навязать свою волю противнику, который зарылся в землю и снабжен усовершенствованными орудиями войны.

Вот почему во мне вызвала беспокойство победа в палате точки зрения Генерального Штаба по вопросу о военном законе; на эту точку зрения стала несколько опрометчиво и военная комиссия

палаты. Идея прикрывающей армии, „которую мы перебросим на Рейн в первый тревожный день, чтобы перенести войну на территорию противника и дезорганизовать его подготовку", — так выражается докладчик этой комиссии, — кажется мне заимствованной из романа. Я отнюдь не отрицаю необходимости прикрывающей армии, но только намеченный план ее использования кажется мне опасным.

Прежде всего, очень вероятно, что к тому моменту, когда Германия решит, что приспело время для возобновления войны, мы очистим уже, в силу договора, левый берег Рейна, который должен быть в принципе нейтральной территорией. Наши войска вернутся уже в пределы своей страны. Если начнется полоса дипломатических трений, достаточно острых, чтобы создать угрозу войны, если Германия нарушит условия разоружения, посмеет ли наше верховное командование, не ожидая дальнейшего хода событий, перенести нашу оборону на Рейн, который является нашей наиболее уязвимой границей? Конечно, нет. Мы сыграли бы в этом случае роль нападающей стороны, мы рисковали бы сделать бесплодными наши договоры с союзниками и навлекли бы на себя проклятия Лиги Наций. Никакое демократическое правительство не решится на подобный дерзкий поступок, напоминающий поступок Германии в 1914 году, о котором ей тоже пришлось больше жалеть, нежели гордиться им. Итак? Мы будем ждать, пока Германия не возьмет в свои руки инициативу, пока она не перейдет Рейна и не займет Рейнской области. А она сделает это до объявления войны, и этот именно захват и составит casus belli (повод к войне). Мне кажется очень трудным избежать этой возможности. Как бы быстро ни действовало наше командование, оно вряд ли сумеет помешать этому захвату. Нужно ли, однако, полагать, что немедленно вслед за этим противник нападет на нас, как в 1914 году? Нет, Германия, прежде всего, позаботится о сооружении чудовищ-

ной линии укреплений, которая могла бы задержать нас и дала бы ей возможность закончить свою мобилизацию. Мы сразу же попадем в окопную войну, которая разворачивается очень медленно. [22]

Во всяком случае ясно, что силой вещей наши войска будут вынуждены под страхом окружения принять с самого начала тактику непрерывного фронта; линия германских укреплений будет с каждым днем удлиняться до голландской границы на севере и швейцарской на юге, и наша прикрывающая армия будет принуждена следовать за этим движением. Возможно, что Рейнские заводы будут находиться под обстрелом наших орудий, но разве, несмотря на все наши усилия, Германия не создаст на востоке настоящих баз своего вооружения?

Нам остается возможность форсировать Рейн с первых же часов войны где-нибудь между Страсбургом и Неф-Бризашем (Neuf-Brisach) и начать операции в южной Германии. Но и там, как по волшебству, возникнут укрепленные траншеи; с терпением крота Германия заблаговременно изучит и подготовит их, тем более, что условия местности там очень благоприятны для этой цели. При этом нельзя упускать из виду, что мы не можем рассчитывать бросить сюда все наши силы, оставив без прикрытия гораздо более важный для нас фронт на Рейне.

Таким образом, представляется напрасным приносить все остальное в жертву прикрывающей армии, в иллюзорной надежде, что она сразу же проникнет в Германию и в несколько дней разгромит армию противника, которую мы считаем по численности уступающей нашей армии. Представляете ли вы себе, какие последствия вытекают из такого чисто наступательного плана для Генерального Штаба? Я напомню вам о них. Прежде всего, это — вера в краткосрочность войны. Кроме прикрывающей армии, для которой никакие кредиты не кажутся чрезмерными, ничто другое не принимается в расчет. Большая часть резервов остается в пренебрежении,

их плохо подготовляют, едва вооружают и организуют Далее, так как маневренная армия не может быть перегружена избытком материальной части, то целый ряд изобретений, которые считаются второстепенными, бесконечно откладывается и никогда не реализуется. С другой стороны, воспитание войск стремится привить им дух наступления, что́ равносильно духу опрометчивости. Само командование под гипнозом своего плана атаки приносит все в жертву этой необходимости, что́ несовместимо с защитой страны. Как мы видели в 1914 году, этот путь прямо ведет к авантюрам.

Так как почти несомненно, что в начале войны Германия не будет обладать тем материальным превосходством, которое только и дает возможность наступать, то она ограничится защитой; [23] но мощь организованной обороны, это — вещь, которую теперь уже нет нужды доказывать. В этих условиях мы не можем рассчитывать на быстрое окончание войны. К участию в борьбе придется привлечь всю нацию, со всеми ее ресурсами, ибо будущая война будет общенациональной не в меньшей мере, чем пережитая.

Разумнее поэтому оставить эту мечту о предупредительном наступлении и теперь же приступить к общей организации страны, одним из узлов которой только и может быть прикрывающая армия. Ибо, само собой разумеется, в будущем гражданский элемент, живая сила нации, не будет полностью подавлен военными, которых их специальные задачи лишают возможности управлять единовластно современной индустриальной войной. Проект военной комиссии, создавая могущественную прикрывающую армию, способную держаться своими силами некоторое время и дающую нам видимость безопасности, может быть причиной опоздания в привлечении к сотрудничеству гражданского элемента. Когда война уже разразится, слишком поздно будет думать об организации, соответствующей всей полноте задачи; очевидно, произойдет поглощение

гражданских сил страны военщиной. Я не буду, впрочем, удивлен, если в виде реакции против этих четырех мрачных лет наш Генеральный Штаб попытается вернуться к маневренной войне. Действительно, неужели же он не чувствует, что военное искусство находится в опасности, если он будет придерживаться опыта последней войны, что техника делает излишней стратегию, что трудно выйти из состояния обороны, раз попав в него? Но, скажете вы, как можно отрицать опыт войны?

Дело именно в том, что в силу недоразумения кампания во Франции убедила Генеральный Штаб в том, что принципы наступления, провозглашенные им в 1914 году, остаются незыблемыми. Нам много раз приходилось встречать у очень авторитетных военных писателей мысль, что только авантюра 16 апреля заключала в себе правильную идею. Доказательство этому видят в кампании Фоша, уподобляя наше продвижение вперед в 1914 году продвижению Фоша.

Луи Маделен, которого приходится цитировать всегда, когда хочешь знать мысли Генерального Штаба, поместил в главе о начале войны, такую фразу, дающую пищу для размышлений: „К чести наших штабов, нужно сказать, что все наши планы были вдохновлены доктриной наступления, которая одна только и соответствует нашему национальному гению. Только наступая, мы отразим наступление. Даже после тяжелого опыта, который пришлось пережить, можно еще защищать эту доктрину, если не ее применение. Фош никогда — ни раньше ни позже — не признавал никакой иной доктрины". [24]

Это положение слишком важно, чтобы доверчивая и мало сведущая в военных делах публика могла читать его, не находя нигде возражений. Только в силу недоразумения можно уподобить французскую кампанию той авантюре, которую вел в 1914 году Генеральный Штаб, проникнутый идеями Бергсона. Изучение этой кампании даст нам возможность показать это.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЧЕТЫРЕ ГОДА, ИЛИ ЖИЗНЬ ИГРОКА

I

Настоящий военный: Людендорф

Иногда кажется, что судьба, потратившая в эту войну столько усилий, чтобы доказать тщетность военного гения, специально для этой цели создала в качестве образца личность Людендорфа.

К этой личности нужно приглядеться с напряженным вниманием, если мы хотим действительно постичь все расстояние, отделяющее легенду от действительности. В нем мы встречаем наиболее совершенное воплощение типа военного и, притом, военного прусского, т.-е. наиболее законченный тип военного; как сказал о самом себе коротко и сильно Людендорф, он — „настоящий военный".

В том, что судьба выдвинула фигуру Людендорфа во время последней великой войны, можно усмотреть ее стремление доказать, что „настоящий военный" оказывается все менее и менее в состоянии понять условия современной национальной войны и руководить ею. Я верю, за отсутствием доказательств противного, в прогресс человеческого духа; я верю в то, что именно в момент, когда, казалось бы, торжествует зло, мы ближе всего к добру. Эта война, отметившая апогей варварства, была начата не напрасно. Нужно было, чтобы все взгляды и все внимание человечества сосредоточились на одном предмете для того, чтобы оно лучше прочувствовало всю абсурдность, заключающуюся в нем. На протяжении этих страниц вы увидите, как упорно

и непрерывно нарастал этот абсурд. Национальная война должна отвратить человечество от погони за военной славой именно потому, что этот род войны ускользает из сферы военного искусства, потому, что эта война, по существу, нескончаема и безъисходна, потому, что она не приносит выгод победителю, а несет с собой всеобщее обнищание. Как чудище Катоблепас, о котором говорит Флобер, современная война пожирает самое себя. Когда в искусных руках война способствовала накоплению прибылей, выявляла энергию и отвагу, она могла пленять воображение народов и отдельных людей. Но сейчас царство иллюзий окончилось, начался век грубой действительности. Война уже не является больше азартной игрой полководцев, речь идет о жизни и смерти целых народов. Наши военные балетмейстеры не могут управлять вихрями сорвавшегося с цепи циклона.

Людендорф является последним балетмейстером, который считал себя способным управлять циклоном, последним „настоящим военным", вооруженным всеми средствами для того, чтобы руководить колоссальной национальной войной, разразившейся между народами, по всем правилам военной игры. Вихрь войны подхватил его, как соломинку, война вела его своими путями, и управлял он ею только по видимости. Его наука и энергия постоянно изменяли ему и оставляли его безоружным перед лицом грозной неизвестности, надвигавшейся отовсюду. Двадцать лет изучения военного искусства, тайнами которого он владеет в совершенстве, и даже самые его качества „настоящего военного" только усугубили для него неразрешимость поставленных перед ним задач. Национальная война не укладывается в те чисто военные рамки, которые он тиранически навязывал ей, она оказывается, по существу своих методов, — делом гражданским. Такая война — дело народов, а не почва для упражнений полководцев. Наполеон I, глава всех военачальников, последний

и самый великий из них, дважды в течение своей жизни попадал в такое положение. Видите ли вы его мрачный и сердитый облик, закутанный в плащ мчащийся под падающим снегом через необозримость обледеневшей степи? Это — образ военного перед лицом национальной войны.

Я вспоминаю некоторые часы в главной квартире, когда офицеры 3 отделения, усталые от визитов парламентариев и от телефонных звонков министров, раздраженные требованиями гражданских властей, которые в том или ином вопросе расходились во мнениях с военными, обращались мыслью к тому, что́ делается у противника. Думая о престиже немецкого верховного командования, которому подчиняется все в стране, они вздыхали: „Ах, вот если бы у нас было, как в Германии, если бы нам действительно развязали руки, — тогда дело пошло бы совсем иначе". Или: „Как можем мы одержать победу над противником, который владеет такой ни с чем несравнимой силой, как непререкаемый авторитет и единство власти?" Я вспоминаю по этому поводу такой забавный случай. Когда газета „L'Oeuvre" („Дело"), недавно возникшая, опубликовала статью генерала Верро, содержавшую жестокую критику верховного командования, кто-то в негодовании воскликнул: „Хотел бы я посмотреть на них с подобными писаниями у бошей (немцев), — они бы там увидели, как это сладко вести войну!".

И, вопреки всему этому, Людендорф в своих мемуарах постоянно сетует по поводу неприятностей, которые ему доставляли гражданские власти. Он, дескать, был не в состоянии полновластно проводить все меры, необходимые для спасения страны; канцлер — пацифист; правительство — недостаточно энергично и не хочет потребовать от народа необходимых жертв; иногда он клевещет, будто члены парламента изменяют нации. Больше того, по его мнению, конечная победа Антанты была, прежде всего, следствием абсолютного авторитета, которым пользовалось

в ней военное командование, полного подчинения ему гражданских властей и единства планов и мыслей всех союзников. Этот вывод должен показаться, по меньшей мере, странным тем, кто жил по эту сторону барьера. Таким образом, возможно, что в тот момент, когда французское командование завидовало могуществу своего противника его в собственной стране, тот испытывал подобные же чувства.

В этом можно видеть только доказательство того, что, сколько бы власти ни предоставить военным, им этого будет мало.

Иначе и быть не может, и „настоящий военный" по существу противополагается человеку, реально мыслящему; он всегда стремится подчинить факты своей предвзятой идее; волей или неволей факты должны ей покориться. Его задача, в основном, сводится к тому, чтобы навязать свою волю противнику. Одержать победу — значит заменить существующий порядок вещей иным, заранее созданным в воображении. Поэтому-то самое мощное его оружие, это — воля к победе, и он недалек от веры во всемогущество человеческой воли над людьми и вещами.

Когда человек проникнут такими идеями, ему очень трудно провести разграничение между возможным и невозможным, реальным и нереальным. Очень трудно оценить роль случая на-ряду с ролью сознательной воли. Поговорка, которая гласит, что для француза нет ничего невозможного, употребляется всеми военными мира и служит, с должными изменениями, конечно, всем странам.

Так как дух критики объявлен в армии вредным, то приказание начальника не должно вызывать никаких сомнений у подчиненных; равным образом, и самому начальнику то, что он предписал, представляется всегда выполнимым хотя бы по одному тому, что никто не может осмелиться обсуждать это приказание. Для того, чтобы осуществить максимум волевого напряжения, необходимо превратить в себе

дух решимости в рефлекс. Задумано, предписано, сделано. Но в промежутке между этими тремя фразами направляет события судьба, действует случай, проявляют свое влияние поступки отдельных людей. Чтобы противодействовать всем этим факторам, военный располагает только одним средством: он стремится сосредоточить в своих руках возможно больший авторитет, чтобы связать успех с волей к нему такой же зависимостью, какая существует между следствием и причиной.

Прибавьте к этому, что „настоящий военный" должен верить в то, что принятое им решение хорошо, рискуя потерять иначе ту веру в себя, без которой не может быть победы. В армии распространено убеждение в том, что даже неудачное решение, если оно проводится настойчиво, более ценно, чем хорошее, осуществляемое без уверенности. А так как тщеславие создает веру в себя, то для „настоящего военного" быть влюбленным в свои таланты, это — не недостаток, а ценное качество. Скромный военачальник, то-есть военачальник, сомневающийся иногда в себе самом, не есть „настоящий военный": он неумолимо обречен на поражение.

Тип скромного военного нередок во Франции, где чувство меры и вкуса и понимание смешного удачно борется с излишней гордостью. В Германии таких военных найти нельзя. Культ воли и энергии принимает чудовищные формы у тех господ из Генерального Штаба, которые, прикрываясь военной решимостью, отдавали без колебаний приказы, достойные вандалов и убийц.

*

Именно такой исключительно военный строй мыслей и составляет их слабость. Рассматривать сложный комплекс современной войны только с специфически военной точки зрения — значит проглядеть бесконечное множество оттенков в реальной обстановке. Людендорф знает только одно слово — „военная

необходимость". Когда, например, ставится вопрос о том, нарушать ли нейтралитет Бельгии, он, ни минуты не колеблясь, решает его в положительном смысле, ибо этого требует тот план наступления, который он считает лучшим. Взвесить, не превышают ли в конечном счете неприятности, которые из этого могут проистечь, те выгоды, которые этим планам даются, — на это он не способен. Тот же вопрос в отношении подводной войны разрешается им в аналогичном духе. Нерешительная позиция Бетман-Гольвега или Вильгельма, взвешивавших тяжелые последствия, которые влечет за собой этот шаг, казалась ему необъяснимой. Подобные рассуждения не могут дойти до его сознания, поглощенного исключительно военной точкой зрения. Кроме того, ведь существует принцип, для которого военный не знает ограничений, именно: „кто не атакует, тот неизбежно терпит поражение". А, стало быть, поскольку есть возможность вести атаку при помощи подводных лодок, это необходимо сделать. На этой почве он постоянно сталкивался с канцлером, с министрами и даже с императором; их „гражданский" строй мыслей действовал на него часто очень тяжело. Так, при переговорах в Брест-Литовске он возмущался тем, что правительство, из дипломатических соображений и учитывая будущие торговые отношения, склонно было щадить большевистское правительство. То же было и при переговорах с Румынией.

По его словам, он выдвигал такие требования по отношению к противникам, потому что та или иная линия поведения была необходима ему, чтобы гарантировать Германию от будущих нападений. Пусть подобные поступки являются неполитичными, пусть враги получают при этом возможность использовать в будущем недовольство побежденных, — это его мало заботит, раз это выгодно с военной точки зрения. Всегда и всюду эта точка зрения господствует у него над всеми остальными.

Он приносит ей в жертву даже интересы династии, несмотря на свою верноподданность и абсолютную преданность царствующему дому. Он энергично протестовал, когда кронпринц Германии и наследный принц Баварии, чувствуя близость конца, делали вид, что они склонны принять тот мир, который он называл „колченогим миром".

Любопытно отметить, что эти принцы правильно оценили положение, несмотря на не слишком высокую свою одаренность; самый тот факт, что они не ограничивались исключительно военными соображениями, расширил их кругозор.

Такое ослепление у Людендорфа является прямым следствием его военного темперамента, ибо он-то как раз одарен очень живым умом. Он жил в мире чудес, ибо нет разве чудесного в том внезапном ударе игральных костей, который обогащает вас тогда, когда вы находитесь уже на волосок от разорения. А, ведь, между азартной игрой и военными операциями существует известное сходство, которое придается им общим характером азарта и мгновенными поворотами счастья. Одно только обстоятельство отличает игрока от военного: то, что игрок приписывает удаче, военный приписывает своей воле, по крайней мере, тогда, когда результаты удачны; ибо, когда обстоятельства складываются неудачно, он не перестает проклинать свое невезение. Когда исход войны определялся битвой, которую вели между собою две относительно небольшие армии, можно было до последней минуты надеяться на внезапный поворот счастья. Теперь победа зависит от слишком большого числа экономических, материальных и моральных условий, чтобы какая-нибудь счастливая военная операция могла сама по себе изменить ход событий. Здравый смысл должен был бы подсказать Людендорфу и его штабу, что ресурсы Антанты гораздо значительнее ресурсов Германии и что Антанта должна в силу этого неизбежно победить, если война затянется. Наши военные,

к счастью, не „настоящие военные“, и они всегда рассчитывали на это неравенство сил. Эта идея внушала им спокойствие даже в разгар неудач. Они были правы: в этой национальной войне, конечно, победу одержала та сторона, на долю которой выпадало меньше всего военных побед.

*

Судьба, кажется, как нарочно подготовила все обстоятельства, чтобы развить в Людендорфе этот темперамент игрока: война сперва представилась ему в виде, вполне совпадающем с его идеалами. Можно сказать, что в течение двух лет Людендорф жил в иллюзии, будто военный талант может в значительной мере компенсировать те недочеты, которые вытекали из внутренней слабости Германии по сравнению с союзниками.

Посмотрите на него в первые дни войны. Он сопровождает в качестве офицера Генерального Штаба армию, которая должна была проложить дорогу через Льеж. Форты Льежа сопротивляются, и это неожиданное сопротивление вызывает известное замешательство среди нападающих. Тогда Людендорф принимает решение атаковать и заставляет свои войска проникнуть в промежутки между фортами; операция эта — очень сложная, так как сопротивление рассеяно в разных пунктах. В разгар боя Людендорфу вдруг кажется, что он видит белый фланг над крепостью. Один, он отправляется на автомобиле к самым воротам крепости и замечает, что она занята серьезным гарнизоном. Эта неосторожность могла бы стоить ему жизни, но, по удивительному счастью, никто не стреляет, и гарнизон сдается этому высшему начальнику, которого он принимает за парламентера, прибывшего с предложением пощады в случае сдачи. С этого момента Людендорф готов на всякий риск. Последующие события могли бы снова вернуть его к реальности, но его непосредственно вслед за этим

перебрасывают, вместе с Гинденбургом, на восточный фронт. Иллюзии суждено длиться.

Когда читаешь в „Мемуарах“ рассказ о блестящих операциях, задуманных и осуществленных Людендорфом на русском фронте в течение первых двух лет войны, то с изумлением спрашиваешь себя, действительно ли речь идет об окопной войне и непрерывном фронте. Ничто в словаре Людендорфа не напоминает нам о том, что мы ушли на сотню лет от наполеоновских войн. Он невозмутимо говорит о правом и левом крыле армий, о маневре охвата флангов, как будто его движения свободны, как будто перед ним не тянется через обширные страны необозримая линия боя, нигде не прерывающаяся и не имеющая флангов. Он поддерживает в себе подобным образом иллюзию, будто ничто в военном искусстве не изменилось и будто полученное им на „военной игре“ воспитание находится в полном соответствии с реальной обстановкой. И, в самом деле, разве перед ним не находится противник, разделяющий ту же иллюзию? Мы увидем ниже, что, хотя необходимость и заставила русских генералов немедленно образовать непрерывный фронт, они не сумели уяснить себе ни тех изменений, которые этот факт влечет за собой, ни национального характера войны, к которой привел конфликт. Они жили среди условностей военной игры, применяли, вопреки всему, свою детскую и честную стратегию, хотя огромные массы войск, которыми они распоряжались, должны были бы навести их на мысль о тщетности всего этого. Зато мы увидим, что сам Людендорф совершенно не считался с знаменитыми правилами, которым так добросовестно подчинялись русские. Иногда, рассматривая ближе эти события, задаешь себе вопрос, не сводится ли весь гений, проявленный Людендорфом в русской кампании, к колоссальному блеффу. Во всех этих изумительных битвах, торжественное описание которых он нам оставил, есть что-то, столь же притворное, столь же

условное и ложное, как и большие маневры в мирное время. А какая чудовищная гордость! Очень часто Людендорф говорит о своих операциях: „Вот одна из самых славных битв в истории". Несомненно, именно потому, что я не профессиональный военный, все это кажется мне довольно подозрительным. И хотя моя компетентность очень ограничена, я решил критически исследовать самую главную из побед национального немецкого героя: битву при Танненберге, завершенную победой у Мазурских озер. Это исследование привело меня к убеждению, что мы имеем дело с самым крупным обманом, какой когда-либо имел место под небесным сводом. Я буду пользоваться только средствами здравого смысла, средствами, наиболее подходящими для разоблачения блеффа, и попытаюсь показать, какая непоследовательность и безрассудность может иметь место в операциях такого размаха.

II

Танненберг, или битва против правил

Итак, Людендорф столкнулся лицом к лицу с русскими. Восточная Пруссия подверглась наступлению двух русских армий; с востока наступала армия Ренненкампфа в составе 24 дивизий пехоты и больших кавалерийских масс, с юга — армия Самсонова, менее значительная, но все же превосходящая силами VIII германскую армию. Чтобы бороться с обоими противниками, последняя должна была разделиться на две части. Однако, продвижение Самсонова делало очень опасным положение тех войск, которые на уровне Мазурских озер оказывали сопротивление Ренненкампфу. Для них создавался риск быть раздавленными между двумя наступающими русскими армиями, и потому Мольтке предвидел возможность общего отступления на линию Вислы. Это осторожное решение рекомендовал и фон-Шлиффен в своих операционных планах.

Тем не менее, Людендорф без колебаний принял иное решение, несравненно более смелое. Несомненно, общий взгляд на расположение двух русских армий в Восточной Пруссии должен был родить в мозгу офицера Генерального Штаба, хорошо знакомого с ходом знаменитых кампаний, представление о чрезвычайно важном маневре, который многократно применялся великими полководцами. Речь идет о следующем классическом приеме: напасть по очереди на

каждого из противников в отдельности (раньше чем они успеют соединиться) и разбить их одного за другим. В данных обстоятельствах нужно было, собрав все силы, напасть на Самсонова, а затем обернуться лицом к Ренненкампфу раньше, чем он поспеет оказать помощь Самсонову. Таков план предстоящей кампании. События разыгрались совершенно так, как это предвидел Людендорф. Вот как он поступил. Пользуясь тем, что Ренненкампф, медленно продвигаясь на запад по Восточной Пруссии, дошел до линии Мазурских озер, Людендорф увел из-под носа этого невнимательного противника главную массу войск, оказывавших ему сопротивление. Эти войска он присоединил к той части VIII армии, которая боролась с Самсоновым. Затем он атаковал этого генерала и разбил его. И так как, сверх того, он проявил проблеск гениальности, заставив два корпуса, из числа переброшенных от Мазурских озер, устремиться на преследование армии Самсонова, то эта армия вынуждена была отступать в полном беспорядке, и поражение превратилось в разгром. Это и есть битва при Танненберге. Затем, перегруппировав свои войска, пополнившиеся двумя новыми, пришедшими с Западного фронта корпусами, Людендорф пошел навстречу Ренненкампфу и после двухдневного боя заставил его отступить, одержав таким образом знаменитую победу у Мазурских озер.

Результаты слишком хороши. Очевидно, карты в игре были крапленные. Слишком уж похоже на учебник теории военного искусства разыгрался гениальный маневр Людендорфа. В реальных условиях этот до безумия смелый план должен был бы привести к полному разгрому Людендорфа, особенно если принять во внимание силу огня современной армии, которая ставит успех в еще более тесную зависимость от численного перевеса. И действительно, Людендорф сам признается, что перехваченное русское радио ознакомило его со всей

дислокацией Самсонова; уж не были ли ему известны также планы и поведение Ренненкампфа?

Теперь естественно задать себе вопрос: не имели ли место подобные исключительно благоприятные обстоятельства во всех тех случаях, где великие полководцы осуществляли чудеса отважной стратегии? Не покоятся ли на случайной удаче все успехи военных гениев? А, ведь, это большая удача — иметь против себя глупого или продавшегося врагу противника! Конечно, глупость встречается чаще, чем продажность, ибо она естественно вытекает из чванливости генералов и их взаимной завистливости. Сколько из них давали разбить себя, чтобы поставить в затруднительное положение своих коллег и соперников? К сожалению, специфически военный душевный строй предрасполагает к такого рода поступкам, и это приводит нас к мысли, что французские генералы, удивительная спайка которых дала возможность одержать победу на Марне, не являются, в сущности своей, „настоящими военными“. Любовь к родине, сознание общей опасности, т.-е. в конечном счете понимание реальной обстановки, поддерживали в них гражданскую доблесть, которая удваивала их ценность, как военспецов. Генералы Революции, у которых преобладали именно такого рода настроения, имели благодаря им несоспоримые преимущества над противниками, лишенными гражданских чувств. Опасности, которым так часто подвергает армию самолюбие ее начальника, подтверждаются и тем единодушием, с которым все французские историки битвы на Марне восхваляют дух взаимной поддержки и самоотверженности наших полководцев, как будто в том, чтобы спешить на помощь своим братьям по оружию, находящимся в опасности, есть действительно нечто, заслуживающее особого удивления.

Мы будем еще иметь случай видеть, как подобное соперничество генералов затрудняло иногда операции немцев.

Римлянин, выиграв битву у Танненберга и битву при Мазурских озерах, не замедлил бы принести жертву Немезиде, боясь дорогой ценой искупить свою неслыханную удачу. Но Людендорф увидал в этом только повод возгордиться и начать превозносить свою стратегию, не думая о том, что в ней нет, в сущности, ничего оригинального.

А тем не менее, если внимательно изучить поступки Людендорфа, то можно только притти в изумление! Человек, поступающий подобным образом, неминуемо должен увлечь свою страну в пропасть. Таково предсказание, которое можно было бы сделать на следующий день после Танненбергской победы. План битвы при Танненберге, по внешности так глубоко задуманный, так чудесно рассчитанный и так блестяще выполненный, вдумчивому наблюдателю представляется плодом разгоряченного воображения и фантазии. Я готов биться об заклад, что если бы подобный проект был представлен фон-Шлиффену в Берлинской Военной Академии, то несчастный автор его навлек бы на себя самую суровую кару.

*

Давайте же рассмотрим этот план, вооружившись только нашим простым здравым смыслом, ибо ведь мы с вами—профаны. Проблема — говорю я — была такова: так как налицо есть два противника, движущихся самостоятельно, то нужно собрать все силы против одного из них и разбить его прежде, чем другой поспеет на помощь ему, а затем повернуться ко второму и разгромить также и его. По-видимому, в таком именно виде представлялось дело Людендорфу с самого момента его прибытия в Восточную Пруссию. Он сам говорит с напускной скромностью: „каждый офицер Генерального Штаба инстинктивно должен был подумать о том, чтобы использовать разъединенность обеих армий противника".

При такой постановке задачи неявно предполагается одно обстоятельство, именно, что сторона, пытающаяся осуществить этот маневр, хотя и слабее обоих противников вместе, но сильнее, по крайней мере, каждого из них в отдельности. Этим и объясняется ее стремление захватить их поодиночке прежде, чем они успеют соединиться. Но в данном случае Людендорф, собрав все свои силы, все еще оставался слабее как Ренненкампфа, так и Самсонова. Больше того, исход кампании не находится ни в какой зависимости от соединения обоих русских генералов, каждый из которых был достаточно силен, чтобы обойтись без другого, и имел, очевидно, в виду действовать за собственный счет. Таким образом, нападение на Самсонова до его соединения с Ренненкампфом не давало Людендорфу никаких преимуществ, если не считать преимуществом того, что, атакуя сильного противника, он постоянно подвергался страшному риску увидеть у себя за плечами армию Ренненкампфа, которой ничто не мешало продвигаться вперед. Правда, в игре Людендорфа оставался еще один козырь: возможность отрезать отступление Самсонова при помощи двух корпусов, переброшенных из области Мазурских озер. Но для этого нужно было сперва разбить Самсонова и заставить его отступать. Если бы Самсонов победил, то он продолжал бы свое продвижение к северо-западу, и козырь оказался бы очень слабым и неверным. А ведь то обстоятельство, что Людендорф оставил два корпуса в резерве для своих стратегических замыслов, еще больше ослабляло силы, которые он мог противопоставить Самсонову. Не есть ли это верх неосторожности? Самсонов обладал, таким образом, не взирая на некоторую слабость своей артиллерии по сравнению с артиллерией противника, всеми средствами для того, чтобы не только выдержать натиск Людендорфа, но и отбросить его назад. Как бы Людендорф ни верил в себя, он не мог

не представлять себе возможных результатов. Ведь, действительно, для того, чтобы подобный маневр мог удасться, он должен быть выполнен с исключительной быстротой, а между тем современные битвы длятся пять-шесть дней, и в течение всего этого времени Людендорф рисковал подвергнуться нападению Ренненкампфа с тыла. Подвергаться так долго этому страшному риску, разве это не безрассудство? Но, далее, предположим даже, что все сложится благоприятно, и Самсонов будет разбит; даже и тогда Людендорф должен был атаковать с ослабленной армией, уставшей от пяти дней боя, противника, значительно превосходящего его численностью, находящегося в прекрасных условиях и занимающего очень прочные позиции. Чтобы наперед ожидать победы при подобных условиях, нужно верить в чудо или, по крайней мере, рассчитывать на свое сказочное счастье. Кто, кроме игрока, решился бы на такой шаг при данных условиях? Как сказал, не помню кто, о подобном же безрассудном генерале, „его следовало бы чествовать, как триумфатора, за победу, а затем расстрелять за неосторожность".

Однако, удача повсюду выручала Людендорфа. 24 августа, за три дня до битвы, когда немецкие войска уже получили соответствующие приказания, было перехвачено русское радио, дававшее Людендорфу очень ясное и полное представление о мерах, предпринимаемых Самсоновым на ближайшие дни, о расположении и передвижениях отдельных его частей. Если Людендорф не считает нужным скрывать этот любопытный случай, который во всяком случае уменьшает его заслуги, то не потому ли, что он действительно боится показаться слишком опрометчивым, если бы оказалось, что он ринулся в атаку, основываясь только на данных проблемы? Но я решительно не думаю, чтобы случай с радио мог сам по себе заставить Людендорфа принять решение: и без радио он все же атаковал бы

Самсонова. Очень любопытно читать об этом в его „Мемуарах“. Людендорф хочет сохранить за собой образ человека осторожного. Он говорит, что руководящая идея созревала в его мозгу мало-по-малу под влиянием обстоятельств и при виде медленности Ренненкампфа, которая возрастала с каждым днем. Он очень настаивает на этом, но в конце концов признается, что этой осторожной осмотрительности никогда не было. Когда Людендорф прибыл вместе с Гинденбургом, 23 августа в два часа дня, в Мариенбург, где их ждал Генеральный Штаб, он уже принял решение дать битву. Действительно, еще до своего выезда, 22 числа вечером, он передал по телеграфу из главной квартиры в Кобленце свои первые приказы о концентрации войск. 24 числа, едва явившись на место, он довершил их. Радио явилось только впоследствии, но благодаря его указаниям битва наудачу, которую он должен был дать Самсонову, превратилась в совершенно верное для него дело.

Начиная с этого момента, очевидно, он располагал величайшим шансами на успех, потому что ему было известно все о расположении противника, и он знал, где можно нащупать его слабое место. Но разве он и без радио не устремился бы с тем же бешенством в жуткую неизвестность, окружавшую его? В конечном счете, если Людендорф играл свою игру с чистыми картами, то он действовал, как опасный безумец, ибо как бы смел и уверен в себе он ни был, нужна была целая цепь почти чудесных совпадений, чтобы он мог одержать победу, а рассчитывать на чудо не в праве никто. Подобное положение для здравомыслящего человека равносильно невозможности. В тех же „Мемуарах“ Людендорфа мы читаем, что полковник Владива, испанский военный атташе при восточном фронте, спрашивал его в октябре 1914 г.: „была ли битва при Танненберге дана по плану, разработанному заблаговременно“. „Я ответил ему, что нет, — при-

бавляет Людендорф, — и он был очень удивлен, ибо многие, в том числе и он сам, были убеждены в противном".

В своей гордости Людендорф проявляет здесь трогательную наивность. Он не видит скрытого смысла вопроса, заданного ему тонким испанцем. Последний хотел, несомненно, намекнуть, что и бездействие Ренненкампфа и перехваченное радио, столь удивительные с первого взгляда, должны были быть подготовлены заблаговременно, без чего победа является необъяснимой. Ибо, конечно, полковник Владива не мог думать, что Людендорф задолго выбрал для боя этот участок Восточной Пруссии, который его выдающееся вперед положение и ограниченность береговой полосой превращают в настоящую ловушку.

Действительно, в нормальных условиях была бы тысяча шансов против одного, что Людендорф будет смят, раздавлен между двумя противниками. Ни один генерал в мире не устремился бы в Кенигсбергский выступ: простой здравый смысл подсказывал необходимость очистить его, и доказательство этому в том, что план Мольтке предусматривал отступление VIII армии на Вислу, в согласии с предначертаниями фон-Шлиффена, чья ценность, как стратега, во всяком случае не меньше ценности Людендорфа.

В действительности, то чудо, которое было необходимо для успеха этой смелой операции, называется изменой. Ренненкампф еще раз повторил свой промах в дальнейшем ходе кампании при обстоятельствах, когда немцам угрожал разгром, и показался настолько подозрительным, что царь был вынужден уволить его в отставку. Быть может, этим уменьшается заслуга Людендорфа в глазах военных, но я считаю, что предположение об измене Ренненкампфа спасает Людендорфа от обвинения в безрассудстве. Тем не менее, на этом примере можно видеть, как опасен строй мыслей „настоя-

щего военного". Подчиняясь голосу чувства, принося все в жертву своей любви к риску, он меньше полагается на свои расчеты, чем на свое счастье С ним мы всегда находимся в положении авантюристов и в ожидании катастрофы, которая неизбежно должна разразиться в день, когда не будет налицо ни измены, ни чуда. Вот почему почти всегда дело кончается поражением великих полководцев, великих завоевателей. А раз так, то не безумие ли следовать образцам, которые они оставили нам?

III

Школа чудес

В сложнейшей современной войне, где ничто не может быть предоставлено случаю, где все должно обусловливаться фактором мощности, подобный строй мыслей может привести только к ужаснейшим катастрофам. Отсюда явствует, как опасно доверять ведение современной войны людям, воспитанным в культе риска и удали. В этих условиях приобретает значение аксиомы положение: „настоящий военный" неприспособлен к нашей эпохе и к условиям войны, которую она влечет за собою. Например, поведение генерала Нивелля, завязывающего битву вопреки всему, при условиях, когда он имел все основания ждать неудачи, может быть объяснено только предположением, что он рассчитывал на счастье. Военное искусство в своем крайнем выражении является подлинной школой чудес.

Чтобы объяснить безграничную смелость завоевателей, нужно отдать себе отчет и в роли другого фактора, который, впрочем, также не имеет больше значения в условиях национальной войны. Именно в силу этого фактора Людендорф, очутившись на восточном фронте, мог всегда считать себя победителем, и судьба поддерживала его в этой иллюзии. Как мы сказали выше, правила военной игры требуют тщательного соблюдения, по крайней мере, одним из противников известных молчаливых соглашений. Например, Ренненкампф, хотя он и располагал

весьма значительными силами и занимал очень прочные позиции, обратился в отступление едва лишь на одном его фланге — другой фланг упирался в море — создалась угроза охвата войсками Людендорфа. Среди всех генералов, командовавших на различных фронтах, русские и австрийцы наиболее тщательно следовали этому правилу. Заметим еще, что факт угрозы охвата сам по себе отнюдь не является достаточным, чтобы принудить к отступлению: нужно еще убедиться в том, что эта угроза осуществима. Действительно, если силы, брошенные на фланг противника, недостаточны, то он может сам контр-атаковать их и обратить в ничто весь маневр; настоящую опасность таит в себе только охват фланга значительными силами. Но, повидимому, русские стратеги считали особой честью не дожидаться, пока этот маневр будет закончен; это был для них способ обнаружить свои знания и быстроту, с какой они охватывают положение, нечто вроде доказательства своих военных способностей, которое они давали противнику.

Несомненно, что ограниченный и невежественный генерал, который в пылу битвы совершенно не заботился бы о том, что его могут окружить, мог бы — при условии, конечно, что он располагает хорошими войсками, [25] готовыми упорно защищаться там, где они расположены, — одержать победу, не обращая никакого внимания на правила игры. Это заставило бы противника быть о нем чрезвычайно низкого мнения, но совершенно демонализовало бы этого противника. Таким образом, великий полководец, по-моему, это тот, кто питает беспредельную веру и в свое счастье и в наивность противника. Ибо, рассчитывая на строгое соблюдение военных условностей противником, он сам извлекает преимущества из пренебрежения к ним.

В сущности к этому сводится известная военная аксиома: побеждает тот, у кого лучше военно-моральное состояние армии. К этому можно было

бы только добавить: побеждает тот, кто менее наивен. Великий полководец никогда и ни от чего не приходит в волнение прежде всего потому, что он ждет чуда с пламенной и непоколебимой верой, даже тогда—или больше всего тогда,—когда совершенно нет оснований верить, что чудо свершится. Кроме того, он сохраняет спокойствие и потому, что, как рассчитывает, противник рано или поздно попадется на какую-нибудь тактическую или стратегическую уловку, не имеющую под собой реальных оснований, между тем как сам он окажется достаточно осторожным, чтобы не попасться на такую удочку. Во всех азартных играх должен быть налицо обманщик и глупец; в войне роль случая так велика, что самые талантливые военачальники попадали бы в затруднительное положение так же часто, как и самые тупые, если бы на помощь им не приходили плутни.

Сплутовать — это значит, например, произвести атаку на фланг противника при помощи одного эскадрона кавалерии, который производит большой шум и заставляет противника думать, что ему угрожает обход значительными силами. Это значит сгруппировать в одном месте все свои орудия, чтобы произвести впечатление подавляющей массы артиллерии и внушить противнику мысль, будто такое же количество орудий имеется и на всех других участках его расположения, что должно побудить даже части, далекие от бомбардируемого участка, отступить во избежание подобной опасности. Победы Наполеона над многочисленными и доблестными русскими войсками были бы совершенно необъяснимы, если не учитывать постоянно действующего фактора военного обмана. И, действительно, по мере того, как кампания затягивалась, русские генералы все реже стали попадаться в ловушки, расставленные им Наполеоном. Они упорно продолжали борьбу на занимаемых ими позициях, что чрезвычайно затрудняло его задачу.

В дальнейшем дело кончилось его поражением; когда противники решили кончить войну и, осознав свою силу, перестали соблюдать условности военной игры.

*

Итак, по воле судьбы Людендорф вел войну на Восточном фронте, где еще не перестали приносить жертвы условностям; это только способствовало его ослеплению и тем вернее подготовило его гибель. В 1918 г. ему удавалось несколько раз прорвать при помощи очень талантливых тактических приемов франко-британский фронт, но это не приводило ни к каким результатам, кроме образования в этом фронте широких пустот, „карманов". В России, где он поступал точно так же, такого прорыва было довольно, чтобы вызвать общее отступление на огромном фронте. Великий князь Николай, искусство и военная доблесть которого общепризнаны, считал себя обязанным, в силу традиции, отодвигать назад всю свою армию, опасаясь, что она будет разрезана противником на отдельные части. Таким образом, соблюдая военные условности, он сам становился виновником своих неудач. Он никогда не задавал себе вопроса о том, сохранили ли еще эти правила свое значение в современной войне. Если бы он задал себе такой вопрос, то, несомненно, ответил бы на него отрицательно.

Точно так же, всякий раз как русское наступление прорывало австрийский фронт, немцы прилагали все усилия к тому, чтобы заполнить образовавшуюся брешь. Если им не удавалось это, то не только войсками овладевала паника, но и сами австрийские генералы не хотели ни о чем слышать и, подобно русским, стремились осуществить общее отступление, вроде того, которое в 1915 году отбросило их до южного склона Карпат. В итоге можно сказать, что, когда Людендорф чувствует себя победителем, он не соблюдает условностей военной игры. Наоборот, он внезапно начинает придерживаться их,

когда чувствует, что моральное состояние войск слабеет.

Чтобы вернуться к Людендорфу, скажем кратко, что в то время, как на Западном фронте генералы исчерпали все ресурсы своего искусства, не найдя решения, и, отказавшись от военной игры, столкнулись лицом к лицу на протяжении 400 километров в условиях непрерывного фронта, Людендорф на Восточном фронте виртуозно разыгрывал вариации на основные темы военного искусства. Правда, он успел в этом, я сказал бы, только благодаря молчаливому пособничеству противника. Как только он перешел на Западный фронт, он столкнулся с новым порядком вещей и потерял лучшую часть своих преимуществ. Там, где военное искусство, блестящим сторонником которого он является, столкнулось с национальной войной, ход вещей должен был круто преломиться.

Первый акт его в этот момент, показывает, что „настоящий военный“ пытает свое счастье вопреки указаниям здравого смысла и что при известных условиях это ему удается. Действительно, Людендорф сам говорит в своих „Мемуарах“, что если бы он был лучше осведомлен о положении на Западном фронте к концу 1916 г., то никогда не решился бы начать свое наступление на Румынию. Все знают, что в этом году положение немцев было критическим. После того, как битва на Сомме сменилась такой смертоносной битвой, как битва под Верденом, удачное русское наступление значительно поколебало положение немцев. Объявление войны Румынией нанесло им страшный удар. Состояние духа в армии пошатнулось. Людендорф, верный своему принципу всегда атаковать прежде всего второстепенного, более слабого противника, не побоялся для восстановления положения на этом фронте снять дивизии с Западного фронта, где немцы с трудом держались. Наступление Макензена удалось полностью. Оккупация половины Румынии,

взятие Букареста, захват огромного количества провианта — вот его результаты. Баланс выравнялся с немецкой стороны. Вот великолепная награда за тяжкую неосторожность, которая была вызвана полным незнакомством с реальными военными условиями 1916 г. Думая об этом четыре года спустя, после поражения, Людендорф содрогается, но в тот момент не должен ли был он составить себе очень высокое мнение о той безрассудной смелости, которая дала ему победу. Впрочем, возможно, что Людендорф немного кокетничает, вспоминая об этой блестящей неосторожности, честь которой принадлежала ему. Отсюда, очевидно, один только шаг до установления в качестве принципа необходимости быть безрассудным.

Легко понять, почему при таком состоянии духа он так плохо оценил положение год спустя. До последних пределов, вопреки всякой очевидности, он надеялся на то, что счастье снова повернется в его сторону. Эта иллюзия, защищавшаяся им с неслыханным упорством, привела Германию к гибели. Действительно, Людендорф, полновластный и никем. не оспариваемый хозяин военных планов, несет на себе всю ответственность за конечную катастрофу. Он один несет эту ответственность еще и потому, что, будучи „настоящим военным“, главой военной партии, он в самых важных случаях проводил господство военной точки зрения, которая была его точкой зрения. Французские „патентованные“ специалисты, думая об абсолютном авторитете, которым пользовался Генеральный Штаб в Германии, считали, что это один из важнейших факторов победы наших врагов, и дрожали при виде того, что во Франции этот авторитет оспаривается. Понимают ли они теперь, что Германия безусловно обязана своим поражением господству военного элемента и неограниченной власти его вождя?

Франция вышла из войны победительницей именно благодаря своему гражданскому духу, поро-

дившему дискуссии, протесты, независимость и даже непочтительность по отношению к военным авторитетам. Французская нация взяла в собственные руки ведение своей войны; она имела голос в обсуждении решений, общественное мнение никогда не было окончательно задушено, и волей или неволей вожди правительства и армии должны были считаться с его требованиями. Никто не обладал достаточным авторитетом, чтобы поступать вопреки воле страны. Я добавлю, что воля к борьбе до конца, которая, естественно, является волей военного элемента, к счастью, оказалась и волей всей страны в целом. Во Франции солдат, как таковой, никогда не душил в себе окончательно гражданина, последний жил в нем под профессиональными предрассудками, и в силу этого военный не оставался глухим и слепым по отношению к воле граждан, которую он в некоторых пунктах разделял.

*

В конце 1917 г. настал день, когда настроение „настоящих военных“ вместе с более сдержанными настроениями гражданских властей должно было продиктовать то решение, от которого зависела судьба Германии. Брест-Литовский мир только что освободил Германию от противников на Восточном фронте. Развязав себе руки на Востоке, немцы получили, наконец, возможность бросить все свои силы на Западный фронт, настоящий жизненный центр всей гигантской борьбы. Один удар изменил сразу все положение вещей. Франко-английские войска, которые до сих пор, при равенстве вооружения, имели перевес в численности, в течение нескольких дней должны были стать слабее противника. Цель, к которой Людендорф стремился в течение двух лет, была достигнута, и он с величайшей поспешностью начал снимать дивизии с русского фронта и направлять их на Западный. Располагая массой в 80 резервных дивизий, казалось,

он сумеет снести западную укрепленную линию, которая считалась до сих пор неприступной. Было очевидно, что близится конец войны. Но тогда, когда военные с энтузиазмом готовились к последней битве и триумфу, канцлер и министры с беспокойством следили за подготовляющимися решениями.

Кульман решился в заседании рейхстага заявить о том, что вопрос войны не может быть решен силою оружия. Рассматривая положение с различных сторон, он со своим гражданским подходом к вещам не мог питать никаких иллюзий насчет боеспособности Германии. Несмотря на те ресурсы, которые дал центральным державам захват Украины, продовольственное положение оставалось очень тяжелым, моральное состояние страны было еще хуже. Истощившая все свои силы Австрия спотыкалась на каждом шагу, как загнанная лошадь. Болгария громко требовала мира, а Турция заботилась лишь о том, чтобы на кавказской границе вознаградить себя за прежние поражения. Решение должно было последовать в самый кратчайший срок, ибо, как ни медленно готовилась вступить в схватку Америка, уже десять месяцев тому назад примкнувшая к союзникам, все же она должна была в ближайшее время бросить на континент свою свежую армию. Америка давала противникам Германии неистощимые ресурсы всякого рода, и, в то время как центральные державы шли к истощению, каждый день войны увеличивал силы союзников. Дипломатия видела единственный выход из положения в быстром компромиссном мире.

Если же, напротив, Людендорф сделал бы попытку добиться решения силой оружия, то необходимо было бы готовиться к продолжению войны. Искушенные в войне армии Франции и Англии оказали бы упорное сопротивление, а армия Америки, хотя и малоопытная, все же составляла известную силу. К тому же, неизвестно еще, может ли реши-

тельная битва в условиях Западного фронта, насыщенного укреплениями и снабженного могущественной артиллерией, определить исход войны. Раз только последняя битва начнется, никто не может знать, когда она кончится. Не лучше ли, пользуясь переменой обстановки, которая подняла престиж Германии, попытаться заключить мир до прибытия американцев? Германия, уверенная в том, что она может вознаградить себя за все на счет России, может без труда быть уступчивой и даже благородной на западе. Франция не устоит, если ей предложить Эльзас-Лотарингию или, по крайней мере, часть их. Стало быть, есть смысл делать такое предложение, — так рассуждал гражданский элемент. Император и оба кронпринца, некогда столь несговорчивые, склонялись к этому решению. Несомненно, они оценивали положение правильно. Я обращаю внимание на то, что в начале 1918 г., когда Антанта с беспокойством смотрела на надвигающуюся лавину немецкого наступления, было бы очень трудно отказаться от мира на действительно почетных условиях. Общественное мнение не допустило бы, чтобы эти условия не были внимательно обсуждены.

И даже в случае отказа правительств, если бы Людендорф, очистив Францию и Бельгию, основательно укрепился на своей границе и заявил: „Мы хотим мира“, то правительства были бы не в состоянии продолжать дольше борьбу. Германия прекрасно выпуталась бы из отчаянной западни, в которую она попала. В худшем случае она предоставила бы союзникам сорвать свою злобу на Австрии, при чем ослабление империи Габсбургов вряд ли было бы ей особенно неприятно.

И здесь-то и появляется страшный лик Немезиды, которая всегда заставляет народы платить по своим счетам.

„Quos vult perdere Jupiter, dementat“. [26] Людендорфу суждено было стать орудием судьбы. Этот бле-

стящий военный, с живым и смелым духом, этот ум, ясный во всем, что относится к его специальности, человек, которого по праву можно было считать одним из талантливейших представителей своей эпохи, оказался более слепым и ограниченным, чем последний из его избирателей. Как! После трех лет усилий, благодаря гению своих военных вождей и несмотря на трусость правительств, неспособных внушить стране настоящий дух самопожертвования и героизма, Германия может, наконец, занести со всей силой свой бронированный кулак на противников, и она этого не сделает? С ума они сошли, что ли? Какая же война может получить свое разрешение иначе, чем силой оружия? И неужели из опасения возможного риска можно принять половинчатый мир, позорящий германское отечество? Вы легко можете представить себе, каковы были рассуждения Людендорфа на эту тему.

Представьте себе игрока, который сидит за зеленым столом и ведет трудную игру. Внезапно счастье обернулось в его сторону. Карты, которые сданы ему, хороши. Вот-вот он заберет огромный куш. Счастливая карта здесь, пред ним, на столе. Его первое побуждение закричать: Ва-банк! Пусть в этот момент кто-нибудь ударит его легонько по плечу и прошепчет: „Вставайте, уходите с вашим выигрышем, верьте мне, не нужно больше рисковать“, — вы догадываетесь, каков будет его ответ: „Дурак, я играю наверняка“. Людендорф, „настоящий военный“, не в силах встать из-за зеленого стола военной игры. Он располагает значительными средствами, удача улыбнулась ему, перед ним случай сорвать банк. Иными словами, поскольку военный имеет в своем распоряжении войска, он должен пустить их в дело. Та цель, к которой он стремится, это—не величие или спасение его страны, это—его собственное величие, это — военная победа, то-есть слава его оружия. Нашим патентованным специалистам из главной квартиры хорошо знакомо это

состояние духа. Я вспоминаю, как в начале 1918 г. немецкий канцлер начал пускать в газетах слухи о мире; он подготовлял ту политику, для которой у него хватило государственной мудрости и которой не хотел Людендорф. Уступчивость была в этот момент настолько в интересах Германии, что многим из нас, по карьере людям штатским, казалось, что противник склоняется в пользу мирного решения. „Нет, они будут нас атаковать" — сказали нам наши товарищи: „когда в распоряжении военачальника имеются такие силы, он должен атаковать, других примеров не было в истории". Это была совершенная правда, и Людендорф доказал это. Таким образом Германии, которая основала свое господство над миром на мощи своей военной касты, суждено было обрушиться в бездну именно в силу того, что она душой и телом предалась этой касте. Ва-банк! На-квит! Все или ничего! — этим формулам игроков, недостойным великого народа, она доверила свою судьбу.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

КАМПАНИЯ ЗА ФРАНЦИЮ

I

Сюрпризы стратега

Кампания за Францию, отмечающая последнюю фазу войны, так поучительна, что нужно рассмотреть ее во всех подробностях. Именно на нее опираются все военные, обосновывая доктрину современной войны. Очень важно посмотреть, в каком виде они представляют себе ее. К счастью, один из специалистов изложил нам свои идеи по этому поводу; я имею в виду генерал-майора французской армии Бюа (Buat), автора книги о Людендорфе. Его свидетельство тем более ценно, что он дает его, подвергая анализу свидетельство противника. Редкий случай дает нам, таким образом, возможность ознакомиться с вопросом сразу с обеих противоположных точек зрения.

Генерал Бюа был назначен на свой пост в первой половине июня 1918 г., поэтому его воспоминания о первых месяцах наступления не связаны с главной квартирой. Например, он не говорит ничего о настроениях и планах французского командования накануне немецкого наступления. Мы восполним этот пробел собственными воспоминаниями. Если Людендорф говорит о своей полной вере в решительный успех последней кампании, к которой он приступал, то штаб генерала Петэна не скрывал своего беспокойства. Конечно, не подлежит сомнению, что немцы разобьются о линию укреплений, усиленную в последние месяцы и укрепленную удачными операциями. Быть может, они проникнут

в наши линии, отвоюют на отдельных участках какие-нибудь пять-десять километров, но совершенно невозможно, чтобы им удалось прорвать их. Доктрина несокрушимости укрепленных фронтов, и в первую очередь нашего фронта, царствовала безраздельно. Людендорф сошел с ума, если надеется добиться успеха там, где в течение трех лет это не удавалось большим искусникам — я имею в виду наших генералов. Успехи, которые он одержал при Капоретто, в Галиции, под Ригой, вскружили ему голову, но одно дело прорвать фронт в Италии и в России, где и материальное снабжение и моральное состояние армий не на высоте, и совсем другое дело — осуществить то же во Франции.

Тем не менее, недостаток живой силы остается черным облаком на горизонте французского командования. Если Германия удвоит свои усилия до вмешательства Америки, то хватит ли у нас людей, чтобы остановить ее? Укрепления могут пасть только из-за недостатка в защитниках.

В этом — одно из противоречий современной войны. На первый взгляд кажется, что усиленное использование материальных средств должно привести к экономии человеческих жизней. В действительности же, превосходство в вооружении не избавляет от необходимости иметь перевес и в численности, ибо расположение войск непрерывным фронтом принадлежит к числу наиболее дорого стоющих. Дорога противнику заграждается в первую очередь барьером из живых тел; современная битва не разыгрывается на большом растоянии, как позволял надеяться прогресс артиллерии, а переходит очень быстро в рукопашный бой, в примитивную схватку грудью к груди. Эта горькая насмешка над прогрессом приводит лишь к одному результату—к увеличению потерь. Необходимость быть готовым к бою на каждой пяди необозримого непрерывного фронта еще больше обостряет вопрос о живых силах армий. Теперь не может быть речи о том, чтобы при помощи

искусного маневра получить в решительный момент фиктивный перевес в каком-нибудь определенном месте; необходимо полное, реальное превосходство, действительный перевес в численности бойцов. Только подавляя противника численностью, нападающий может взять верх над обороняющейся стороной, оказывающей сопротивление на своих укрепленных линиях. С обеих сторон к угрожаемому месту подвозятся на грузовиках резервы, и, чтобы питать современную битву, длящуюся целые месяцы, противники бывают вынуждены последовательно снимать войска со спокойных участков фронта. Свидетелями этого напряженного и мрачного процесса истощения мы были при всех крупных наступлениях. Под Верденом перебывали почти все дивизии французской армии, снятые со своих участков и брошенные в бой, при чем некоторые из них вводились в бой по два-три раза с короткими промежутками. Битва превращается в бездонную бочку Данаид [28].

На этот раз, очевидно, события должны были развернуться точно так же. Но мы рисковали тем, что при этом настанет момент, когда у нас не будет уже достаточного числа людей, чтобы пополнить потери. Истощение сил, к которому мы стремились привести противника, угрожало нам самим. Таков был результат трех лет упорной борьбы на западном фронте, благодетельные последствия политики истощения противника и доктрины наступления, которые проводились нашим генеральным штабом. Германия, находясь в значительно менее трудных условиях на западном фронте, придерживалась на нем политики обороны. Она благоразумно держалась во Франции этой линии из соображений экономии, познав после Верденского опыта всю тщетность попыток найти в решительной битве развязку войны при данном положении вещей. Мы же безумно расточали благородную кровь наших армий для того, чтобы отвоевать несколько полосок земли,

несколько возвышенностей, сотню разрушенных деревень. Германия, по крайней мере, не имела поводов сожалеть о пролитой крови, глядя на военную карту. А на холодном лице генерала Петэна можно было читать в январе 1918 г., в час, когда сгущались тучи, сожаление об этой расточительности, в которой он один отдавал себе вполне ясный отчет и которую только он приостановил. Если бы он мог говорить, то с какой болью он воскликнул бы: „Жоффр, Нивелль, отдайте мне мои легионы".

Уже в декабре 1917 г., подписав перемирие с Россией, предшествовавшее заключению мира, Германия развязала себе руки на востоке. Однако, Людендорф дал сигнал к наступлению лишь 21 марта 1919 г. после тщательной трехмесячной подготовки. Теперь, после поражения, он может сваливать вину за него на моральное ослабление подчиненных ему народов, на малодушие правительства и т. п. Все это пустяки! Военный, не верящий в возможность иной развязки войны, кроме той, которую дает сила оружия, возлагающий на эту силу все свои упования, не имеет права ссылаться ни на какие причины, кроме причин чисто военных. Людендорф располагал чудовищной армией, более мощной, чем армия противника. Никогда еще его войска не сражались лучше; в качестве честных врагов об этом свидетельствуют наши солдаты, восхищавшиеся их мужеством. Военный, которому предоставлены такие средства победить, не может требовать иных. После того, как биты лучшие карты, нет оснований требовать провозглашения отечества в опасности, поголовного подъема, самопожертвования нации. Или же, признавая, что это нужно было сделать для спасения страны, он должен признать также свою беспомощность и банкротство своего искусства. Людендорф, с редкой недобросовестностью, обвиняет кого угодно в своем поражении. Неприятно, например, читать в его „Мемуарах" некоторые коварные намеки на трусость, проявлен-

ную войсками на полях битв. Даже лучшие в мире войска не застрахованы от известной слабости, которая проявляется под слишком уж тяжелыми ударами противника, и неправильно видеть в этом отступлении немецкой армии отражение дурного морального состояния внутри страны. Я полагаю, что, напротив, деморализация немецкого народа последовала в результате его военных неудач. Единственная правда заключается в том, что Людендорф потерпел военное поражение по чисто военным причинам. Он принял все мыслимые меры предосторожности, и предал его лишь собственный его темперамент „настоящего военного“, который неумолимо обрекал его на поражение.

Итак, Людендорф потратил три месяца на подготовку своего последнего удара. Рассчитывая захватить нас врасплох, он особенно тщательно стремился скрыть свою подготовку на том секторе, который он выбрал для атаки. По всей линии фронта одновременно производились работы, нагромождались батареи, строились авиационные лагери, склады вооружения, новые узкоколейные пути и т. д. и т. д. Специальные работы по подготовке атаки производились ночью и умело маскировались днем. Эта тщательность подготовки погубила немцев. Хотя за это время и происходило интенсивное разворачивание немецких дивизий, но, уладив с исключительной тщательностью все детали, Людендорф не учел в достаточной мере того, что Франция забила тревогу, и американцы поспешили ей на помощь. Секрет этой неосторожной медлительности в том, что, в сущности, Людендорфа мало беспокоила импровизированная американская армия, потому что в его глазах действительной силой являлась лишь армия профессиональная. Он был убежден в том, что его отборная армия, — он тщательнейшим образом отфильтровал для наступления свои войска, — обеспечивает ему сокрушающее превосходство над противником. Этих иллюзий

профессионала-военного не вытравил в нем даже трехлетний опыт войны. А, между тем, разве не было доказано, что даже и не прошедший длительной подготовки солдат, если только он воодушевлен патриотизмом и снабжен современным вооружением, сражается не хуже всякого иного? Я не знаю были ли битвы, дававшиеся в начале войны кадровыми армиями, более упорными, чем битвы последующих лет, в которых с обеих сторон участвовали только войска запаса. Напротив, именно к концу войны сила огня стала наибольшей, и, стало быть, именно тогда и потребовалось от бойцов наибольшее мужество и хладнокровие. Держались ли бы лучше в Верденском аду солдаты, прошедшие семилетнюю школу? Это очень сомнительно, и я думаю, что только поверхностные соображения выправки, парада и внутренней дисциплины заставляют Людендорфа в его „Мемуарах“ несколько раз высказывать сожаление о тех войсках, которыми он располагал в начале кампании. Наши генералы за все время войны вряд ли допустили такую несправедливость, хотя бы только в своих мыслях, что не мешает им теперь восхвалять из профессионального предрассудка преимущества кадрового солдата над запасным.

*

Наконец, 21 марта началась атака на фронте в 80 километров между Круазиль (Croisilles) и Ла-Фер (La Fère). Немало рассуждений было посвящено вопросу о том, какие причины заставили Людендорфа выбрать именно это место для боя. Основная причина заключалась, очевидно, в том, что наша оборона на этом секторе была организована хуже всего, ибо мы занимали его только со времени немецкого отступления в 1917 г. Кроме того, он был занят английской армией, которую Людендорф считал менее закаленной, чем наша; наконец, в этом пункте было место соединения двух союзных армий. Все эти причины указывает генерал Бюа,

и меня приводит в восхищение ясность, с которой он показывает после боя, что Людендорф не мог атаковать нас ни в каком другом месте. Но ведь все эти причины существовали до наступления, почему же их не разглядели во-время?

Во всяком случае, 21 марта 1918 года для наших союзников было неожиданностью, когда вдруг загрохотали орудия, производившие артиллерийскую подготовку, их изумление стало еще более острым, когда вместо обычных шести или восьми дней эта подготовка была прекращена через четыре часа, и за ней непосредственно последовало наступление войск. Это был существенный фактор в новом тактическом приеме, пущенном в ход Людендорфом. Этот прием был основан на быстрой подготовке снарядами с удушливыми газами, которые лишают противника возможности обороняться как раз на тот относительно короткий срок, который нужен, чтобы перейти через укрепленную зону; эту зону немцы даже не считали нужным разрушать. Это прием апаша, который бросает в лицо противнику горсть перца и затем безнаказанно пускает в ход свой револьвер и нож. Этот прием представлял и другое преимущество: он давал нападающим возможность быстро продвигаться вперед по почве, почти неисковерканной артиллерийским огнем. Все эти элементы в совокупности и создавали ту неожиданность, которая является залогом победы по самым старым военным теориям и о которой генералы перестали заботиться в течение последних трех лет войны.

Поразительно, что потребовалось столько времени для того, чтобы эта простая идея вошла в сознание воюющих сторон. Еще более поразительно, что штабы могли в течение трех лет защищать и совершенствовать тактику разрушения вражеских позиций артиллерийским огнем, которая в корне уничтожала возможность игры на неожиданность. Одно из двух: либо бессмертные принципы—

только пустые правила, в которые они больше не верят, либо непростительно, что они не отвергли a priori тактику, которая сводила к нулю роль самого важного из этих принципов. Попытка одержать победу, совершенно не учитывая роли неожиданности, должна была бы заставить перевернуться в гробу останки Фридриха и Наполеона! Нужны ли после этого еще доказательства упадка военной культуры? Положиться только на грубую силу, на всесокрушающую пушку, на численность нападающей массы, не пытаться прибегнуть к остроумной и богатой возможностями хитрости, вне которой нет военного искусства, не правда ли это недостойно военачальников, получавших высокое образование? Вместо того, чтобы доводить до абсурда битву орудий и брони, не следовало ли принять к руководству такой принцип: если атака не сумеет создать для противника обстановку неожиданности, то она останется бесплодной. Было бы несправедливо сказать, что с нашей стороны не делалось никаких попыток в этом направлении. Я помню, что генерал Бюа ставил именно неожиданность на первое место в ряду своих подготовительных мероприятий, но тот способ наступления, который он придумал, был основан исключительно на употреблении артиллерии и не устранял всех неудобств, вытекавших из необходимости истолочь в ступе укрепления противника.

Как бы то ни было, Людендорф одержал успех, превзошедший все его ожидания. Войска генерала Гау (Gough), захваченные врасплох и парализованные удушливыми газами, оказали лишь очень слабое сопротивление компактной массе наступающих. В два дня была очищена вся укрепленная зона, и немцы продолжали с ошеломляющей быстротой свое продвижение по не защищенной территории на фронте в 40 километров. Никогда, даже в самых смелых мечтах, нельзя было надеяться на столь полный прорыв фронта.

Но, по иронии судьбы, самый успех Людендорфа должен был обнаружить тщетность его попыток. На четвертый день своего сокрушительного продвижения наступающие немецкие дивизии столкнулись на своем левом фланге с первыми французскими частями, спешно вводившимися в бой. На шестой день, хотя в человеческом барьере и были еще прорывы, но он быстро смыкался. С каждым днем, по мере прибытия наших резервных дивизий, этот барьер становился все более плотным. Продвинув свои войска на 60 километров вглубь от исходного расположения, Людендорф только и сумел, что создать в наших линиях обширное углубление. Он не успел еще достичь Амьена, — намеченной им цели, — как непрерывный фронт был восстановлен. Самая быстрота продвижения заставила противника оставить позади свою артиллерию, а между тем для того, чтобы двигаться дальше, необходимо было иметь ее немедленно под руками; так же необходимы были и запасы боевых припасов. Таким образом, с одной стороны благодаря доблести наших войск, а с другой — и, быть может, в еще большей степени, — в силу тесной зависимости современных армий от их баз снабжения, немецкое наступление остановилось на восьмой день. Мы увидим еще и впоследствии, что максимальный радиус продвижения немцев не превышал 60 километров. Людендорф понял, что раз линия восстановлена и противник держится на чеку, то невозможно снова прорвать его фронт на том же участке, и потому в апреле он попытался осуществить частичное нападение уже между рекой Бассэ (la Bassée) и Ипром (Ypres), пользуясь тем, что этот участок был оставлен нами почти без защиты. Он снова создал довольно обширные углубления в нашем расположении, но в конечном счете он всюду натыкался на тот же непрерывный фронт.

В этом есть что-то в такой мере обескураживающее, что необходимо не пожалеть труда и по-

искать глубоких причин этого явления. Слишком просто, действительно, только смеяться над противником по поводу его неудач, как это делают обычно наши официальные историки. Такой насмешкой являются все попытки изобразить мартовское наступление 1918 г., как большую победу союзников, под тем предлогом, что немцы, сумевши пробить в нашем фронте брешь в 80 километров длины и 60 километров глубины, не сумели овладеть Амьеном. Такое умонастроение, достойное немцев, готовит жестокое пробуждение. Тому, кто знает, какое страшное впечатление производили в то время успехи Людендорфа в нашей главной квартире, они не могут представляться иллюзорными, хотя его победа и не была решительной. Тогда, в официальных сообщениях, можно было представлять это сокрушительное наступление, как неудачу противника, но делать это теперь, когда опасность миновала, недостойно нас. Поэтому-то так неприятно встретить в книге генерала Бюа тон некоторой снисходительности и насмешки над нашим самым страшным противником. Я отмечаю, что ни одно из критических замечаний, формулированных генералом Бюа, не касается сущности проблемы, и это очень нехорошо со стороны одного из будущих вождей французской армии, которому суждено, быть может, еще встретиться когда-нибудь с Людендорфом. Я знаю, сколь странным может показаться, что скромный лейтенант запаса решается вступить в спор с начальником Генерального Штаба французской армии, но я прошу читателей не поддаваться впечатлению этой странности и бесстрашно призвать на помощь свой здравый смысл, чтобы разобраться в этом споре по существу.

II

Соломинка и бревно

Генерал Бюа бросил Людендорфу упрек в том, что тот не является в достаточной мере стратегом. На первый взгляд кажется, что он прав, потому что Людендорф сам заявляет в своих „Мемуарах", что в марте 1918 г. он добивался прежде всего тактического успеха, считая второстепенными все стратегические соображения. „Это утверждение тем более странно,—говорит генерал Бюа,—что в России Людендорф преследовал всегда определенные стратегические цели". Далее, отмечая, что и немцы при Шарлеруа и сами мы на Марне сумели добиться успеха лишь применением стратегических маневров, он делает вывод: „Совершенно бесплодным является стремление игнорировать стратегию. В самой стратегической диспозиции уже заключены все ее возможности; это факт, который можно было бы подтвердить тысячами примеров". Генерал Бюа прав, но только с той оговоркой, что, как мы показали выше, не может быть стратегии без молчаливого соглашения, без своего рода правил игры, принятых обеими сторонами. Сам он, возвращаясь к битве на Марне, говорит: „Наша парижская армия еще в гораздо большей мере делала вид, будто она обходит фланг немцев, нежели фактически этот обход осуществила". Это полностью подтверждает наши слова. В сентябре 1914 г. война еще происходила в чисто военных условиях. Глава о плане XVII показывает, в какой мере мы подчи-

нялись еще тогда этим условностям. Месяц спустя конфликт принял свою действительную форму, форму национальной войны. Положение стало для Франции столь тяжелым, а ситуация, именно в силу того, что она оставалась неопределенной, приобрела такую важность для обеих сторон, что они сразу отказались от всех условностей, от всего того искусственного и надуманного, что всегда есть в войне, когда она ограничивается профессионально-военной областью.

Стратегия, это — вежливость военачальников, которой они строго придерживаются в этикете своих враждебных отношений; она ничего не стоит для того, кто хочет смотреть прямо в глаза действительности. Людендорф сражался два года на русском фронте, имея своими противниками генералов, рабски следовавших традициям; поэтому он дольше других сохранял вид стратега; как только обстоятельства привели его на наш фронт, он сейчас же понял, что война перестала быть военной игрой. Именно это он и имел в виду, говоря, что стратегические соображения казались ему второстепенными в марте 1918 г. Он излагает, таким образом, очень глубокую мысль, которой не понял совершенно генерал Бюа.

Послушаем генерала Бюа дальше: „Мы прекрасно понимаем, что в 1918 г. нужно было одержать победу над противником, фланги которого невозможно было обойти. Необходимо было, конечно, начать с тактического успеха, но при выборе направления этой атаки необходимо было иметь в виду создание такого стратегического положения, из которого вытекали бы для обороняющейся стороны тяжкие и неотвратимые последствия. Так, например, если бы французы сумели начать наступление на левом берегу Мезы и в предгорьях Аргонн, чтобы после первых тактических успехов приблизиться к области Мезьера, то, бесспорно, они заставили бы немцев эвакуировать Шампань и область р. Эны, а в силу этого и другие фронты, ибо коммуника-

ционные пути войск, расположенных в Шампани и на Эне, проходили именно через область Мезьера".

*

То обстоятельство, что после четырех лет пережитой нами войны один из вождей французской армии может сохранить в столь девственной неприкосновенности свои теоретические предрассудки, повергает нас в серьезное беспокойство.

В настоящих условиях угрожать коммуникациям противника, заставить его отступать из страха оказаться отрезанным,— все это только пустые слова. С установлением непрерывного фронта угроза обходом не может взволновать противника, он уступит только при применении, при полной реализации этого маневра. Если генерал Бюа воображает, что наше появление в окрестностях Мезьера заставило бы немцев эвакуировать Шампань и Эну, он ошибается. В течение этой войны были случаи, когда войска держались и в более парадоксальных положениях. Разве в феврале 1916 г. мы покинули Верден, когда была перерезана главная линия на Реймс? Кронпринц, в котором был еще жив дух стратега, надеялся на этот эффект. но для нас оказались достаточными извилистые ходы сообщения и одна дорога, соединявшая нас с Верденом, потому что это было необходимо. Поколебались ли немцы, попав в мешок у Сен-Мигиеля? Взволновало ли их наше почти охватывающее расположение? А железная дорога на Амьен, которая была основным коммуникационным путем англо-французского фронта, разве она не находилась в марте 1918 г. под огнем тяжелой немецкой артиллерии? Если бы немцы даже и взяли Амьен, все равно Фош удержал бы свою линию. Да и в мае 1918 г. правила, указываемые генералом Бюа, требовали, чтобы мы выпрямили свою линию, а не оставались запертыми в пространстве между двумя углублениями, выдолбленными в нашем расположении противником. Кто из гене-

ралов до этой войны рискнул бы держаться на Эне между Вик и Рибекур, в том мешке, который генерал Шерфис с полным правом сравнивал с рыболовной вершей. Немцы именно потому и вынуждены были атаковать 9 июня Фоша, чтобы заставить его поддаться на Компьен и Суассом, что он не хотел сделать этого, подчиняясь только велениям старой честной и наивной стратегии. Фош совершенно с этими велениями не считался; занятие немцами Шато-Тьерри, которое лишало его возможности пользоваться большой дорогой на Шалон, отнюдь не заставило его передвинуть свой фронт на юг от Реймса.

Было бы безумием, если бы какой-нибудь генерал, имея перед глазами подобные примеры, рассчитывал при подготовке своего плана наступления на совершенно иллюзорные стратегические результаты, ибо достаточно противнику просто опереться на непрерывный фронт, чтобы уничтожить всякую возможность маневра. Я показал выше, что непрерывный фронт, при условии, что оба противника стоят на одинаковой степени индустриальной цивилизации, сводит к нулю все военное искусство.

В настоящее время самую серьезную опасность представляло бы стремление отдельных генералов искать славы и победы за собственный счет, молчаливо подчиняясь условным правилам военного франкмасонства и восстанавливая непрерывный фронт лишь после некоторого периода маневренной войны, потому что, даже победивши в первых стычках, они были бы вынуждены восстанавливать непрерывный фронт, — к этой необходимости они придут после первого серьезного удара — в очень неблагоприятных условиях, если только им вообще удалось бы это. Никто не вправе доверять этой азартной игре судьбу Франции. Если наши военные тайно лелеют мечту о восстановлении царства стратегии, если они надеются не пускать больше в ход того метода, который был вызван к жизни условиями национальной войны и на четыре года связал их гений, пре-

вратив их в землекопов и транспортных предпринимателей, то долг всякого гражданина крикнуть им: руки прочь! Ибо, если что-либо может отвратить навсегда народы от войны, то это в первую очередь непрерывный фронт. Пусть одна из воюющих сторон, не заботясь о предохранительном наступлении и прочих славных стратегических приемах, ограничится созданием при первой опасности мощных укреплений, как можно ближе к своим границам, и соберет на них всю свою людскую силу и вооружение, и я гарантирую, что, подумав о предстоящей смертоносной борьбе и вспомнив четыре года страданий в окопах, народы поколеблются в своей решимости продолжать борьбу и подчинятся арбитражу. Но если дело начнется маневренной войной, то в ней сейчас же окажется побежденный и победитель, земля одного из народов, быть может, будет захвачена, и непоправимое свершится; борьба будет продолжаться до полного истощения всех ресурсов.

По-моему, не подлежит сомнению, что вера в достоинства стратегии, исповедуемая начальником Генерального Штаба нашей армии, свидетельствует о тайном стремлении не возвращаться к непрерывному фронту без крайней необходимости. Установление срока службы в 18 месяцев, опирающееся на необходимость создать прикрывающую армию, способную — как сказал докладчик по этому проекту — „перенести предохранительное наступление на территорию противника", есть новое доказательство того же стремления.

*

Вернемся, однако, к Людендорфу. Генерал Бюа упрекает его в плохом выборе направления атаки, исходя из того, что Сен-Кентен, его отправная база, находился слишком далеко от моря, чтобы Людендорф мог питать надежду пробиться к побережью. „Предпочтительнее было бы избрать такое направление, которое ведет кратчайшим путем

к морю. Это направление проходит через Ленс (Lens) и Сен-Поль (Saint-Pol) к устью Соммы". На это возражение Людендорф ответил еще раньше, указав, что по времени года местность между Аррасом и Ипром была совершенно непроходима. Было бы необходимо ждать апреля, а предстоящее со дня на день прибытие американцев делало невозможным дальнейшее откладывание начала наступления. Напротив, участок по обе стороны от Сен-Кентена был проходим и хуже других защищен. Мнение, формулированное генералом Бюа, ясно показывает нам, что наш Штаб не оставил своей привычки пренебрегать условиями местности и трудностями осуществления задуманного плана.

Людендорф стремится притти к развязке возможно скорее, опасаясь американцев. Фактор времени — вот главное понятие, которому он подчиняет все, — как свою стратегию, так и свою тактику. Становясь на эту точку зрения, прав именно он. Генерал Бюа развивает свою стратегию абстрактно, вне зависимости от намеченных целей; иначе он не стал бы утверждать, что лучшее направление атаки лежало через Ленс — Сен-Поль. Правда, избрав этот путь, Людендорфф с большей легкостью сумел бы достичь побережья, — в предположении, что условия местности его совершенно не смущают, — но при этом он едва заставил бы отогнуться один из флангов непрерывного англо-французского фронта: участок в 60 километров из общего протяжения фронта в 400 километров. Союзникам достаточно было опереться на устье Соммы, чтобы западный фронт был восстановлен в своей несокрушимой непрерывности, и чтобы все пришлось начинать сначала. Я знаю, что, располагая базами для своих подводных лодок, немцы могли бы значительно стеснить операции Англии. Это верно, но не следует забывать и о наличии английского флота. Однако, исход войны не мог быть решен путем взятия Калэ и Булони, а время будет

потрачено — то время, которое требуется для прибытия американцев, — прежде, чем Людендорф сумеет пожать плоды своей победы. Напротив, атака от Сен-Кентена, грозящая разрезать нашу линию на два больших куска, может вызвать полную дезорганизацию фронта. Задача состоит не в том, чтобы достигнуть моря — эта задача стояла в ноябре 1914 г., — а в том, чтобы значительно дезорганизовать наш фронт и поставить нас в невозможность продолжать борьбу. И если Людендорф на этом участке избрал в конце концов направление на побережье, то, несомненно, только для того, чтобы не увлечься слишком далеко и поставить себе конечную и ограниченную задачу в своем стремлении к неограниченным целям. Ибо не подлежит сомнению, что Людендорфф, начиная атаку, бросился в неизвестное. Накануне атаки он говорит: „К чему мы придем? Прорвем ли мы фронт и разовьем крупные операции или произведем только простую демонстрацию? Все это остается совершенно невыясненным".

А в документе, составленном для императора, он пишет: „Не нужно думать, что наше наступление разовьется так же, как развивалось наступление в Галиции или в Италии: предстоит гигантская борьба, которая начнется в одном пункте и будет продолжаться повсюду"... Эти слова показывают, что Людендорф не верит в возможность решить войну одним наступлением со строго ограниченными объектами. Он надеется притти к крупным операциям, т.-е. в процессе самой битвы создать новую ситуацию, которая в корне перевернет все условия окопной войны. Надеясь использовать смятение противника, застигнутого врасплох этой новой ситуацией, он рассчитывал добиться решительного результата.

Какова будет эта решительная ситуация, он и сам еще не знает. Но, по его замыслу, важно

начать атаку, которая не была бы ограничена определенным пространством и которую противник не мог бы локализовать. А, между тем, избрать направление Ленс—Сен-Поль и значило бы именно начать такую локализованную атаку. Людендорф прекрасно понимает, что эта атака сократит протяжение его фронта, но для него это очень второстепенный результат. Даже ценой большого риска он стремится к более высоким целям. Вот почему он выбирает центральный участок: это открывает ему более широкие возможности, т.-е. позволяет ему открыть дорогу на Париж, продвигаться к морю, разрезав коммуникационную линию между английским и французским фронтом, наконец, осуществить разрыв этих фронтов. В результате всех этих точно намеченных достижений мы должны были бы прийти к полному изменению всей нашей диспозиции, пользуясь которым он надеялся создать ситуацию, ведущую к решительной развязке. Он буквально устремляется в неизвестное и неизвестного жаждет, рассчитывая на свой гений, чтобы извлечь из этой свалки все, что возможно. Такое его настроение придает совершенно новый характер мартовскому наступлению 1918 года.

Таким образом, бесполезно рассуждать о выборе направления атаки: центр тяжести проблемы не в этом.

Расчеты Людендорфа, при всей их продуманности, оказались опровергнутыми, потому что французское командование, принося все в жертву необходимости, не считалось ни с какими принципами. Несмотря на ужасную брешь, открытую в нашем фронте, не нашлось ни одного начальника, который отдал бы приказ об общем отступлении из опасения оказаться окруженным. Мы держались везде, где можно было держаться. А туда, где отдельные части бывали захвачены, уничтожены или рассеяны, спешно бросались резервы, чтобы заткнуть зияющую дыру. Французская армия, не колеблясь, бро-

силась сломя голову навстречу противнику, чтобы заградить путь немецкому наступлению. Наши солдаты, прибывавшие отдельными группами, героически сражались, отступая, и образовывали узлы сопротивления, к которым примыкали вновь подходящие части. Укрепление фронта происходит в направлении справа налево, и любопытно, что и противник изменяет направление своей атаки в том же направлении, тщетно пытаясь найти отверстие, куда он мог бы вклиниться. Здесь начинается ошибка Людендорфа. По мере своего продвижения он теряет мужество, он забывает о своем плане создания непредвиденной ситуации, он сам намечает контуры клетки, в которую его запрут. Вся его задача заключалась в том, чтобы перейти от непрерывного фронта к какому-то разрывному формированию. Каким оно должно было быть, это формирование? Не мне ответить на этот вопрос, но ясно, что, не сумев создать диспозиции, лишающей противника возможности сомкнуть свою линию, он должен был снова очутиться перед фронтом, не имеющим флангов.

Тот факт, что на шестой день, 26 марта, Людендорф перенес направление атаки на Амьен и в направлении к морю, показывает, что, за неимением лучшего, он решил перейти к наступлению со строго ограниченным объектом, а именно этого-то он и хотел избежать первоначально. Если бы вместо того, чтобы шаг за шагом переносить свой нажим к западу по направлению часовой стрелки, что восстанавливало контур непрерывного фронта, Людендорф сохранил три свободных направления атаки, мы вынуждены были бы ослабить свою защиту, стремясь оказать сопротивление во всех направлениях. Что за беда, если группы, ведущие эти наступления, расположатся при этом веерообразно? Людендорф, конечно, не должен был бояться того, что более слабый отступающий противник сумеет произвести контр-атаку в интервалах между этими группами. 30 марта Людендорф так ясно понял свою ошибку,

что он решил снова наступать на юг в направлении между Мондидье (Montdidier) и Нуайоном, но без результатов: было уже слишком поздно. Повторяю еще раз, не мне придумать, что должен был делать нападающий. Но я считаю, что он должен был создать неожиданную и новую ситуацию, которая привела бы к полному перевороту во всех наших диспозициях и благоприятствовала бы проведению маневров.

*

Еще одно обстоятельство кажется мне ошибочным в плане Людендорфа, именно то, что он не сделал попытки начать наступление одновременно и на других участках фронта. Как широк ни был участок борьбы, он оставался ограниченным, и можно было продолжать игру в переброску сил.

По этому поводу генерал Бюа замечает: „Этот человек, который так охотно проповедывал необходимость вести не меньше двух атак одновременно, вел на французском фронте лишь одно наступление, правда, грандиозное, но тем не менее только одно. Это — его первоначальная ошибка, которая обрекала на неудачу все его гигантские попытки, если не рассчитывать на случай, на которой не имеет права полагаться никакой армейский начальник".

Здесь мы снова встречаем проявление того духа осторожности и скромности наших генералов, который не дает им возможности представить себе, что можно рассчитывать на счастливый случай. Мы встречаемся здесь также с той идеей, с которой носились во все годы войны генералы нашего западного фронта и которую они, в конце концов, не в состоянии были реализовать из-за недостатка сил; именно, с идеей о необходимости произвести сразу две атаки, одну главную и одну второстепенную. Я считаю этот упрек, поскольку он касается Людендорфа, неосновательным. Две одновременных атаки имеют смысл постольку, поскольку они создают для противника неожиданность. Искусство

заключается в том, чтобы внезапно перебросить свои силы в другое место в момент, когда противник, обманутый первой атакой, оттянет туда свои резервы. В данном случае обстановка захвата врасплох в достаточной мере создавалась новыми тактическими приемами противника. По мысли генерала Бюа смысл двух параллельных атак заключается, кроме того, в том, чтобы истощить противника до начала решительного наступления. Я обращаю внимание читателя на эту опасную доктрину, которая является почти единственным уроком, извлеченным нашими вождями из опыта этой войны. Признавая, что наступление 21 марта, не достигнув стратегических целей, привело все же к значительному истощению франко-британских сил, генерал Бюа говорит: „Можно было ждать, что главнокомандующий немецкой армией воспользуется этим, что он будет последовательно продолжать свои угрозы на данном участке фронта и вместе с тем начнет новые атаки в других местах, чтобы заставить нас ввести в бой последние французские резервы, после чего последним нажимом на слабый участок фронта — а такими будут все участки, кроме мест непосредственного столкновения — он проникнет в сердце французских позиций, где ничто уже не остановит его. Эту тактику Людендорф оказался не в состоянии применить по собственной вине. Он недостаточно щадил свою пехоту; он стремился к развязке, когда она еще не созрела; он расточительно растратил свои силы до момента жатвы, которую он уже не мог собрать".

Я прошу читателей внимательно перечесть этот отрывок из книги бывшего генерал-майора французской армии и помнить его при чтении последующих наших рассуждений.

*

Каждый генерал ясно видит ошибки другого генерала; но когда дело доходит до него самого, то он немедленно пускает в ход тот прием, который

он прежде критиковал, считая его для себя самым подходящим. Действительно, Людендорф сделал как раз то, чего требовал от него генерал Бюа 30 марта, когда, казалось, его порыв кончился, Людендорф воспользовался ослаблением боевого сектора у Бетюна и произвел 9 апреля новую атаку на этот сектор, добиваясь и на этот раз полного захвата нас врасплох. Не довольствуясь этим вторым, довольно значительным успехом, он разыграл ту же игру севернее. 16-го числа произошло наступление на Кеммель, не менее счастливое для него. Если это не значит производить все новые и новые атаки, чтобы вовлечь в бой французские резервы, то что это такое? Несчастье противника заключается в том, что вводимые нами в бой резервы не были нашими последними резервами. Из этого вытекает, согласно генералу Бюа, что Людендорф должен был продолжать свои атаки до полного истощения наших сил. Но ставить затем в вину Людендорфу, что он не сберег своей пехоты, это просто насмешка. Где, кроме школьных учебников, видно, чтобы наступающий совершенно не истощал себя? Каждый раз, как какой-нибудь генерал переходит в наступление, он оправдывает это тем, что потери при наступлении меньше, чем при обороне, между тем как его противник неминуемо утверждает, что наступающий несет огромные потери именно потому, что он наступает; он готов, впрочем, утверждать и обратное, как только ему представится случай самому перейти в наступление. В течение всей войны можно было слышать эти противоречивые утверждения генералов.

Итак, Людендорф атаковал нас в трех различных местах. Он выиграл большую территорию, но не сумел ничего изменить в стратегическом положении; он не только не истощил наших резервов, но, наоборот, серьезно потрепал свои собственные. Людендорф при этом повсюду осуществлял эффект потрясающей неожиданности, и мы в праве сказать,

что он обеспечил себе максимум преимуществ. И если, таким образом, все эти усилия не привели к иной цели, кроме его собственного истощения, и не далинастоящих стратегических результатов, то это значит, что при настоящем положении вещей, т.-е. в условиях непрерывного фронта, доктрина наступления является самой глупой из всех возможных, и что отныне провозглашение ее в качестве возможного орудия решительной победы является тяжелой ошибкой.

Я говорю — наступление, а не контр-наступление. Как мы скоро увидим, все недоразумение коренится в смешении этих двух понятий.

Считаясь с тем страшным истощением своих сил, какому подверг себя Людендорф, генерал Бюа опрометчиво заключает, что он должен был отложить свое дальнейшее наступление до мая, чтобы дать необходимый отдых своим резервам. Но к этому моменту, прибавляет он, „противник оправится в такой же мере, как и сам он". Из чего следует заключить, что, по мысли генерала Бюа, Людендорф должен был, не довольствуясь своими тремя атаками в марте и апреле, немедленно продолжать наступление, а не откладывать его до 27 мая; при этих условиях он имел бы шансы окончательно истощить наши силы и затем повести решительное наступление. Это очень ответственное утверждение, внушающее нам серьезные сомнения относительно тех способов, какими вел бы войну генерал Бюа, будь он верховным главнокомандующим. Не нужно ведь забывать нашего положения. В огромном углублении фронта, которое охватывает Нуайон, Мондидье, Морейль (Moreuil), Альбер и Аррас и во второстепенных углублениях к северу от него путь загражден чудовищным скоплением французских резервов. Противник здесь предупрежден, мощно вооружен и держится на чеку. Должен ли Людендорф без передышки атаковать эту стену, может быть и менее твердую, чем в других местах, но еще

более смертоносную? Нет, он и так атаковал ее больше, чем нужно. Должен ли он атаковать нас в каком-нибудь другом месте? Но повсюду ведь тянется укрепленная линия фронта, уснащенная пулеметами и батареями. Война все еще носит свой осадный характер. Поспеши только Людендорф с атакой, и он разобьется об эту стену. Совершенно очевидно, что ему необходимо было снова захватить где-нибудь противника врасплох для того, чтобы избежать истребления своих войск и, главным образом, для того, чтобы осуществить прорыв фронта. Однако, подготовка той неожиданности, которую задумал Людендорф, требует долгого времени. Его прием, конечно, тяжел, но зато он действителен. Нелогично упрекать Людендорфа одновременно и в том, что он не сумел сохранить свою пехоту, и в том, что он не атаковал нас раз за разом, без передышки. Может случиться, что за тот месяц, который нужен был ему для подготовки, мы оправимся в такой же мере, как и он, но для него это не имеет значения. То, к чему он сейчас стремится, это истощение нас новым способом — не истощение разрушением нашей живой силы, а истощение, основанное на ее недостаточности. Коротко говоря, Людендорф рассчитывает поглотить наши резервы, не только убивая наших солдат, беря их в плен и так или иначе выводя их из строя в процессе сражения, но и возможно удлиняя линию нашего фронта. Легко понять, что чем обширнее углубления, выдалбливаемые им в линии нашего фронта, тем больше войск нужно нам для их защиты. Это еще одна из неприятных особенностей непрерывного фронта. Когда существует неравенство в количестве живой силы у обоих противников, то это неравенство возрастает по мере удлинения фронта, ибо слабейшая сторона при этом еще больше ослабляется.

С 21 марта до конца мая Людендорф удлинил наш фронт, по крайней мере, на 200 километров.

И именно потому, что эти огромные, наспех укрепленные скважины делали нашу линию неустойчивой, мы вынуждены были набивать их войсками до отказа.

Например, для того, чтобы удерживать углубление при Шато-Тьерри, нам требовалось в три или четыре раза больше дивизий, чем раньше для удержания Шмен-де-Дам, ибо, как известно, кривая есть более длинное расстояние между двумя точками, нежели прямая. Таким образом, после каждого наступления немцев мы бывали вынуждены мобилизовать несколько лишних дивизий для обороны создавшегося углубления, что уменьшало соответственно наши резервы. В конечном счете можно усумниться в том, сумел ли бы генерал Фош собрать достаточное количество войск, чтобы остановить немецкое наступление 14 июля, если бы американцы не поспели к этому моменту. Я лично, не колеблясь, отвечаю на этот вопрос отрицательно. Несомненно, что если бы армия в 300.000 американцев не влилась к 14 июля в наши войска, то обширные участки фронта остались бы без защиты за отсутствием резервов, которые можно было бы туда бросить. А тогда возникла бы фатальная, абсолютно неотвратимая необходимость отодвинуть назад всю нашу линию, чтобы сократить длину фронта. Это и был бы тот решительный момент больших передвижений, открывающих Париж, которого так ждал Людендорф. Это было бы поражение или близость поражения из-за недостатка бойцов. К счастью, немцы своим грубым варварством заранее обрекли на неудачу свои усилия: американцы со своими свежими дивизиями полного состава прибыли во-время. В июне они сменили уже на спокойных участках фронта наши части, освободив их, таким образом, для сражения, а в июле они приняли участие в атаке в армии Дегутта, в числе около 280.000 человек. Равновесие сил было нарушено в нашу пользу, когда в игру вошел последний из противников Германии.

Однако, нужно открыто сказать, что это был провиденциальный (ниспосланный судьбой) фактор, на который никто не был в праве рассчитывать в 1916 г. И когда генерал Бюа и Генеральный Штаб строят свою доктрину о необходимости истощить все силы противника до начала решительной операции, то не свидетельствует ли это о том, что они совершенно забыли о решительном вмешательстве этого провиденциального фактора? Попытка осуществить численное истощение сил противника в условиях современной войны может удаться лишь в том случае, если предпринимающий ее обладает чудовищным превосходством сил. Мы победили не потому, что Людендорф погубил свои войска в атаках, — можно ли атаковать без потерь? — не потому, что он дал нам время оправиться в большие промежутки между его наступлениями, не потому даже, что он неудачно выбрал направление своих атак, а только потому, что в решительный момент в распоряжении нашего командования был неисчерпаемый резервуар живой силы.

Предположите, что во главе французской армии, начиная с мая 1917 г., стоит „настоящий военный", т.-е. человек, проникнутый верой в преимущества наступления. Желая изнурить врага, он произвел бы два или три мощных наступления по всему фронту, в результате чего кризис живой силы настал бы у нас не к концу мая, а к марту 1918 г. Возможно, что тогда французская армия за отсутствием резервов была бы уже не в состоянии восстановить потери, понесенные 21 марта англичанами. Францию спасла экономная политика генерала Петэна, который, едва приняв командование, понял, что в данный момент проблема сохранения живой силы становится главной проблемой. Благодаря ему у нас оказалось как раз достаточно сил, чтобы осуществить смычку с американцами. И если бы он не противился всеми силами той наступательной горячке штабов, которая охватила их с начала

1918 г. и побуждала их в силу бессмертных штабных принципов бросить нашу армию в предохранительное наступление, долженствовавшее, по их мнению, в зародыше разбить все планы Людендорфа, то роли переменились бы, ибо контр-наступление перешло бы к немцам. В своей книге „G. Q. G.—Secteur I" я рассказал уже об ослеплении большей части наших специалистов, отравленных своими принципами и потерявших чувство здравого смысла.

Стремиться к истощению противника, сделать из этого принципа догму, извлеченную из уроков войны, когда сам находишься на грани истощения и когда сам обязан своим спасением некому Deus ex machina в лице американцев, значит ясно обнаруживать, что уроки великой драмы пропали даром, без пользы. Стратег, ставящий подобные принципы во главу своей доктрины, подвергает свою страну величайшей опасности, ибо не всегда в нужный момент будет под рукой резерв в три миллиона человек.

Нужны ли еще более ясные доказательства упадка военного искусства, чем принятие этой догмы военными авторитетами?

Заметьте, что речь идет не о фиктивном истощении; нужно полное, реальное истощение, исчерпание живых сил противника, иными словами, нужно скосить миллионы человеческих жизней, прежде чем наступит то моральное истощение, которое необходимо для победы. Избиение, бойня до последнего человека — вот к чему сводится в данных условиях догма истощения противника. Но военное искусство, как мне кажется, не требует этого. Пользуясь остроумными приемами, оно стремится получить, при помощи маневров, в нужном месте и на нужное время видимое, кажущееся превосходство над противником, по существу более сильным. Так поступали некогда славные полководцы. И то, что военные не решаются больше возлагать надежд на мощь маневров, что прежде, чем они устремятся к окончательной развязке, им необходимо реальное истощение всех

человеческих ресурсов противника, находящихся перед ними, есть собственное их признание в том, что их искусству обмана нечего больше делать в условиях современной войны, где господствует реальность.

Что же касается идеи, будто можно истощить силы противника, не истощая собственных сил, то по крайней мере в тех условиях, какие имели место в последнюю войну, она, конечно, должна оттолкнуть от себя всех людей, у которых сохранилось чувство здравого смысла.

*

Теперь, поняв тот специальный смысл, который придавал Людендорф понятию истощения противника, вы будете не мало удивлены, читая недоуменные вопросы генерала Бюа по поводу немецкого наступления 27 мая на Шмен-де-Дам: „Действительно, чего добивался Людендорф этой атакой? При небольшой удаче она могла бы вывести его на линию: Эна—Вела—Реймские горы. При большой удаче, на которую он был не в праве рассчитывать, он мог достигнуть подступов к Суассону и Шато-Тьерри, Марны до уровня Дорман (Dormans), западных границ Реймских гор. Но стала ли бы от этого ближе развязка войны?“ Военным свойственно употреблять презрительный тон по отношению к противнику, когда опасность миновала. Еще у Гомера они осыпают друг друга оскорблениями: „Бабье сердце! Низкая душа! Возьми-ка лучше в руки прялку, вместо меча“, и генерал Бюа остается верным этой традиции. Но печальным я нахожу то, что он не ограничивается этим презрением, а пытается также указать противнику, что ему следовало бы делать! Это всегда опасно.

„Предположите, напротив, — говорит он, — что немцы заняли Кассель. Тогда весь левый фланг союзников — бельгийцы и англичане — вынужден был бы отступить немедленно на Кале, Сент-Омер,

Бассе (la Bassèe), образуя между этим местом и Аррасом чрезвычайно опасный выступ".

Итак, по мнению генерала Бюа, Людендорф должен был начать 27 марта наступление не на Шмен-де-Дам, где почти не было войск, а во Фландрии! Хотя меня несколько пугает необходимость противоречить начальнику Генерального Штаба, я повторяю, что план пробить брешь или даже отбросить назад крайний левый фланг западного фронта не соответствует широте замыслов Людендорфа, необходимость осуществления которых становилась с каждым днем все более настоятельной. Этот план означал бы, что гора родила мышь. Не нужно забывать, что нельзя дважды захватить врасплох Фоша на одном и том же участке. Людендорф часто поглядывал на эту заманчивую Фландрию, столь близкую к морю, но каждый раз его смущала огромная масса находившихся там резервов, и он вынужден был просить кронпринца Рупрехта подождать, пока мы не окажемся вынужденными оттянуть их оттуда. Однако, генерал Бюа, убежденный сторонник наступления, опрометчивее Людендорфа. По его мнению, достаточно броситься в атаку, чтобы добиться цели.

Неважно, что весь этот англо-французский фронт чудовищно укреплен, что войск на нем много, что начальники на чеку и нельзя захватить их врасплох; все равно, по его мнению, Людендорф должен был атаковать именно здесь. Вы не верите?

Почитайте ка:

„Представьте [29] себе, что немцы — хозяева в Амьене и угрожают Аббевиллю. Вся бельгийская и английская армия, которым угрожает опасность быть отрезанными от Франции, вынуждены были бы спешно поддаться — как они могли бы сделать это, неизвестно — в область к югу от Соммы. Вот это — тактические атаки, стратегические результаты которых стоят того, чтобы мы на них остановились. Впрочем тактические условия этих двух атак были

не так плохи, как утверждает Людендорф в свое оправдание. Правда, союзники там были сильны, но они не имели времени серьезно в этой области организоваться. Они не обладали не только позициями второй и третьей линии, но даже и серьезными позициями первой линии, а это во всяком случае благоприятно для нападающего. С другой стороны, путь, который нужно сделать, чтобы достигнуть Касселя и, главным образом, Амьена, т.-е. пунктов, опасных для обороняющегося — несравненно меньше, чем путь, пройденный немцами в марте и апреле, и несравненно меньше, чем тот путь, который на Элетте (Ailette) привел бы к последствиям такого же порядка".

Этот обманчивый мираж всегда вводит в заблуждение „настоящих военных". Нужно ли, чтобы при данных условиях Людендорф дал нам урок благоразумия, человечности? Этот короткий путь, отделяющий нападающего от моря, всегда подстегивает воинов. Как не пробиться к морю? Попробуем. Но ведь был короток и тот путь, который отделял кронпринца от Вердена, а перешагнул ли он через него? Людендорф истратил достаточно войск в своих кровавых и бесплодных атаках на Вилле-Бретонне (Villers-Bretonneux) и Ангар-ан-Сантерр (Hangard-en-Santerre) в апреле, в момент, когда фронт был едва скреплен, чтобы не возвращаться к ним, пока наше внимание — и наши резервы — не обратятся в другую сторону. Я очень хотел бы, чтобы наши начальники усвоили себе среди стольких блестящих принципов также и такой: нельзя в современной войне атаковать фронт, защищаемый многочисленными, героическими, хорошо вооруженными войсками, находящимися на страже и, что еще важнее, опирающимися на близкие резервы, — не сойдя с ума. Я прибавил бы еще к этому, что всякий начальник, который в подобных условиях отдаст приказ о наступлении, должен быть отрешен от командования.

Конечно, путь на Элетте гораздо дольше, но Людендорф проделал его с таким порывом, что он сразу очутился на Эне, на Веле и остановился только на Марне, пользуясь подготовленной им полной неожиданностью. Чего не мог ждать Людендорф, это того, что потеря Шато-Тьерри ни на волос не поколеблет состояния духа страны и Фоша. Легко понять его изумление. Восстановим перед собою картину вещей. Прорыв немцев на Марну на четвертый год войны был равносилен катастрофе. Какой народ, кроме французского, сумел бы противостоять этому громовому удару! Генерал Бюа, повидимому, не замечает, сколько чудесного в поведении Франции в этот момент. Здесь они сказываются, те невесомые обстоятельства, которые опрокидывают все расчеты! Есть ли основания думать, что взятие Амьена принесло бы Людендорфу лучшие результаты? Даже будучи отрезан от остальной линии, северный фронт продолжал бы сопротивление. Он оперся бы о побережье, образуя обширный укрепленный лагерь, поддерживаемый с моря орудиями английского флота. Это был план Петэна на случай несчастья. Я не думаю, чтобы положение Людендорфа, вынужденного разделить свои силы для борьбы с двумя противниками, было блестящим. И так как мы не оставались бы пассивными, пока он сосредоточивал бы свои усилия на изолированной части англо-франко-бельгийских войск, то он сам мог бы попасть в критическое положение. А пока что проходит время, работающее за нас. Ни с чем несравнимо тщеславие стратегов, которые не хотят признать, что военное искусство живет только условностями, и что этим условностям нет места в национальной войне, которая ведется до полного истощения ресурсов, в войне против мужественного народа, достигшего высокой ступени индустриальной цивилизации. Нет нужды спрашивать: почему Людендорф не сделал того, почему он не сделал этого? Что бы он ни сделал, он был бы

неминуемо разбит в тот момент, когда союзники овладели, наконец, единственным решительным и существенным фактором: численностью. Число есть реальный символ той реальной мощи, побороть которую — в условиях современной войны — не в силах никакая стратегия при условии равенства в вооружении. Если бы Людендорф не повиновался неумолимому голосу своей военной гордости и страстности игрока, он не бросился бы в наступление 1918 г., ибо видел бы, что оно неизбежно ведет его к гибели.

III

Беззаботный Фош

Фош принял верховное командование союзными армиями в разгар мартовского наступления немцев. Можно было полагать, что межсоюзный совет, собравшийся в Дуллансе (Doullens), чтобы обсудить необходимые меры для предотвращения этой грозной опасности, доверит ведение войны тому из генералов, который предложит лучший план. Однако, это было не так. Состояние умов не предрасполагало к углубленному изучению положения. Государственные люди, собравшиеся в Дуллансе, желали только одного: передать всю полноту власти человеку, внушающему им доверие.

Будучи по большей части людьми штатскими, они по традиции составили себе мистическое представление о военных. Их выбор ограничивался Петэном и Фошем. Петэн, холодный, вдумчивый и не предоставляющий ничего на волю случая, представил план, в котором предусматривалось самое худшее, хотя и были намечены все меры, чтобы избежать этого. Фош, возбужденный и ворчащий, говорил только о своем упорном стремлении сопротивляться и своей непоколебимой уверенности в успехе: „Когда хотят держаться, держатся: они не пройдут!“ Все афоризмы, которые он изрек, не идут в своей мудрости дальше этого. По словам лиц, присутствовавших там, он прибавил к этому еще следующие странные слова:

„Победа, это — монета, которую нужно чеканить ударами кулака", и, подкрепляя свои слова жестом, он поражал пустоту бешеными ударами. Об этом рассказывал мне Г. Лушер, и на его выразительном лице отражалось беспокойство этого трагического часа.

При воспоминании о жесте Фоша он воодушевлялся: „Вот это вождь! — сказал он, — мы все приободрились, слушая его". В большой опасности люди повинуются только голосу чувства, мозг становится ненужным придатком.

Я ни разу не видел портрета Фоша, который походил бы на действительность. Когда он достиг высшей славы, то о нем составилось представление, соответствующее тому образу, который мог составить себе богато одаренный народ о верховном командующем союзных армий. Его назначение генералом над генералами повлияло на народное мнение; в нем хотели видеть только мозг, некую квинт-эссенцию стратега, своего рода математического гения, намечающего на карте грандиозный стратегический маневр, в который неизбежно должен попасться Людендорф, как муха в сеть паука. Его образ укрепил то честолюбивое представление, которое составили себе народные массы о военном искусстве, и многие представляют себе французскую кампанию, как нечто вроде решительной шахматной партии между Фошем и Людендорфом. Ничего не определяя точнее, они дают понять, что в этой партии наносились великолепные удары, в результате которых немцы получили шах и мат. Мы не последуем за ними на этом поприще метафор. Если Фош и верил некогда в стратегию, то теперь, после блестящей победы, которую он одержал, он уже не может питать этой веры. Я знаю, как обманчивы тексты; сколько историков пыталось найти в курсах военной академии ту доктрину, которая принесла Фошу победу. По их мнению, все события были предначертаны, поскольку эта доктрина существо-

вала. Но на самом деле был только непрерывный фронт, разрушивший все понятия наполеоновской войны, как карточные домики. Чтобы постичь внутреннюю сущность этого великого человека, мне достаточно вспомнить одного офицера из главной квартиры, который, по словам его товарищей, исключительно удачно изображал оригинальную и живописную фигуру Фоша. Не нужно представлять себе этого всегда мужественного и возбужденного гасконца в роли холодного калькулятора: он всегда за делом, всегда напряжен, даже тогда, когда он отдыхает и прогуливается по комнате, разражаясь водопадом быстрых слов, напоминающим стрельбу из пулемета, ошеломляя собеседника градом коротких фраз, необычайно сжатых, и, сказал бы я, апокалиптических. Кто из его офицеров, кроме генерала Вейганда, умел сразу разобраться в этих изречениях, которые генерал извергал с какой-то добродушной грубостью? Те, кто были свидетелями его объяснений на местности, могли бы рассказать о его быстрых поворотах, о том, как танцовало кэпи на голове, о его внезапных паузах, о неожиданных выпадах, о мистических жестах, подчеркивающих странные слова. Они могли бы рассказать, в какое глубокое изумление повергали всех присутствующих эти парадоксальные и странные манеры, над которыми они часто втихомолку смеялись. Из этого ясно, что Фош мыслит проблесками, внезапными откровениями, как поэт, а не как математик, разматывающий осторожно от звена к звену цепь своих размышлений. Чтобы точнее охарактеризовать его психологию, нужно сказать, что возникающие в его мозгу образы, это — образы мускульные; они напоминают те схемы нападения и обороны, которые могут возникнуть в мозгу льва, готовящегося к прыжку на свою добычу, размеривающего расстояние и мгновенно соображающего, куда вонзятся его когти и зубы. Быть может никто не воплотил в себе в такой мере, как он, тип воина, который всегда

представлялся мне импровизатором и, притом, человеком действия в том смысле, в каком принято теперь противопоставлять этот тип человеку размышления. У Фоша замысел и реализация его не представляют двух раздельных процессов мышления, они сливаются в один. Более того, замысел, т.-е. наметка действия, у него властно предопределяется действием. Он является исключительно человеком борьбы, в том смысле, что мозг его пробуждается и приобретает свою полную мощь, едва лишь он поставлен в необходимость действовать. Его план обрисовывается не в мозгу, не абстрактными словами, а в руках. Его напряженные мускулы неумолимо диктуют ему жест, предопределяющий тему маневра. Сотрудникам Фоша была хорошо знакома эта особенность их начальника, и большей частью случалось так, что жест освещал слова, приходившие после него и остававшиеся непонятными из-за их обилия.

*

От человека подобного темперамента нельзя ждать, чтобы он был одинаково силен в подготовке и осуществлении плана. А раз так, то нельзя искать объяснения его поведению в какой-нибудь доктрине, ибо это поведение определялось в каждый данный момент особенностями боевой обстановки. Ценность такого вождя, по моему, заключается в умении забыть о своей доктрине, когда этого требуют обстоятельства. Действительно, современная битва, развертывающаяся на непрерывном фронте, не подчиняется правилам древней стратегии. Попытки снова заключить ее в эти рамки представляют собой перенесение вопроса в абстрактную область; это перенесение, очевидно, чревато большими опасностями, ибо обстоятельства могут оказаться в расхождении с теоретической темой. Фактически современная битва представляет собою столкновение двух грубых сил: более тяжелая масса заставляет согнуться другую.

Единственная защита состоит в том, чтобы не поддаваться этим сокрушающим ударам; здесь-то и проявляет свое влияние моральная сила. Весь гений Фоша в том, что он сумел бороться четыре месяца против Людендорфа; его сердце непоколебимого патриота не принимало никаких соображений, кроме того, что нельзя уступать противнику. Почти несомненно, что в известные моменты он — к счастью — полностью забывал о том, в военном искусстве, мастером которого он слыл. Для него не имели никакого значения все незыблемые принципы, ибо он стоял лицом к лицу с действительностью. Пусть другие заботятся о том, чтобы их не окружил противник, его это не касается. Держаться на своих позициях всюду, где это возможно, возвращать удар за удар, „убивать бошей", по его любимому выражению, — другой тактики он не признает. Противник прорывает его фронт, он этот прорыв затыкает. Пусть противник углубится на 20—30—40 километров. А дальше что? Тем хуже, если выдолбленное углубление будет обширно, если оно привяжет много войск, если оно создаст опасное положение; он не заботится ни о том, чтобы сократить фронт, ни о том, чтобы перенести оборону назад, на лучшие позиции. Это боксер, сцепившийся грудью с противником и наносящий, сжав зубы, удары до изнеможения.

Знаете ли вы, чего он ждет так упорно? О, это не что-нибудь невесомое. Он ждет момента, чтобы в свою очередь нанести удар, т.-е. атаковать. Любопытно, что при этом он не подготовляет никаких ученых маневров. Изучение его приказов обнаружит только передвижения войсковых частей, продвижения и отступления отдельных дивизий, это — точная бухгалтерия, учитывающая огромный расход людей, вызываемый ситуацией. Во всем этом нет и намека на план.

Тем не менее, одна стратегическая идея у него есть. Именно: жизненный узел фронта, это — точка

соединения франко-британских армий, этот пункт нужно оберегать какой угодно ценой. Эта упорная, непоколебимая идея несколько раз ставила Фоша в затруднительное положение, ибо она скрывала от него настоящее положение вещей. Он дает загипнотизировать себя этим участком фронта, и Людендорф пользуется этим, чтобы захватить его врасплох в других местах. По моему, эта идея не была достаточно обоснованной. Это — абстракция, представляющая, быть может, известную ценность с теоретической точки зрения, но теряющая всякую силу при перенесении в действительность. Командование создавало себе за это время не мало таких абстракций, пытаясь осмыслить бесформенную материю, которую ему надлежало охватить, но каждая из них оказывалась в конце концов эфемерной. Чем диктовалась необходимость считать жизненным узлом фронта тот пункт, где французские войска смыкаются с английскими, после того, как было осуществлено единство командования? Разве наши резервы не поддержали английские войска после апрельских атак противника на Лис? Разве на остальных частях фронта английские войска не занимали позиций бок-о-бок с нашими? С этой точки зрения, был не один жизненный узел фронта, а десять, ибо, по крайней мере, в десяти местах наши полки находились в соприкосновении с английскими. Если бы Людендорф сумел перерезать нашу линию у Амьена, то северный ее участок содержал бы англо-франко-бельгийские войска. Таким образом, опасность, что английские войска будут предоставлены самим себе в случае прорыва, не имела места. Строго говоря, этот принцип, принятый Фошем, был для него только предлогом, чтобы выбрать себе определенную линию поведения. Не зная, куда перенесет свои атаки противник после наступления в марте-апреле, он рисковал растеряться и заблудиться в противоречивых предположениях. А, между тем, простота планов создает

в начальнике решимость и твердость мыслей. Не имея достаточных резервов, чтобы повсюду укрепить свои позиции, должен ли был он разбросать их маленькими партиями по различным уязвимым участкам фронта? Мог ли он тщательно взвесить все слабые и сильные места столь обширного фронта? Это был бы плохой метод, который смутил бы его и поддерживал бы в нем беспокойный дух тревоги. Я вижу, как Фош подымает плечи резким движением и заявляет: „Людендорф будет атаковать там, где должен атаковать настоящий стратег". Созданный им принцип жизненного узла несомненно избавил его от необходимости бросаться в стороны, но этим его роль и ограничивалась.

*

Этот произвольный выбор вообще — в духе того удивительного вождя, который в большей мере подчиняется своим мускульным рефлексам, нежели руководится размышлением. Несмотря на то, что он был теоретиком академии, его презрение к доктринам доходило до пределов, поистине удивительных. В последний период войны его советы правительству живо напоминали мне его странную жестикуляцию во время объяснений на местности. Он никогда не интересовался проблемой тяжелой артиллерии и не принимал участия в кампании за усиление снабжения армий орудиями и снарядами. В начале 1918 г., когда Петэн, опасаясь атаки объединенных немецких сил, хотел подготовить общественное мнение к отступлениям, неизбежным при эластической обороне, он наткнулся в кабинете Клемансо на поразительное сопротивление. Мы будем держаться на месте — говорило министерское сообщение — и, стало-быть, нет нужды готовиться к каким бы то ни было отступлениям. Кто же, кроме начальника генерального штаба, военного советника правительства, мог внушить Клемансо подобное решение? А начальником генерального

штаба был в ту пору, как известно, Фош. Роберт де Боплан, который был одним из делегатов газеты „Matin“, принимавших участие в знаменитом „Восточном перелете“, открывшем Франции чудеса ее авиации, рассказывал мне о поразительной беседе, которую он имел в конце этого триумфального испытания с генералом Фошем, командиром XI корпуса. На равнине Мальзевиль, когда весь состав экспедиции возвращался к экипажам, Фош взял его под руку и сказал: „Все это, видите ли, только спорт, но для армии самолет это ничто“. Эти слова бросают свет на исключительно военный строй его мыслей. Несмотря на прогресс техники, начальник, как и в первобытные времена, остается тем, у кого быстрая рука, тяжелый кулак и наступательная стремительность. Теперь, когда он не должен больше лично бросаться в схватку, чтобы увлечь своим примером войска, он не оставил своего увлечения рукопашной битвой. Поэтому-то ему и подозрительна машина, заменяющая собой человека. Наука, примененная к военному делу, прежде столь простому и ясному, внесла в него столько усложнений, что она парализует в некотором роде волю начальника. Что остается от способности вождя увлечь в бой войска, когда между ними и начальником становится пишущая машинка и телефонный провод, когда необходимость заставляет его поместить свою ставку на 40 километров позади линии фронта? Войска ускользают из его рук и из-под его влияния, и никто из генералов не может считать себя достаточно популярным, чтобы надеяться наэлектризовать своим отдаленным присутствием огромную массу современной армии. Прямое командование сменилось косвенным, и это уничтожило то магнетическое влияние, которым, предполагалось, были одарены прежние великие полководцы. Это влияние теперь может проявляться только по отношению к высшим кадрам начальников. Что же означает теперь формула: управлять битвой? Пока

известия доходят со ступеньки на ступеньку к начальнику, они стареют на четыре часа; поэтому принятое начальником решение относится к ситуации, которая могла за это время десять раз перемениться. Генерал, который отдал бы себе ясный отчет в той, так сказать, абстрактной роли, на которую осуждают его условия современной битвы, и понял бы тщетность попытки управлять столь грандиозной борьбой, перестал бы верить в свою власть; он стал бы в большей степени фаталистом, чем всякий мусульманин. Иллюзия, будто он сам участвует в битве, проникает все его существо. Битва создает в нем живое мускульное напряжение. Святая Лидвиния из Шидама ощущала, говорят, в своем изнеможенном теле страдания тех больных, которых она лечила. Я убежден в том, что и Фош представляет себе акт командования как сжатие мускулов, когда противник наносит удар, и их энергичное расправление в момент своего выпада. Эта любопытная способность отождествлять себя с исполнителями приводит его к чрезвычайному упрощению его роли начальника. Один из офицеров, который был с ним во время наступления немцев во Фландрии, рассказывал мне, как он влетал в штабы с напряженной фигурой, собрав в комок все свое тело, жестикулируя и бросая отрывочные слова. Одному генералу, который с тревогой сказал ему: „Мои войска поддаются под численностью противника, мне нужны подкрепления, или я ни за что не отвечаю“, он ответил, рассекая воздух энергичным жестом: „Атакуйте“. „Но...“,— сказал генерал. — „Атакуйте“, — ответил Фош. Генерал пытался настаивать. „Атакуйте, атакуйте, атакуйте“, — бросил Фош, вылетая, как порыв ветра. Заряженный подобно электрической батарее свирепой энергией, он бросился в другие места возбуждать во всех энергию, поддерживать колеблющиеся войска. Этот настоятельный приказ „Атакуйте“ обнаруживает тот глубокий скептицизм,

который наш герой питает по отношению ко всей сумме правил, составляющих военное искусство. Он нигде не проявил в такой мере этого скептицизма, как в кампании за Францию, где вся его роль сводилась к принятию атак противника, без заботы о том, что будет дальше. Людендорф, в конце концов, потерял свою выдержку, столкнувшись с этим великим упрямцем, которого ничто не могло поколебать и который держался в самых парадоксальных положениях. Он мог бы еще понять, если бы к этим приемам войны прибег генерал-самоучка, выдвинутый народными массами, поднявшимися против насильников. Но достойно удивления, что одно из светил Военной окадемии, выдающийся теоретик, смелый ум, знакомый с идеологией и сущностью военного искусства, отказался от интеллектуальной точки зрения на события и ограничил свою задачу „убийством бошей", как сам он любил говорить.

Людендорф тоже понял после 27 мая, что ему нечего делать. Сколько бы он ни делал глубоких прорывов в чувствительных местах фронта, ему никогда не добиться стратегического отступления противника. Тем более, что его порыв ограничен, поскольку он сам является рабом своего тыла. Он сразу обнаружил, что его собственная позиция теперь рискована. Это судьба нападающего: тот, кто обходит противника, подготовляет свое собственное окружение. Внезапно Людендорф задался целью прогнать нас из мешка на Эне, где мы оставались с великолепной неосторожностью, но откуда мы угрожали его флангу. Это и есть атака 9 июня на фронт Мондидье — Нуайон, связанная с наступлением к западу от Суассона с очевидной целью связать оба эти углубления прямой линией, проходящей через Компьен и Вилле-Коттере (Villers-Cotteret). Времени у него было так мало, что главнокомандующий германской армией не принял никаких мер предосторожности. Отказавшись от сюрпризов,

он подготовлял свои атаки под открытым небом, собирая с лихорадочной поспешностью отовсюду войска и материалы, надеясь, быть может, что мы не ждем этого и что Фош, подчиняясь условной мудрости, осуществит добровольно желательное ему выпрямление, к тому же сокращающее длину фронта. Русские генералы в такой степени приучили его к этим маневрам, что ему простительно было надеяться на это. Однако, Фош не только не шевельнулся и выдержал все атаки немцев, но и сам перешел 1 июня в контр-наступление на линии Матца (Matz). Людендорф не настаивал. Его принцип: не упорствовать там, где его ждут. Он обращает все свои усилия на подготовку третьей и последней из своих лавин, которая должна была дать ему решительный успех, сокрушив наш фронт. Участок для наступления был выбран удачно, по обе стороны Реймса. Несмотря на свое стремление покончить поскорее, Людендорф должен потратить не меньше месяца на подготовку своего замысла. Уверенный в себе, он до последнего момента надеялся захватить нас врасплох. Если бы на его долю выпал такой же успех, как в марте и мае, то Реймская гора, Эперней (Epernay), Шалон на Марне были бы ими захвачены. Что бы Фош ни делал, он не сумеет на этот раз удержаться в таком рискованном положении. Весь восточный фронт должен будет передвинуться на линию Верден-Бельфор. Мы знаем, что Людендорфа ждало жестокое разочарование. Мы поджидали его как раз на избранном им участке. Тактика, задуманная Петэном и осуществленная генералом Гура, предусматривала эвакуацию Шампанских гор. Артиллерийская подготовка противника ударила впустую, и когда волны наступления докатились до линии, занятой нашими мощными силами, они были разбиты ураганным огнем. Уже 16 июня Людендорф прекратил операции своей левой армии; правая же армия, которая сумела переправиться через Марну и несколько про-

двинуться, встретила ожесточенное сопротивление. В то время, как она истощала свои силы в бешеных атаках, наше контр-наступление, начатое 18 июня, смяло фланг, который противник открыл нам между Эной и Марной. Положение переменилось. Это было началом отлива, ибо к э ому времени американцы уже дали нам численный перевес. С этих пор Людендорф, вынужденный занять оборонительное положение, не переставал отступать. Он очищал одно за другим все занятые им углубления в линии фронта, но отступление его на этом не кончилось.

*

Когда бросаешь взгляд на общую карту операций, то возникает мысль, которая характеризует всю кампанию за Францию: это мысль об обширном приливе, за которым следует еще более обширный отлив. С 21 марта по 17 июня волны немецкого наступления угрожающе поднимались. Наши линии были затоплены, стены обрушились, все ограды были снесены, разнузданные волны захлестывали всю нашу систему обороны, которая была серьезно скомпрометирована. И внезапно вражеское наводнение остановилось в момент крайнего своего напряжения, отступило, сперва медленно, затем все быстрее и быстрее, очищая залитые земли под мощным напором наших победоносных войск. Никакая сила в мире не могла бы остановить этот гигантский отлив, предопределенный законами тяжести. Смысл этого двойного движения совершенно ясен нам. Правила стратегии, основанные на иллюзии и искусственности исчезли, чтобы дать место новой стратегии, упрощенной и более честной. Как море и звезды, война подчиняется физическим законам: равные силы взаимно уравновешиваются, когда же одна из этих сил возрастает, равновесие нарушается. Это не просто образ, а существеннейшая реальность. Если можно так выразится, победа достается более тяжелой стороне, той, за которой

перевес в мощности, включая в это понятие и материальную и моральную силу. До сих пор военное искусство пыталось ниспровергнуть законы природы и уравновесить массу хитроумными приемами, пользуясь парадоксом, в котором сказалось все обычное тщеславие человека. Какую помощь могут принести эти приемы в современной войне, где каждая нация разворачивает всю свою реальную мощь? Мы не хотим пренебрегать моральной силой и принимать в расчет только физические элементы проблемы, но одно дело рассчитывать на высокое воодушевление народа, который хочет жить, другое — безгранично полагаться на мощь разума, изощренного в военных хитростях. Моральные силы участвуют в войне наряду с физическими, они представляют собою отражение закона тяготения в душе человека, но является ли моральной силой та вера в непогрешимость наступления, которую наперекор реальности проповедывала Военная академия?

IV

Контр-наступление как стратегия миролюбивых народов

Нам, отделенным от этой кампании во Франции большим промежутком времени, смысл ее представляется совершенно ясным. Но был ли он так же ясен действующим лицам этой борьбы? Чтобы поставить вопрос возможно яснее, спросим себя: Различал ли Фош с самого начала законы этого прилива и отлива? Были ли ему ясны очертания той проблемы равновесия сил, которую ему предстояло разрешить? Была ли его дальновидность равна его темпераменту? Эти вопросы имеют исключительную важность. Все будущее наше зависит от той интерпретации, какую мы дадим французской кампании.

Четырехлетняя война распадается на три периода. Первый, который я назвал бы архаическим, охватывает время от мобилизации до битвы на Изере; второй, переходный период, хаотический и бессистемный, охватывает операции 1915, 16, 17 годов; наконец, третий период, имя которого должно было бы означать: тот, который грядет, намечает схему будущих войн, это — битва за Францию.

Казалось, что война, раньше неограниченно расползшаяся в пространстве и во времени, внезапно сжалась, ограничилась. Восемь месяцев, которые она еще длилась, составляют единое целое, каждая часть

которого связана с общим результатом. Гениальный мозг, располагающий всеми данными задачи, мог бы заранее предсказать ее решение. Не нужно забывать, однако, что никто из противников не располагал этими данными; каждый должен был ограничиваться предположениями в той части, которая касалась другого.

В рассказах официальных военных историков мы встречаем уже эту легендарную тему о битве за Францию, которая пробивает себе дорогу среди сотни противоречивых комментариев. Вот эта тема: подвергшись нападению врага, превосходившего его численностью, и будучи вынужден отступать, Фош употребил весь свой гений, чтобы не дать сломить себя; он терпеливо выжидал момента, когда противник истощит свои силы и обнаружит признаки слабости; этот момент должен был совпасть с прибытием американских войск. Тогда, имея фактический перевес, он одним мощным порывом перешел в контр-наступление, и вот победа у его ног. Гений заключается в умении ждать долго; какого же гения требовало это выжидание в течение четырех месяцев? Я не знаю среди вещей интеллектуального порядка ничего более возвышенного, чем этот ясный сценарий, ограниченный, как и сценарий битвы на Марне, простыми и четкими контурами. Но критика, прощупывающая своим острием швы этой пьесы, обнаруживает в ней странные пустоты, какие-то разрывы сплошности. Предначертанность всего плана есть лишь иллюзия, навязанная умом, любящим ясность и связность. В действительности мозг, приведший в движение всю драму, не отдавал себе в ней столь ясного отчета, и сама драма развертывалась, если приглядеться к ней поближе, в известной мере по воле случая. Как все вещи, созданные волей человека, она несет на себе следы нашей слабости и ограниченности нашего кругозора. Гении действия, именно в силу того, что они имеют соприкосновение с реальностью, что материалом им служат живые

существа, беспрестанно встречают силы, противодействующие их воле. Только гении мысли могут свободно воплощать свои грезы. В их творениях мы восхищаемся их господствующей волей. Симфония Бетховена, это — его душа, проектированная в звуки. Но битва за Францию, это — душа Фоша, преобразованная и переделанная безграничным детерминизмом вещей, подчиняющихся столь секретным законам, что никто не в состоянии управлять ими. Отсюда и вытекает для гениев действия необходимость заручиться счастливой помощью случая или, по крайней мере, уверенностью в том, что он не будет враждебным. И тот факт, что человек, предназначенный к великим делам, питает эту уверенность в благосклонности к нему случая, есть отпечаток его гениальности. Некоторые из них бывают так преисполнены верой в свою удачу, что совершенно полагаются на слепую волю, управляющую миром, будучи уверены, что им не придется в этом раскаяться.

В этой войне выдающиеся личности, те, кто не верил, что судьба есть полновластный хозяин, и гордо полагался на свои расчеты, получили жестокие уроки. Слишком доктринерский ум похож на упрямую планету, которая не захотела бы повиноваться закону мирового притяжения: он хочет заменить своим порядком существующий порядок вещей. Доктринеры, это — великие люди, заранее обреченные на поражение. При некотором внимании мы увидим, что высшая добродетель победителей это, быть может, их скромность, а их наиболее драгоценное качество — беззаботность. Из всех людей они меньше всего подчиняются закону причинности; даже абсурд не смущает их, если он им полезен. Их можно было бы с полным правом назвать „предпринимателями случая“. Существуют и народы, коллективно одаренные такими качествами, и это исключительно славные народы. Франция, которую сатирики изображают обычно в виде

капризной женщины, принадлежит к их числу. Ее враги не разглядели, что переменчивая и капризная она всегда сообразуется с волей судьбы, повинуясь ее темным указаниям с легкостью магнитной иглы.

Поэтому, когда я стану искать в битве за Францию те же противоречия, те же непредвиденные обстоятельства, какие мне удалось обнаружить в битве на Марне, не думайте, что я делаю это, чтобы предать проклятию виновников и уменьшить их заслуги. Я слишком хорошо знаю, как нужно оценивать гениев действия, чтобы требовать от них той же логической строгости, как от гениев мысли. И, тем не менее, взвесив долю их личного участия в деле спасения родины, мы должны снять ту часть их лавров, которая принадлежит гению-хранителю нации. Хорошо было бы также, чтобы земное имя героя, связанное с некоторыми победами, имело отныне символическое значение, стало обозначением некоторой анонимной коллективности, представителем которой перед потомством является он.

*

Исследуя битву на Марне, мы не видим, чтобы у Фоша мысль определенно господствовала над действием. Кажется, что его мысль не в состоянии охватить целиком всю эту схему приливов и отливов и измерить их размах. По крайней мере, одно понятие оставалось для него неясным, — понятие времени. Иногда можно подметить некоторое расхождение между его мыслью и той реальностью, которая вызывалась обстоятельствами. Его темперамент говорит громче, чем разум, и, повидимому, находится с ним в противоречии. Бойцу, который весь проявился в своей мимике в Дуллансе, трудно сдерживать свои властные рефлексы. Формулы, которые он ввел в моду при преподавании в военной школе, свидетельствуют об этой несравненной стремительности. Победа равносильна воле к ней, или лучше: победа равносильна моральному превосходству у победителя и мо-

ральной депрессии у побежденного. Это— обоюдоострая формула, которая может привести к победе или к поражению, смотря по тому, кто ее применяет. Она должна остаться неразрывно связанной с именем Фоша, но нужно остерегаться обобщать ее в военном воспитании, не смягчая ее понятием о материальных силах, так как иначе мы рискуем создать школу неосторожности и несчастий. Это нужно резко подчеркнуть. Маделен мог писать; что „битва 1918 г. была актом веры, основанным на конечном превосходстве моральных сил", но мы видели уже достаточно ясно, что акт веры нуждается в решительный момент в поддержке материальной силы. В современной войне не может быть победы без этого условия. Этой идеей нужно глубоко проникнуться.

Однако, эта современная война так основательно потрясла все военные правила, что можно задать себе вопрос, в какой мере самые великие военачальники сумели к ней приспособиться. Битва, как я показал, не может быть до конца предусмотрена: в ней всегда остается в большей или меньшей мере хаос. Последствия не всегда строго соответствуют причинам, как в мире мертвых вещей. Повсюду, где мы имеем дело с живыми существами, нет возможности предусмотреть, в какой мере их индивидуальная воля заставит события отклониться от намеченного пути. Таким образом, победа это — только некоторое приближение, сумма разно направленных сил, среднее из нескольких движений. Гений действия неизбежно должен к этим уклонениям приспособиться.

Когда знакомишься с военными принципами генерала Фоша и сопоставляешь их с условиями современной войны, то поражает одновременно и несоответствие между ними и какая-то любопытная согласованность. Вот главнейшие из этих принципов в изложении Луи Мадлена: „Наступление дает победу, но это наступление всегда должно иметь

форму маневра. Чтобы обеспечить этот маневр, формировать без устали резервы; чтобы завершить свой успех, использовать до конца все резервы. Если противник атакует, держаться на месте, но с решимостью перейти в наступление при первой возможности. Выждать момент, когда противник откроет свой фланг, напасть на него и сейчас же начать маневрирование". „А когда маневр начат, то нужно продолжать его всеми силами, не давая противнику отдыха". „Чтобы заставить противника отступить, нужно пойти на него; чтобы выиграть позиции, чтобы занять его место, нужно дойти туда".

Во всем этом, очевидно, есть та решимость не применять правил военной игры, которая характеризует все поведение Фоша со времени мартовских и майских атак немцев.

Фош смеется над угрозами окружения, над намеченными обходными движениями, над учеными и продуманными передвижениями, которых было достаточно, чтобы повлиять на стратега старой школы. „Нужно дойти туда", говорит он, и это наглядно свидетельствует, что для того, чтобы заставить его самого отступить, нужно суметь подойти к нему.

Но в остальном я вижу здесь господство догмы наступления, которая, впрочем, здесь смущает меня гораздо меньше, чем в других случаях, ибо она основана на необходимости совершить акт, несущий победу. „Чтобы дойти туда", нужно атаковать, это само собою разумеется. Если термин наступление означает атака, то все прекрасно. Мы можем принять правило: для того, чтобы кончить войну, войска должны схватиться грудь к груди. Но мы знаем из исследований, которыми военная школа окружила это магическое слово, что оно имеет другой смысл. Взять в свои руки наступление значит, прежде всего, броситься на противника, предупредить его и двигаться прямо на него, какое бы поло-

жение он не занимал, всеми силами, чтобы пресечь его собственный порыв, ибо наступление это—лучшая оборона. Когда человек, на которого напал злоумышленник, возвращает с лихвой наносимые ему удары и, в конце концов, побеждает своего врага, то это еще не делает его нападающей стороной. Нападающий, очевидно, это тот, кто начал. Согласно учению этой школы, взять в свои руки наступление значит стать нападающей стороной, в силу убеждения, что первый атакующий имеет наибольшие шансы ошеломить противника. Так как побеждает тот, чье моральное состояние лучше, то деморализовать противника бешеной атакой—значит занять позицию победителя.

Я не отрицаю, что эти аксиомы часто оправдывались в прежней войне, но непрерывный фронт и мощь современной военной техники разрушили их до основания. Отныне, пока не будет доказано противное, нужно считать, что при равном вооружении и мужестве нападающий берет на себя самую трудную и неблагодарную задачу. Хотя первый толчок и дает ему неизбежно выигрыш территории, но ему приходится впоследствии очень дорого расплачиваться за это. Нужно помнить еще, что если только нападающий не сумеет создать обстановки полной неожиданности, то обороняющемуся достаточно отступить на несколько километров, чтобы дезорганизовать атаку и сделать ее убийственной для нападающего. Более того, поскольку современная война использует необозримые ресурсы наций, постольку необходимо рассчитывать на фактор времени. Если придерживаться образования непрерывного фронта, то никто не может рассчитывать закончить войну в несколько дней при помощи удачной атаки в начале кампании. Таким образом, принять догму наступления это значит обречь нападающего на бесконечный ряд атак, если он захочет сохранить за собою инициативу в операциях и нажим на противника. Мы видели это на своем

примере в течение трех лет, мы видели это на примере Людендорфа в продолжение четырех месяцев. Не подлежит сомнению, что совет Фоша „без устали формировать резервы“ плохо вяжется с необходимостью длительного наступления и больше соответствует тактике обороны, возобновленной, воссозданной Петэном со времени немецкого наступления 16 июня 1918 г.

В кампании за Францию мы видели, как Людендорф каждый раз бросал в горнило войны свежие дивизии. Несмотря на неравенство сил, именно он истощался наиболее быстро. Три сотни спартанцев Леонида сумели бы долго удерживать всю громадную персидскую армию в узком Фермопильском ущельи, если бы их не погубило предательство. Непрерывный фронт всегда более или менее напоминает Фермопилы. С другой стороны, эшелонирование обороны в несколько рядов лишает нападающего возможности опрокинуть одним сильным толчком все силы противника; напротив, так как сам он вынужден собрать свои силы, чтобы пробить себе путь, то он подставляет свои скученные войска под удары противника, отошедшего на вторую линию позиций. Тот, кто ждет возможного нападения, находясь под прикрытием своих линий, находится в известной мере в положении охотника, подстерегающего дичь. Чем дальше, впрочем, тем больше будут совершенствоваться средства наблюдения, что сделает невозможным захват противника врасплох. Нигде не было отмечено, что в последнюю войну план обороны находился под влиянием ошибок, сделанных в начале кампаний. Долгое время считалось необходимым держаться на первых линиях позиции и сосредоточить там как войска, так и материальные средства обороны. Это давало нападающему шансы первым ударом дезорганизовать всю защиту противника. Лишь позже заметили, что нужно поступать наоборот. Нет больше возможности наступать, если оборонительная система построена так, что главная позиция

находится на несколько километров позади подготовительной зоны, т.-е. если противник уверен в том, что он натолкнется на нетронутую массу обороняющихся именно в тот момент, когда он сам будет у пределов своего толчка. Приятно это или неприятно, но наука, усиливающая с каждым днем материальные силы войск, работает в пользу обороняющихся. Стать нападающим, это — ото дня ко дню все более и более трудная задача. Подумайте к тому же, что всякий устремляющийся вперед теряет по мере продвижения свое материальное превосходство, так как он удаляется от своих баз снабжения. Напротив, обороняющийся приближается к своим базам.

Подобные аргументы неотразимы. Всякой армии, которая занимает непрерывный фронт, выгодно дать противнику возможность проявить свой наступательный дух и ограничиться обороной в ожидании удобного случая самой устремиться вперед. Этого никогда не хотели признавать теоретики наступления. Я рассказал в своей книге: „G. Q. G. — Secteur I“ о том, как перед мартовским наступлением немцев в 1918 г. один очень известный генерал предложил мне набросать план кампании в прессе, которая заставила бы Петэна перейти в предохранительное наступление, долженствующее дезорганизовать наступление противника. Тысячи профессиональных офицеров разделяли его мнение. Достаточно бросить общий взгляд на историю кампании за Францию, чтобы понять как безумна была эта вера.

Действительно, четыре месяца инициативы Людендорфа показали, что раз существует непрерывный фронт, то никакое наступление, даже доведенное до высшей степени совершенства, не может привести к развязке. Напротив, поскольку по мере развития своих успехов Людендорф выходил из укрепленной зоны, поскольку он наспех устраивал свои окопы в поле и не мог требовать от утомленных войск, чтобы они снова достаточно глубоко окапывались,

постольку в результате этого у него получались на значительных участках очень сомнительные позиции. Подобная ситуация остается незамеченной, пока нападающий сохраняет свою инерцию, а противник его, в постоянном страхе перед атакой, думает только об обороне. Но достаточно такому положению затянуться, и неизбежно сторона, подвергшаяся нападению, если дать ей время, соберется с мужеством и волей, и неизбежно, что, собравшись с волей, она сделает попытку использовать сомнительное положение, в котором находится противник. Именно это и не преминул сделать генерал Фош.

*

Как, однако, смотрел великий вождь на детали стоявшей перед ним задачи. Станет ли он выжидать, пока наступят все необходимые ему условия? Нет, мы видели, что его доктрина требует, чтобы обороняющийся перешел в наступление при первой возможности. Этому он предавался беззаветно. Едва лишь стихла буря 21 марта, как он уже начал помышлять о наступлении. Луи Маделен рассказывает, что „у Амьенского углубления уже подготовлялось наше контр-наступление, когда внезапно, вернувшись 9 апреля из Бретейль, куда он ездил, чтобы переговорить об этом с Фошем, сэр Дуглас Хег узнал, что его фронт во Фландрии был атакован, и все было снова поставлено под вопрос".

И, однако, какие надежды можно было возлагать на наступление в том месте, где противник заведомо обладал большими силами и притом тогда, когда он располагал еще таким количеством резервов. Я допускаю, что генерал Фош, не желая подпускать противника так близко к Амьену, пытался помешать ему в этом. Он не мог, однако, рассчитывать ни на что, кроме частичных улучшений, ибо мы далеко не располагали такими методами наступления, как Людендорф.

С другой стороны, Фош, захваченный врасплох атакой во Фландрии, перебросил туда столько резервов, что Петэн забеспокоился и указал ему, как опасно дать загипнотизировать себя положением на крайнем левом фланге нашей линии. Фош не послушался этих советов, боясь за Кале. Эти два факта свидетельствуют о несколько ограниченной перспективе событий и ошибочном взгляде на операции, подготовляемые противником.

Действительно, Людендорф был далек от мысли пробиваться какой угодно ценой к морю — я сказал выше почему — и замышлял под строжайшим секретом — его главным козырем всегда была неожиданность — в третий раз напасть на слабо защищенный и оставленный без внимания фронт у Шмен-де-Дам, центральный стержень нашей системы обороны, падение которого могло бы привести к полному провалу всей нашей диспозиции и открыло бы немцам дорогу на Париж.

Что делал Фош в это время? Послушаем рассказ об этом Маделена: „12 мая, идя навстречу желаниям многих начальников, он торопит Петэна начать с помощью армейской группы Файоля очень широкую атаку с целью освобождения железной дороги Париж—Амьен. Он предлагает Хэгу подготовить другую атаку на фланге противника с целью освобождения рудников в Брюэ, а сам не перестает видеться с высшими командными лицами и беседовать с ними о своих планах. Итог этим собеседованиям был подведен в Директиве № 3 от 20 мая, которая выражает всю мысль главнокомандующего в этот критический момент. Эта мысль носит определенно наступательный характер. Он формулировал эту мысль и раньше в своем сообщении Петэну от 12-го числа. Указывая ему на предстоящие атаки, он прибавлял: „Это значит, что наше наступление не преследует нами же самими ограниченных, близких целей; что, остановив про-

тивника во Фландрии, в Пикардии и на Сомме, мы будем продолжать наступление, чтобы разбить его и по мере возможности дезорганизовать; что начатая нами с этой целью битва должна быть с максимальной энергией и скоростью доведена до крайних возможных пределов; что она не может просто иметь своей целью улучшение теперешнего нашего положения (его легко и теперь защищать, это только вопрос солидной организации), укрепление наших позиций или сокращение длины фронта. Все эти выгоды являются естественным результатом битвы на относительно небольшом участке, но ведущейся достаточно энергично для достижения этих целей; настоящая битва отлична от обычных битв, которые мы сами останавливаем, что противно духу атаки, духу наступления, который должен воодушевлять всю армию [30].

Таким образом, Фош считает, что настал момент для нашего продвижения вперед. За исключением того, что метод Фоша несколько отличается от метода Нивелля, ибо вместо перечисления значительных результатов, которые ждут нас, он благоразумно ограничивается разговорами о наступлении на ограниченном участке фронта, но ведущемся безостановочно и проникающем сколь возможно глубже в позиции противника, за этим исключением, говорю я, в этих инструкциях явно витает дух „нивеллизма“. Заметьте, что дело происходит в первой половине мая и что американцев придется еще ждать довольно долго. Людендорф же обладает очень многочисленными резервами, значительная часть которых находится в распоряжении Рупрехта, т.-е. как раз на участке предполагаемого наступления. Догма, проповедуемая генералом Бюа и Генеральным Штабом, требует истощения сил противника до начала решительной атаки; здесь, повидимому, обе эти операции смешиваются. Если подумать о том, что эта догма построена целиком на уроках французской

кампании, то мы будем удивлены тем, что великий военачальник не начал применять ее еще с 20 мая.

Ни идея смычки с американцами, ни идея необходимости выждать истощения сил противника не занимают его. Я сказал бы, что для него, повидимому, вопрос чести выиграть кампанию до прибытия американцев. Отчасти это диктуется доблестной ревностью героя, но в большей мере, однако, тем, что предрассудок солдата заставляет его очень низко ценить незакаленные в бою американские войска. Как и 16 апреля, дух наступления волнует всю армию, начиная с Фоша и кончая рядовыми исполнителями. Маделен рассказывает о том, что многие генералы, в том числе и Манжен, выдвигали в этот период различные планы наступления. Что касается Петэна, то, как известно, он заботился только о смычке с американцами. Он сам сказал мне: „Если мы продержимся до июня, то победа за нами". Для того, чтобы продержаться, необходимо было, очевидно, какой угодно ценой соблюдать экономию, т.-е. оставаться на выжидательных позициях. Фош же имел в виду наступательную битву, которая должна была поглотить немало войсковых единиц. Если бы он мог, он атаковал бы немедленно, раньше немцев. При этом к тому времени, как Людендорф снова появился на сцене со своим сокрушительным наступлением на Шмен-де-Дам, мы имели бы очаг пожара у Амьена; там разыгрывалась бы упорная и медленно развивающаяся битва, в которой Рупрехт мог бы оказать нам серьезное сопротивление, так как он располагал большими силами. И тогда французской армии пришлось бы оплачивать роскошь содержания двух чудовищных очагов, поглощающих ее силы. Ведь никто, действительно, не верит, будто наступление в Амьенском углублении могло бы остановить немецкую атаку 27 мая. Людендорф располагал достаточными силами для сопротивления на всех участках. Что сделал бы генерал Фош, если бы

в разгар своего наступления в Пикардии или на Сомме он увидел, как поддается его фронт у Шмен-де-Дам. Он должен был бы поспешно бросить туда резервы, сняв их с поля битвы, а тогда Рупрехт, в свою очередь, перешел бы в наступление, и притом с огромными шансами на успех. А затем мы забываем еще об одном существенном обстоятельстве: наши войска были не подготовлены к маневренной войне. Мы увидим это 11 июня во время нашего наступления на Мондидье, которым руководил не кто иной, как Манжен. После трех километров наше продвижение было задержано, тогда как мы надеялись, по крайней мере, на занятие города. Я слышал в ту пору, как офицеры связи главной квартиры и офицеры из штаба Гумберта жаловались на неловкие приемы наступления наших храбрых войск, на их боязливость в движении вперед, на досадное стремление держаться локоть к локтю, тогда как немцы, наступая, придерживались тактики свободного просачивания. Впрочем, мы увидим, что мы научились маневрировать очень быстро.

Мы видели, таким образом, что 20 мая порыв к наступлению мог сорвать наши шансы на победу. Но счастье благоприятствовало нам. Подготовка к наступлению, производимая Фошем с лихорадочной поспешностью, еще не была закончена, когда 27-го числа противник начал свою атаку на Шмен-де-Дам. Еще раз, предупредив нас, Людендорф бросился в авантюру. Мы вынуждены были силой вещей оставаться на оборонительных позициях, которые были нам так выгодны и от которых мы хотели с легким сердцем отказаться. Немецкое наступление 27 мая было триумфальным, если иметь в виду только занятую территорию. Но именно потому, что неожиданность была для нас полной, мы почти не имели войск, чтобы задерживать противника. Наши резервы были далеко, у Амьена и во Фландрии, и не могли быть переброшены в нужном количестве. Поэтому это наступление, которое, по

расчетам Людендорфа, должно было стоить нам больших жертв, не обошлось нам слишком дорого. Наши войска ограничивались героической обороной справа и слева, мешая противнику расширить брешь. Хотя Суассон и пал, но Реймс остался нетронутым. Дойдя до Марны, противник ничуть не приблизил этим развязку войны. Начиная с этого момента, Людендорф, очевидно, теряет присутствие духа. Как легендарный герой, меч которого разбивается, соприкасаясь с заговоренным мечом противника, он чувствует против себя какую-то невидимую силу, которой его удары не могут нанести вреда. Эта магическая сила, это, с одной стороны, — моральное состояние Франции и воля Фоша, с другой стороны, это — абсурд непрерывного фронта, с которым он не может справиться.

Когда рассматриваешь ближе грандиозную борьбу 1918 г., начинаешь понимать, почему во времена наивной веры народное воображение помещало рядом с героем образ его ангела-хранителя, направляющего его удары и отражающего удары его врага.

*

Итак, мы подошли к последней фазе французской кампании, которая представляет собою ряд военных операций исключительной важности. 16 июня противник атаковал нас по обе стороны Реймсской горы. На нашем правом фланге он сразу был разбит; отброшенный, смятый, он уже 18 числа был вынужден остановиться. На нашем левом фланге он переправился через Марну и бешено устремился к Эперней, сдерживаемый нашими войсками. В то время, как он напрягал там все силы, чтобы добиться хоть полууспеха, и как все его внимание было обращено в эту сторону, Фош неожиданно начал 18 июня мощную атаку на фланг противника, который он открыл нам между Эной и Марной в углублении фронта у Шато-Тьерри; это наступление смяло его линию на большом протяжении и было тяжелым

ударом, после которого Людендорф остался потрясенным, ошеломленным, „groggy“, как говорят боксеры.

Эта первая волна отлива. Я вспоминаю об одном офицере из главной квартиры, который, несмотря на свои профессиональные предрассудки, обладал живым умом и дал мне ощутительно понять все значение нашего выпада. Время и место атаки были так удачно выбраны, сказал он, что она сразу нарушила равновесие. Все дела Людендорфа обратились против него самого. Мы напали на противника, когда он дошел до последнего напряжения своих усилий, когда он истощил свои физические и моральные силы. Мы использовали ненадежность этих вздувшихся углублений фронта, находившихся вне укрепленной зоны противника.

Но за всеми этими удачными словечками о победе скрывалась действительность, которая ничего не говорит мне, действительность, которая странно противоречит этим афоризмам. Они ничего не говорят о том, что генерал Фош отдал приказ о начале наступления между Эной и Марной еще 12 июня, торопясь предупредить противника, о предстоящем наступлении которого его известили разведчики. Таким образом, генерал Фош стремился не к тому, чтобы нанести ответный удар как раз во-время и с сокрушающей быстротой, а к предупредительной атаке. Вот, что говорит об этом Людендорф в своих „Мемуарах“: „В то время, как происходила подготовка (к немецкому наступлению 15 июня), французские дезертиры предупредили нас 11 и 12 числа о грозящей нам большой атаке с поддержкой танков; отправным пунктом ее должен был быть лес у Вилле-Коттере. Это заставило нас еще раз пересмотреть и пополнить наши средства обороны... Намеченная неприятельская атака не последовала. Я надеялся, что новая атака ослабит положение противника“.

В действительности, мы не сумели поспеть во-время. Наше счастье на этот раз заключалось в том,

что противник предупредил нас. Мы видели, что если бы наше наступление началось 12-го, то оно встретило бы серьезный отпор. Противник не был бы захвачен врасплох и сейчас же вызвал бы резервы; фронт был укреплен, и если бы даже мы и достигли незначительных успехов, то войска наши оказались бы обманутыми и ослабленными. А спустя три дня последовало бы большое немецкое наступление, ибо нельзя полагать, будто наша атака могла предотвратить его. Напротив, Людендорф смотрел бы на него, как на диверсию, полезную в таких случаях. Конечно, наша оборона была подготовлена очень хорошо, и Людендорф при этом потерпел бы поражение на фронте Шампани. Но верно то, что в этом случае мы не могли бы нанести в углублении у Шато-Тьерри тот ответный удар, который так деморализующе подействовал на противника. Получилась бы путаница вместо той прекрасной согласованности движений, какая имела место в действительности. Кроме того, Людендорф использовал бы свое наступление, чтобы в тот же день произвести контр-атаку между Эной и Марной. Кто знает, не подействовало ли бы это дурно на наших солдат.

Напротив, именно в силу того, что предохранительная атака 12 июня не осуществилась, и Людендорф мог перейти в наступление без всяких помех с этой стороны, он считал, что ему нечего беспокоиться по поводу области между Эной и Марной. Его бдительность ослабела, войска успокоились, и когда 18 июня мы начали осуществлять свой план, то для противника это было полной неожиданностью, и он не оказал никакого сопротивления.

Даже при самых лучших намерениях нельзя не видеть того, что в течение трех с половиной месяцев прозорливость и воля Фоша двигались в направлении, противоположном той обширной схеме прилива и отлива, которая так ясно видна во французской кампании, если изучать ее извне, на некотором расстоянии. Если рассматривать вблизи эту трагедию, кажущуюся

такой гармоничной, так правильно разделенной на две равные части, одна из которых это — сплошное хладнокровие, а другая неудержимое бешенство, если присмотреться к этому внезапному переходу от положения ожидания, выдерживаемого с величайшим самообладанием даже при самых тяжелых ударах, к наступлению, изучая при этом намерения и приказы командования, то картина представится чрезвычайно смутной и неясной. Все материалы налицо, но только случай привел их в порядок. Цепь фактов развертывалась помимо воли вождя. Накануне 30 марта, когда Фош готовился к атаке, противник предупредил его во Фландрии; в конце мая, когда должно было начаться генеральное наступление французской армии, Людендорф обрушился на Шмен-де-Дам; в середине июня, когда мы спешно подготовляли контратаку между Эной и Марной, немцы начали свое последнее наступление по обе стороны Реймса. Три раза откладывалось наше преждевременное контрнаступление, и Людендорф один брал на себя обузу бесплодного наступления, без того, чтобы мы предоставили ему случай для диверсии, благоприятствующей его планам. Мы экономили свои силы и получали возможность дожидаться момента соединения с американцами. Но если Фош считал возможным обойтись без их помощи, то не потому ли, что он не понял достаточно ясно проблему соотношения сил, что он рассчитывал заменить реальную массу стратегической уловкой, обманом глаз. Это очень опасное упорство в старых заблуждениях. Наконец, последнее преимущество этих нежелательных задержек в том, что они заставили противника растрачивать свои резервы и чрезмерно расширять свои выступы вне укрепленной зоны. Если бы мы стремились выравнивать каждую брешь в нашем фронте по мере того, как противник создавал их, то вряд ли это облегчило бы наше большое наступление. Напротив, очевидно, что наша выжидательная позиция побуждала противника неосторожно увеличивать свои

уязвимые места, давая ему основания думать, будто у нас нет сил реагировать на это. Единственная контр-атака, которая находит свое оправдание, это контр-атака 11 июня, ибо она имела целью помешать противнику выровнять углубление, очень полезное для наших планов. Все искусство этой великой битвы заключалось в умении выбрать момент для контр-наступления. Совершенно ясно, что переход в наступление не мог быть ответом на победу немцев. Прежде чем погнать врага обратно, нужно было выждать момента, когда он разобьется о наши линии, и когда в наступлении 15 июня это осуществилось, час пробил, тем более, что американские войска к этому времени уже дали нам численный перевес, который должен был чудовищно возрастать с каждым днем.

Те, кто опирался на эту схему, чтобы восхвалять преимущества наступления, не внося в нее необходимых поправок и не придавая значения этому механизму прилива и отлива, ясно показывают, что все спуталось у них в голове. В этом есть огромное и очень опасное недоразумение. Маделен, пытаясь оправдать злосчастное наступление Нивелля, говорит: „Всякий стратегический план легко критиковать. Если он обширен, то его объявляют химерическим и считают таким до момента его осуществления. Если бы в июне 1918 г. Фош сказал своим помощникам, что, атакуя в Пикардии, он в три месяца отбросит немцев до Мезы, то его, вероятно, сочли бы просто экстравагантным чудаком.“

Что общего есть между наступлением 16 апреля, которое велось против укрепленных позиций, где значительные силы врага заведомо поджидали нас, и обширным контр-наступлением Фоша против врага, истощившего свои силы и занимавшего случайную линию в открытом поле. Нивелль находился скорее в положении Людендорфа — с той лишь разницей, что ему прорыв фронта не удался, — чем в положении Фоша. Скажем громко, что нет ничего общего между

наступлением и контр-наступлением. Смешение этих двух понятий — признак абсолютной некультурности и тумана в мыслях. Контр-наступление—вот единственная путеводная идея, одновременно и тактическая и стратегическая, в войне двух наций. Миролюбивые народы не должны руководиться никакими другими идеями.

Присоедините теперь к этому процессу прилива и отлива все благоприятствовавшие нам обстоятельства, и вы будете иметь налицо все элементы победы. Прежде всего, прибытие американцев, которое обеспечило нам огромное численное превосходство в момент, когда истощение противника стало фактом. Затем материальные средства, облегчающие продвижение,— танки. Наконец, последний элемент победы, это метод французского наступления, выработанный постепенно на опыте и примененный Фошем. Этот метод, который заключался в постепенном расширении фронта атаки, а не в осуществлении глубоких прорывов, был диаметрально противоположен немецкому методу. Напасть на противника по всему фронту, заставить его бороться всюду одновременно, значило уничтожить ту удобную игру в переброску, апостолом которой был Нивелль. Не может быть победы, когда можно поддерживать битву при помощи дивизий, снятых со спокойных участков фронта. Но понятно, что для применения метода наступления на широком фронте нужно располагать большим количеством материальных средств и значительным перевесом живой силы. Для нас оба эти условия наступили лишь к середине 1918 г. Раньше их нельзя было применить. Если бы операции Фоша с теми же принципами, с тем же пылом проводились в 1917 г., то это привело бы только ко второй авантюре Нивелля. В этом урок войны и другого нам не нужно.

*

Атака 14 июня, за которой последовала контр-атака 18 июня, разбила совокупность связанных

между собою идей, на которые опирался в своем наступлении Людендорф. Действительно, он должен был верить в три постулата, чтобы быть убежденным в превосходстве своего замысла и продолжать его, а именно ему казалось очевидным, что:

1) его метод атаки должен постоянно приводить к успеху; 2) наша способность к наступлению ослабляется, а численное неравенство усиливается в его пользу при каждом его ударе; 3) Фош в силу этого должен будет сократить длину фронта и перенести линию обороны на юг, открывая путь на Париж.

Поэтому мощный толчок, полученный им 18 июня, должен был показать ему, что его постулаты были только пустыми иллюзиями. Четыре месяца кровавых жертв не привели ни к чему.

Французы, заросшие волосами, как животные, оказались более активными, чем прежде; американская помощь дала им перевес в численности, которому предстояло все увеличиваться; Фош, далекий от мысли об отступлении, готовился предпринять поход вперед.

Система Людендорфа обанкротилась; у него не было других систем для ее замены. С этих пор он ограничивается применением условностей военной игры, т.-е. прибегает к тем бесплодным правилам, к которым прибегают стратеги при отсутствии в них творческой способности к импровизации, характерной для великих полководцев.

Повинуясь давлению своего противника, он отвечал на каждый из его маневров по правилам теории. Он как будто потерял свою индивидуальность. Когда Фош производит нападение на какой-нибудь выдающийся угол позиции, он очищает всю позицию, боясь оказаться окруженным. Он потерял представление об обстановке в целом. Обширный фронт, на котором была расположена его армия, распался в его глазах на ряд частичных фронтов, слабым местом которых являются фланги. Он боялся, как бы каждое из тех углублений, которые он с таким трудом

пробивал в наших линиях, не стало для него ловушкой. Строго говоря, он не чувствовал себя в безопасности вне линии Гинденбурга; помимо себя, он тайно хотел бы вернуться снова на укрепленные позиции. Но из гордости и жадности — не желая терять своей материальной части — он совершал это отступление медленно, с упорными боями, которые еще больше изнуряли его армию. Он надеялся, вернувшись к своей отправной точке, с успехом сопротивляться, возобновив осадную войну.

Но Фош расширял с каждым днем поле своего наступления до тех пор, пока битва не закипела почти на всем протяжении фронта. Тогда только Людендорф понял, что это конец. Все наличные силы были закреплены на месте, резервы немецкой армии таяли, у Людендорфа не оставалось больше ничего, чтобы поддержать фронт в том месте, где он стал трещать под нажимом врага, ибо игра в переброску больше невозможна. Фош уничтожил последнюю условность, которая еще соблюдалась, именно процесс переброски, который требовал, чтобы наступление велось только на одном участке фронта, и битва поддерживалась дивизиями со спокойных участков.

Трудно поверить, что генералы могли в течение долгого времени удовлетворяться этим процессом, который не дает ничего, кроме бесконечного затягивания сражений. Мы видим, таким образом, что всякий раз, как какая-нибудь теоретическая идея систематически проводится в жизнь, она оказывается банкротом перед новой реальностью национальной войны.

Напротив, Фош строго приспособляется к реальности. Фош полностью приспособляется к представлению о первобытной орде, которая, собрав все силы, устремляется на врага и сражается до тех пор, пока более сильная группа не раздавит другую. Французский принцип является плодом опыта, который требует, чтобы поле атаки расширялось до

тех пор, пока не образуется один фронт битвы, и возвращает нас к глубокой сущности национальной войны. Только при этом условии возможна победа, если, конечно, нападающий имеет перевес в массе, в материальном снабжении и в вере в себя.

Все попытки на протяжении этих четырех лет подчинить национальную войну принципам военного искусства сделали ее только более кровавой и отсрочили развязку. К чему сводится победоносное контр-наступление Фоша? К сотням частичных сражений, где торжествует тактическое умение командиров небольших частей. Батальон является настоящим победителем в этой огромной битве. Капитаны и полковники сражались со своими войсками, как во времена Монлюка, и проявляли чудесную изобретательность в использовании промахов противника, в изобретении неожиданностей, в устройстве засад. Наши солдаты, ставшие своего рода военными профессионалами, проявляют чудесную приспособленность к такой малой войне, которая развертывается на фронте в 300 километров. Некоторые из этих стычек войдут в историю, например, взятие Вилле-де-Руа (Villers-de-Roye), живое описание которого дал Генри Бордо.

Один офицер из отдела информации спрашивал в этот период войны одного из генералов о том, какие инструкции тот дает своим войскам. „Я не даю никаких инструкций, — ответил генерал. — Моя роль только административная. Ведение операций принадлежит командирам батальонов. Я намечаю им цели, а они заботятся о том, чтобы достичь их".

В этом секрет нашего победоносного продвижения. Так как сражающийся больше, чем кто бы то ни было, находится в соприкосновении с действительностью, то он всегда найдет практический способ достигнуть намеченной цели. Чудовищные укрепления линии Гинденбурга могли быть взяты только таким образом, — по кускам.

Что командование пыталось, — над всеми этими бесчисленными стычками, — организовать стратегическую битву, конечно, не подлежит сомнению. Но увы! Попытки обойти в Бельгии правое крыло немецкой армии при помощи войск генерала Дегута и короля Альберта не поколебали линии противника на севере, как мы надеялись. Битва продолжалась между отдельными воинскими частями, и общее продвижение армии составлялось из маленьких продвижений отдельных частей. Наступление в Лотарингии, назначенное на 14 ноября и имевшее целью отрезать противнику путь к отступлению, правда, удалось бы, потому что мы имели перед собой очень незначительные и слабые части, но и о нем можно говорить только в сослагательном наклонении, потому что оно не состоялось.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] „О, льстивый сатирик, сколько труда ты потратил на то, чтобы сказать, что Людовик вовсе не переходил Рейна".

[2] Достаточно подумать о том, что это столь образное и живописное выражение родилось во время войны, чтобы понять многое в характере вещей. Однако, только французы могли подметить это.

[3] Если г. Ганото, употребляя слово „импровизированный", хочет указать на то, что нападение на Бельгию заставило нас изменить диспозицию, составленную нашим командованием в предположении, что нападение произойдет с восточной границы, то он ошибается, ибо Генеральный Штаб изменил очень немного в диспозиции наступления, которая была принята и тщательно разработана еще в мирное время. Он упорно стремился бросить свои войска — и действительно бросил их — в Лотарингию и через Арденнские горы, как было предусмотрено первоначальным планом, несмотря на то полное потрясение, которое было внесено в этот план немецким наступлением на Бельгию и несмотря на возражения генерала Ланрезака. Августовское наступление не являлось импровизированным ни в Эльзасе, ни в Лотарингии, ни в Арденнах. Непредвиденными являлись только операции между Мезой и Самброй. Я говорю непредвиденными, а не импровизированными, ибо все в войне является в известной мере импровизированным, поскольку каждый маневр зависит от передвижений противника.

[4] На первый взгляд, кажется, что при таком толковании событий мы совершенно не учитываем присутствия генерала Кастельно. Но для того, кто был в Шантильи и видел, как ловко нейтрализовалось там его влияние, этого возражения не существует.

[5] Занятие Мюльгаузена 7 августа было эпизодом, не имевшим никаких последствий.

[6] Среди них нужно в первую очередь отметить депутата от области Кальвадос г. Анжерана, который не побоялся выступить в защиту генерала Ланрезака в газете „Correspondant".

[7] Франше д'Эсперей, командир I корпуса армии Ланрезака.

[9] В конце концов дорога на Компьен, это тоже дорога на Париж, а Компьен со своим богатейшим замком должен был привлечь внимание немцев.

[10] Эту дату устанавливает генерал Клержери, начальник штаба военного управления Парижа. Другие авторы указывают дату 2 сентября.

[11] Revue Universelle от 15 ноября 1920 г.

[12] Как неясны эти последние строки! Разве одним из участков, где будет нанесен последний удар, не является правый фланг Клуга. Почему же, вместо того, чтобы обеспечить себе на этом участке численный перевес, Жоффр отказывает Галлиени в предоставлении войск, которых тот настойчиво требует, чтобы поддержать атаку VI армии.

[13] Совершенно очевидно, что донесение капитана Лепика не дошло до верховного командования. Более того, капитан Фагольд нашел 1 сентября в сумке одного убитого немецкого офицера приказ об изменении направления движения армии фон-Клука и передал этот приказ в Генеральный Штаб 2 сентября. Но, замечает капитан Шези в своей книге о Галлиени, «как же случилось, что на следующий день, 3 сентября, верховное командование передало командованию Парижского лагеря сообщение: „немецкая армия находится в Компьене, она не может дойти до Парижа раньше, чем через несколько дней?“» Если только не предполагать, что все сообщения, приказы и инструкции датируются совершенно произвольным способом, не имеющим никакого отношения к действительности, то это сообщение от 3 сентября доказывает, что Генеральный Штаб лишь впоследствии принял во внимание документы, доставленные капитаном Фагольдом.

[14] Оказалось, что Баррес, действительно, ошибся. Верховное командование совершило свой переезд 1 сентября в 2 ч 30 м. дня. Но выводы наши остаются, очевидно, в силе. Так или иначе, донесение капитана Лепика и капитана Фагольда никоим образом не могло быть в ту пору принято Штабом.

[15] Заметим, кроме того, что, несмотря на свою идею о полном изменении всего плана, Галлиени продолжал настойчиво и энергично проводить меры по укреплению обороноспособности Парижа.

[16] „Верховный главнокомандующий не в праве снять гарнизон, назначенный для обороны крепости военным министром. Он может, однако, вовлечь на время часть этого гарнизона в свои операции при условии, что на месте останутся силы, достаточные для обеспечения безопасности крепости; если же комендант находит, что эта мера может угрожать безопасности местности, за которую он несет ответственность, то он обязан представить свои соображения в письменном виде верховному

главнокомандующему, который должен, если он не соглашается с этими соображениями, отдать ему письменный же приказ.

[17] Такова была официальная позиция главной квартиры приблизительно до 1921 года. Затем ей пришлось переменить позицию. Молчаливо признавая, что было бы абсурдно и опасно откладывать дольше битву, она ограничивается сейчас утверждением, что идея о немедленном нападении на фланг, который открыл фон-Клук, принадлежала ей и что Галлиени пришел к этой идее лишь впоследствии.

[18] См. книгу капитана Шези: „*Галлиени*", том 1.

[19] См. книгу капитана Нолена: „*Военное воспитание Наполеона*" (Capitaine Colin: „*Educaiion militaire de Napoleon*".

[20] Главнокомандующий итальянской армии.

[21] Еще Прудон в своей книге „*Война и мир*" предсказал, что масса должна неизбежно одержать верх над искусством.

[22] Оккупация нами Рурской области в настоящее время представляет только эпизод из репарационной проблемы и не должна вводить нас в заблуждение. Не потерявши окончательно рассудка, Германия не может и помыслить о том, чтобы начать свою войну за реванш раньше, чем будет исполнен Версальский договор, который заставит нас эвакуировать левый берег Рейна и развяжет ей руки.

[23] Мы можем, правда, надеяться, что военная каста Германии, ее злой гений, пренебрежет разумным планом.

[24] *Путь победы* (Le chemin de le Victorie), стр. 19.

[26] Качество войск, в особенности кадров младшего командного состава, и достоинства их вооружения являются существеннейшими факторами победы. Самая очевидная заслуга военачальника в том, что он прежде всего стремится выковать себе хорошие орудия войны.

[27] Латинская пословица: „Кого Юпитер захочет погубить, того он лишает разума".

[28] Не нужно упускать из виду, что хотя Германия и имела два главных фронта, ее потери были приблизительно равны потерям Франции, которая имела только один фронт.

[29] Это действительно, гораздо легче представить себе, чем сделать.

[30] Нельзя не отметить характер каких-то изречений Сивиллы, который несет на себе эта фразеология.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I

Начало кампании

1. О том, как мало доверия нужно питать к военным историкам 11
2. Жоффр и К°, или Генеральный Штаб во власти идей Бергсона 30
3. План XVII в практическом приложении, или Бергсон против Ланрезака 47
4. Размышление об одном историческом моменте . . . 70
5. Правда о битве на Марне 73
6. Размышление о гении английского народа 105

ЧАСТЬ II

Банкротство военного искусства

1. Игра флангов или непредвиденная битва 111
2. Непрерывный фронт или банкротство военного искусства 131

ЧАСТЬ III

Четыре года, или жизнь игрока

1. „Настоящий военный“ — Людендорф 167
2. Танненберг, или битва против правил 177
3. Школа чудес 186

ЧАСТЬ IV

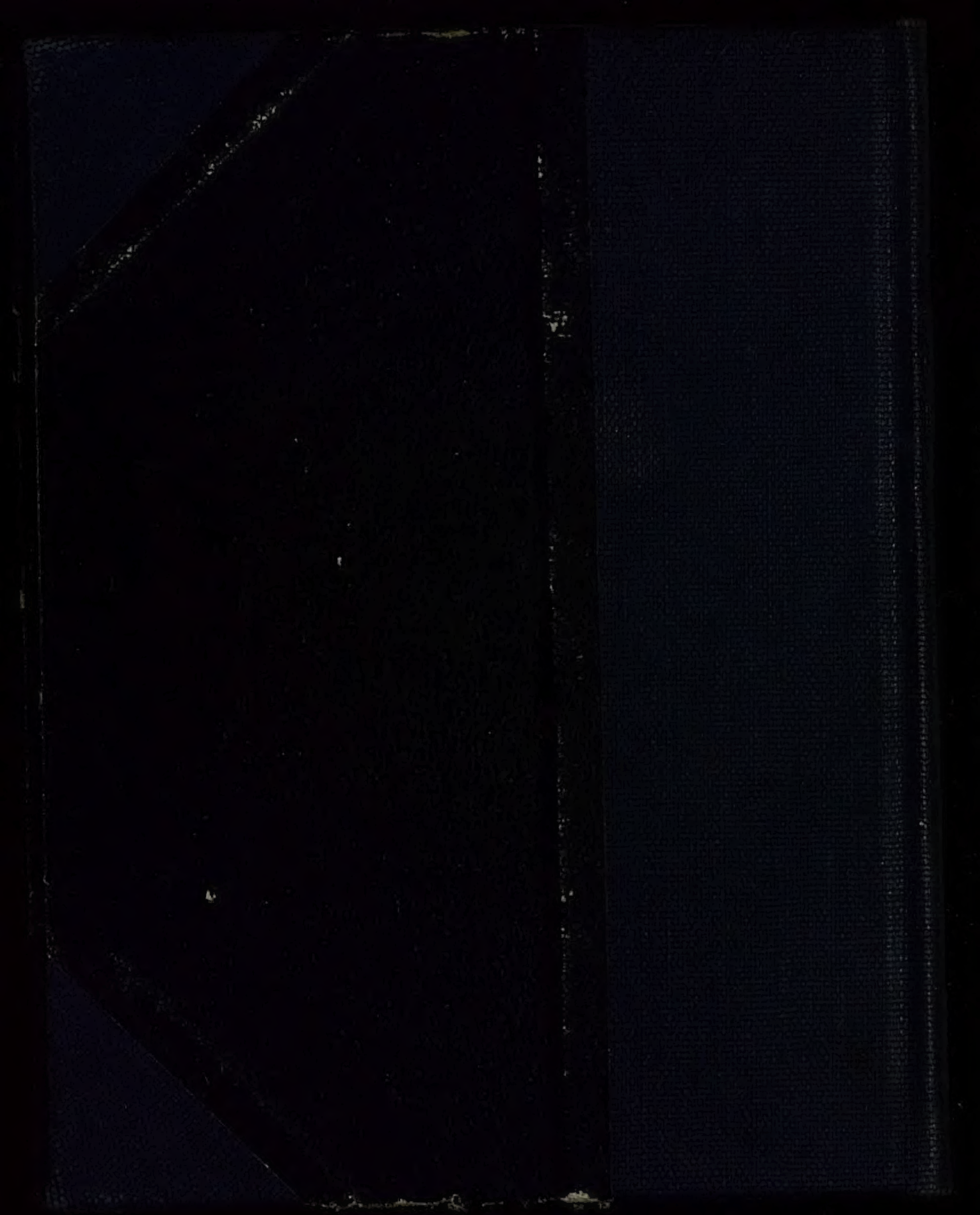
Французская кампания

1. Сюрпризы стратега 199
2. Соломинка и бревно 209
3. Беззаботный Фош 231
4. Контр-наступление как стратегия миролюбивых народов 244

Примечания 269

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б.)

Цена 1 р. 40 к.

ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК

Москва, Манежная, 7